19654/67

GB

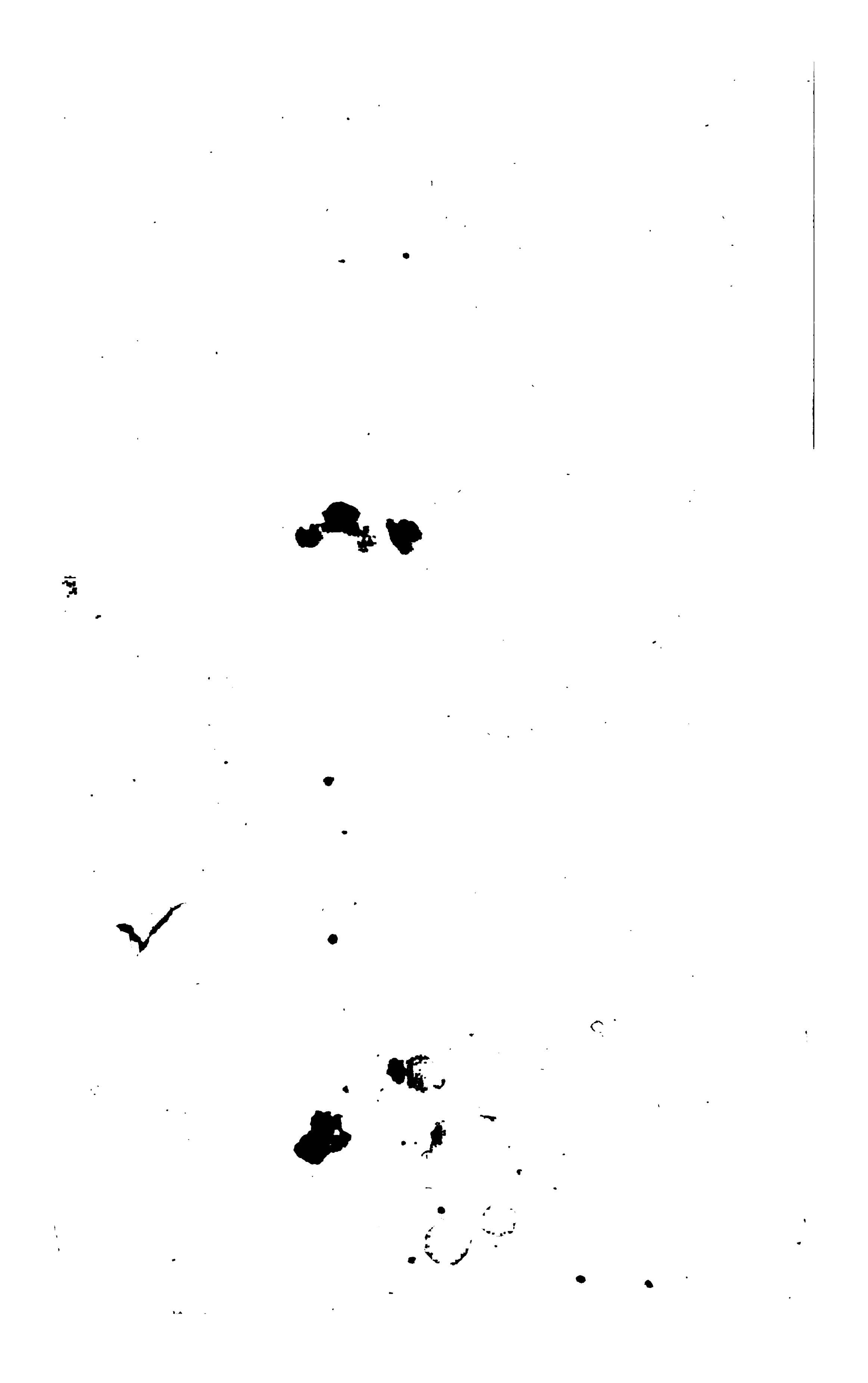
65.7-4

УТРО

ВЪ

НОВОСПАСКОМЪ.

Ivanchin-Pisarev, N.D.

УТРО

ВЪ

НОВОСПАСКОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Иванчина-Писарева.

съ приложеніемъ вида Новоспаскаго монастыря въ началѣ XVIII вѣка.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 29 дня, 1840 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

УТРО

ВЪ

НОВОСПАСКОМЪ.

Красивыя окрестности Москвы, плѣняя чужеземца, хранятъ въ себѣ двойную прелесть для Русскаго: тамъ виднѣются ему памятники вѣковыхъ испытаній и вѣковой славы отцовъ! Прекрасны виды Симонова, Андроникова, Коломенскаго и Воробьева съ его гористыми скатами, на которыхъ извѣстная живописица, Г-жа Лебрюнь, долго стояла неподвижно, какъ очарованная; но для Русскаго, повторяю, тамъ есть особенный талисманъ — святыня воспоминаній 1). Новоспаская обитель не уступитъ имъ въ обѣихъ отношеніяхъ: Вѣнчая одинъ изъ холмовъ *Крутицы* 2), ближайшій къ Москвѣ, она приводитъ на память три періода нашихъ государственныхъ возрожденій: время Іоанна Калиты, перваго предумателя Единовластія, какъ средства къ обезсиленію Монголовъ и къ добытію державѣ твердой самостоятельности;— время Іоанна III, совершителя этого великаго замысла,— и вре-

мя, не менѣе тяжкое, но за то и славное подвигами, въ которое прервался рядъ Самозванцевъ, престали нашествія, затихли крамолы,—время воцаренія Романовыхъ.

Послѣдняя половина XIII и начало XIV столѣтій означены цѣлою нитію нашихъ бѣдствій; но тутъ, когда онѣ достигали высшей степени, проглянулъ отрадный лучь ихъ ослабленія. Сынъ Александра Невскаго, Князь Даніилъ, видѣвшій славу отца, блескъ его побѣдъ, его торжественныя шествія среди народныхъ кликовъ, и, наконецъ, все это подъ схимою, бѣжитъ отъ мимотекущаго, и избираетъ себѣ тихомоленный пріютъ близъ *своего* красиваго городка. Этотъ городокъ былъ—Москва, основанная въ Суздальской области Георгіемъ, сыномъ Владиміра Мономаха, и едва возникавшая изъ пепла Батыева разгрома. Выборъ этого мѣста державнымъ отшельцемъ положилъ быть Москвѣ—кто бы угадалъ!—колыбелію независимости, а потомъ славы и могущества Россіи. Пустынька на правомъ берегу Москвы-рѣки обратилась въ обитель святаго Князя; видѣла переворотъ важный, когда сынъ его, уже Великій Князь, разгадавшій тайну державства, спасительную для самихъ народовъ, рванулся первый къ тому, чѣмъ нѣкогда была Россія; видѣла вторичное разрушеніе города, когда Ногай вносилъ въ него мечь и пламя,—уцѣлѣла, и простояла неизмѣнно болѣе полвѣка 3).

Россіи предлежали неимовѣрныя напряженія, сперва, чтобы не изчезнуть, въ послѣдствіи, чтобы возвыситься: Сынъ Даніила, Іоаннъ I, принужденъ

былъ оставить и самое мѣсто жительства Великихъ Князей, средоточіе государственной и народной дѣятельности; оставилъ *златыя врата* и храмъ Владиміра, велелѣпные слѣды Боголюбскаго, приволье города обжитаго, но гдѣ слишкомъ закоренилась система удѣловъ съ ея неизбежными усобицами, а духъ народа свыкался съ раболѣпствомъ предъ Ордою,—оставилъ престоліе, чтобы водвориться при сліяніи Москвы съ Яузой. (Чрезъ четыре столѣтія Петръ I сдѣлалъ тоже: отнесъ свой домъ съ дружиною ратною къ болотамъ Финскимъ, утвердилъ гранитъ на сваяхъ, осилилъ природу чтобы осилить внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, одолѣть всѣ препоны его дѣламъ великимъ) И такъ, оставя Владиміръ съ древними Ростовомъ и Суздалемъ, Іоаннъ I основался въ Москвѣ, которую могъ полюбить еще въ юности, посѣщая обитель отца. Тамъ создалъ онъ каменные храмы, и обнесъ ихъ дубовою стѣною; туда подвигнулъ и престолъ Первосвятителя. Скоро онъ перенесъ и эту обитель изъ зарѣчья къ своимъ Кремлевскимъ Великокняжескимъ сѣнямъ близъ которыхъ еще зеленѣлъ густый боръ. Онъ назвалъ ее *Спасопреображенскою*, а народъ *Спасомъ на бору*, 4). Чтобы достигнуть высокой меты возстановителя, въ тѣ времена туги и скорби надлежало прибѣгнуть къ молитвѣ и милостынѣ: первая ознаменовалась приближеніемъ къ чертогамъ этого моленнаго мѣста и созданіемъ другихъ храмовъ,—послѣдняя самымъ прозваніемъ Великаго Князя, носившаго съ собою *калиту* (мѣшокъ) съ деньгами для

пищихъ. Такъ избраніе Москвы быть сердцевиною Государства, началомъ мѣстнаго расширенія Россіи, родникомъ ея силъ и величія, сливалось въ думахъ ея Государя съ теплымъ рвеніемъ къ святынѣ и съ любовію къ народу. Пришелъ и для него часъ неземныхъ помысловъ,—и онъ послѣдовалъ примѣру дѣда и отца, и обитель Спаса приняла его въ свою келлію 5). Она вмѣстила въ себѣ прахи многихъ отъ царствовавшаго племени, и освятилась гробомъ нашего Апостола, Стефана Пермскаго. Великіе Князья ввѣряли ея начальникамъ тайны сердца, избирая ихъ духовниками, и призывали ихъ, вмѣстѣ съ Іерархами и святыми старцами, утверждать свои завѣщанія 6).

Прошло 132 года 7),—и за всю истому Россіи, за всѣ скорби ея державнаго страдальца, Василія *Темнаго*, Богъ послалъ ему сына, а ей возродителя: Іоаннъ III обнялъ ее своимъ творческимъ умомъ,— и она сбросила съ себя двувѣковыя цѣпи; Князья поклонились одному, Великому; Новгородъ прислалъ Святыню своего Вѣча; баскаки бѣжали изъ Кремля въ пригороды; басма растоптана; въ набережныхъ теремахъ явились послы Императора, Папы и Королей; Римъ проводилъ дочь Палеолога въ невѣсты Русскому Владыкѣ; художники Италіи вознесли чудныя зданія устарыхъ сѣней Калиты и Донскаго,—и обитель Спаса, оставя свой Кремлевскій храмъ съ именемъ собора, перенеслась на это новое мѣсто, вблизи древней Епископіи Сарайской и Подонской, въ послѣдствіи Митрополіи; на тотъ край холма Крутицкаго, кото-

рый въ XV вѣкѣ назывался *Васильевымъ станомъ,* ибо тамъ дважды стоялъ, мудрый, но безсчастный Василій Темный, противясь то Хану Татарскому, то Шемякѣ въ борьбѣ усобій 8). Пособникомъ въ этомъ перемѣщеніи былъ знаменитый старецъ Вассіанъ, утвердитель души Державнаго во дни тревогъ, адамантъ церкви и отечества, еще именуясь игуменомъ Троицкимъ, и готовясь быть первымъ Ахимадритомъ этой обители на новомъ мѣстѣ. Государь и Духовенство назвали ее *Новоспаскою* а народъ *Спасомъ на Новомъ* 9).

Время длилось; проходило еще два столѣтія, —и, между тѣмъ, какъ первобытное мѣсто обители, гдѣ началось ея основаніе Св. Даніиломъ, исполнившееся чудесъ отъ его мощей, возникало отъ запустѣнія 10), а Спасоборскій храмъ, соборный, пребывалъ подъ окомъ Державныхъ, Новоспаская обитель ветшала въ свою очередь, и ждала участи Даніиловской. Но наступила эпоха престолохищеній, лицедѣевъ, козней внутреннихъ и внѣшнихъ, и послѣдовало новое возрожденіе Россіи. Тогда рукою отрока, избранника Божія, Михаила, воздвиглась вмѣстѣ съ Державою, съ думами Калиты, съ дѣлами еще двухъ Іоанновъ и эта обитель, собравшая подъ свои помосты страдальцевъ его племени.

Съ такими-то воспоминаніями входилъ я въ обитель *Спаса на Новомъ,* и посѣщалъ ея храмы, полные святыни.

Главный храмъ, Преображенія, есть двойный памятникъ : онъ построенъ сперва Іоанномъ III, свер-

жителемъ ига Восточныхъ враговъ; снова построенный царемъ Михаиломъ, онъ означилъ конецъ тягчайшихъ золъ, ига враговъ Западныхъ. Вѣрный снимокъ съ Успенскаго въ Кремлѣ (хотя и въ меньшемъ размѣрѣ), этотъ храмъ стоитъ на мѣстѣ прежняго, надъ гробами прадѣда, дѣда и матери Царя, какъ священный мавзолей, какъ монументъ любви сыновней. Онъ былъ огромнѣйшимъ зданіемъ того времени, ибо два памятника избавленія Москвы и Царства, соборъ Казанскій и Покровскій храмъ (въ Рубцовѣ) могутъ служить ему лишь придѣлами. Искони добрые Россіяне стрегли и хранили гробы отцовъ какъ святыню, и во всю жизнь, путевую или ратную, утѣшались мыслію прилечь къ этимъ Пенатамъ сердца; и такъ можно ли было ихъ Царю избранному, коего дѣды немогли почить въ Кремлѣ съ древними Царями, не прославить ихъ гробовъ созданіемъ надъ ними такого храма! Большая часть его единокровныхъ были мученики, гонимые злобою властолюбца, и мы тѣмъ болѣе оправдываемъ ихъ державнаго чествователя... нѣтъ! мы должны благодарить его: память ихъ давно была любезна Россіи; ни одинъ не запятналъ себя въ Исторіи; всѣ стояли вѣрно въ полѣ и въ думѣ Царской за тронъ и отечество.—

Въ доказательно сердоболія Царя Михаила о гробахъ дѣдовъ, прежде нежели приложился къ нимъ прахъ его матери, выпишемъ здѣсь, какъ любопытный фактъ, слѣдующее сказаніе: «Лѣта 7123 «(1615), Апреля 13, Государь Царь и Великій «Князь Михаилъ Ѳеодоровичь велѣлъ Петру Гри-

«горьевичу Дашкову быти у Спаса въ Новомъ мо-«настырѣ для обереганья отъ прихода Крымскихъ «и Нагайскихъ людей, а съ нимъ Государь ука-«залъ быти съ сотникомъ сту человѣкъ стрѣль-«цовъ, и Петру, будучи у Спаса въ Новомъ мона-«стырѣ, жити съ всякимъ береженьемъ, и сторо-«жибъ у него въ монастырѣ были неропкіе, и сте-«регли не оплошно, чтобъ Татарове безвѣстно къ «монастырю не пришли, и дурно какого не учи-«нили.»— Историкъ, умилясь этимъ особеннымъ знакомъ усердія къ святыни, хранившей драгоцѣнныя прахи, замѣтитъ и тогдашнюю еще шаткость Царства, спасеннаго, но, при внутреннемъ разстройствѣ, еще возмущаемаго Сѣверными и Юго-Восточными врагами. Это былъ порывъ души прекрасной сквозь общій разгромъ въ дѣлахъ Россіи.

Построенія обѣихъ храмовъ Преображенія, стараго и новаго, отставали на многое время отъ ихъ предначертаній: Іоанновъ построенъ уже въ 1491, и освященъ въ 1496-мъ, г. хотя обитель переведена изъ кремля еще въ 1462. или 1466 году 11); Михаиловъ застроенъ уже въ годъ его кончины, въ 1645, а довершенъ при сынѣ его Царѣ Алексіѣ, въ 1649, между тѣмъ какъ возобновленныя стѣны обители уже обносили ее въ 1642, а воздвигнутая Патріархомъ Филаретомъ еще въ 1620 *шатровая* колокольна, съ боявыми часами, дожидалась главнаго храма 29 лѣтъ. Явно, что при обѣихъ началахъ зданія Государство было ску-

днымъ, истощеннымъ, и, какъ уже сказано, еще угрожаемымъ нашествіями, но въ оба время ихъ доканчаній возникало цвѣтущимъ. Вспомнивъ, до какой степени была потрясаема Россія, мы найдемъ еще краткими эти замедленія. Здѣсь важный предметъ для историка-наблюдателя: здѣсь доказательство и тяжкимъ бѣдствіи, которыя претерпѣла неодолимая, и внутреннихъ ея силъ къ возстанію. Пораженный различіемъ храмовъ, построенныхъ при Василіи *Темномъ*, съ тѣми, которые вознесъ его сынъ,—различіемъ храмовъ, построенныхъ при воцареніи Михаила, съ созданными при концѣ его царствованія, наблюдатель выведетъ самое вѣрное заключеніе о духѣ нашего народа, о коренныхъ средствахъ и самостоятельныхъ силахъ Царства.

Въ преддверіи собора меня остановила многосложная картина, которою испещрены своды: генеологическое собраніе лицъ нашихъ Государей, называемое родословнымъ *древомъ*. Оно подтверждаетъ преданіе, что въ XVIII вѣкѣ Новоспаская обитель называлась *комнатною*; ибо только въ дворцовыхъ храмахъ Кремля (какъ-то у Благовѣщенія и въ самомъ Дворцѣ) до 1812 года видимы были подобныя. Но, вѣроятно, что она получила это названіе не современъ только Царя Михаила, а гораздо преждѣ: при перенесеніи обители иноческая братія, безъ сомнѣнія, упросила Іоанна нелишать ее названія своей *дворцовой* или *комнатной:* этого требовали и справедливость и уваженіе В. Князя къ памяти своего прящура. Храненіе въ ней останковъ Романовыхъ, и особенно матери Царя

Михаила, должно было возобновить это названіе: Съ тѣхъ поръ стали ходить туда сами Патріархи ублажать ихъ память панихиднымъ пѣніемъ. Названіе монастыря *комнатнымъ* утверждено было Указомъ и Императрицы Елисаветы.

Я поклонился иконѣ Спасителя (Нерукотвореннаго Образа), нѣкогда прославившей вѣру слѣпаго прозрѣніемъ, и украшенной усердіемъ Царя Алексія; поклонился храмовой, мѣстной, Преображенія Господня, дару Царицы Евдокіи Лукьяновны, и такъ напоминающей намъ одного изъ трехъ ангеловъ на тронѣ Русскомъ, ибо Евдокія не уступала въ благочестіи и добродѣтели ни Анастасіи ни Наталіи 12); поклонился и другимъ остаткамъ святыни послѣ Ляховъ Междуцарствія и Французовъ 1812 года; пожалѣлъ о Спасоборской, навѣрное изъ Кремля сюда перенесенной, — и подошелъ, съ вниманіемъ любителя старины и съ любовію Русскаго, къ двумъ портретамъ, въ ростъ, Царей Михаила и Алексія. Они представлены держащими въ рукахъ своихъ изображеніе самаго соборнаго храма, что означало его создателей: одного основателя, другаго довершителя. Это портретное сочетаніе, вмѣстѣ съ упомянутымъ родословнымъ *древомъ*, недавно описаны съ археографическою точностію и съ приложеніемъ очеркныхъ снимковъ 13). Прибавлю только, что портреты имѣютъ все достоинство оригинальности, и, полагаю, писаны при Архимандритѣ Никонѣ, въ послѣдствіи Патріархѣ всея Россіи, между 1645 и 1648 годовъ, когда отстроивался храмъ, и поставлялось

тутъ Царское мѣсто, памятное старожиламъ. Портретъ Царя Михаила сходствуетъ съ видѣнною мною въ ризницѣ Воскресенскаго монастыря миніатюрою кисти Царевны Татіаны Михаиловны 14); портретъ Царя Алексія сходствуетъ съ находящимся въ самомъ храмѣ той же обители, близъ Голгофы, гдѣ Царь изображенъ поклоняющимся вмѣстѣ съ Патріархомъ. Смѣю еще добавить, оправдывая свое мнѣніе, что послѣ Никона, умнаго знателя художествъ, у насъ мало занимались портретною живописью, которая и возвратилась къ своему младенчеству 15). Я помню Новоспаскую стѣнопись прежде ея поновленія, и помню, что ни одна черта не могла ровняться съ этими портретами, какъ въ чистотѣ рисунка, кистевой замашкѣ, такъ и въ колоритной отдѣлкѣ. Еще болѣе утвердимся въ этой мысли, когда вспомнимъ времена, послѣдовавшія за двумя Царями, а особливо годъ росписанія стѣнъ (1690), съ его политическими, дворскими и церковными нестроеніями: кто вздумалъ бы, въ 1690 году, воскрешать, увѣковѣчивать черты Михаила и Алексія?—навѣрное не слабый, робкій Іоакимъ, не Князь Василій, не Милославскіе: они изобразилибы Софію, и *съ нею* двухъ Царей-братьевъ,—Софію, которая умомъ и волею дѣйствовала одна, хотя надпись на стѣнахъ храма выставляетъ и шестнатцать царственныхъ лицъ 16); но, не истребляя уже существующихъ, она не могла допустить *храмовой* выставки новыхъ портретовъ; ибо опирала свои виды властолюбія на расколъ, который не терпѣлъ такаго рода жи-

вописи 17). Царскіе портреты долго скрывались подъ иконами, ихъ заслонявшими, и открыты уже въ 1837-мъ году: Нынѣшнему настоятелю, ревностно пекущемуся о благолѣпіи храмомъ своей обители, а притомъ и любителю художествъ, предстояло снова явить взорамъ Россіянъ черты двухъ вѣнценосныхъ благодѣтелей Россіи 18).

Въ олтарѣ видны лица нашихъ Патріарховъ, едвали, впрочемъ, не вымышленныя или угаданныя по преданіямъ. Нѣкоторыя изъ другихъ стѣнописныхъ изображеній довольно любопытны. Лица Греческихъ мудрецовъ временъ язычества, изображенныхъ у входа на паперть храма, подали случай Московскому Митрополиту, Филарету, сказать достопамятное слово; « Отцы наши хотѣли тѣмъ выразить, что никогда мудрость человѣческая не восходила выше нижнихъ ступеней Христіанскаго храма. »—Наконецъ, пріятно было Русскому узнать, что Сынъ и Наслѣдникъ его Государя съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ здѣсь начертанія чувствъ и мыслей нашихъ отцовъ.

Подобно всѣмъ окрестнымъ, и эта обитель испытала ужасы нашествій, потрясавшихъ Россію въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изчезли дары и вклады Великокняжескіе: ихъ истребили Монголы Девлетъ-Гирея и Ляхи Сигисмунда; а расхищенія и грабежъ въ нашествіи 20 народовъ довершили утраты,—и набожные Росіяне, вмѣстѣ съ любителями отечественныхъ древностей, обязаны благодарностію тогдашнимъ инокамъ за сохраненіе чего нибуть вѣковаго. Когда мечь, ломъ и пламя истребляли

все безъ пощады, когда алмазы и крупные изумруды отскакивали отъ клещей грабителей и терялись ими, когда огромные колокола, падая, разбивались одинъ объ другой, и сливались въ потокахъ ростопившейся мѣди, тогда старцы въ послѣднихъ напряженіяхъ силъ уносили святые памятники вѣковъ 19),—и мы, среди многихъ новыхъ и поновленныхъ предметовъ, еще видимъ остатки былаго: тамъ еще находимъ уцѣлѣвшія иконы и утвари, вклады Патріарха Филарета, Великой Старины Мароы, Царей Михаила, Алексія и Ѳеодора. Царь Михаилъ, между прочими дарами, принесъ драгоцѣннѣйшую служебную одежду, съ коею ни одна въ Москвѣ не сравнится богатствомъ. Но эти остатки лишъ напоминаютъ намъ о богатствѣ ризницы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ; ибо, кромѣ вѣнценосцевъ, были вкладчиками Князья Сицкіе-Ярославскіе, Катыревы и Лобановы-Ростовскіе, Рѣпнины-Оболенскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Голицыны, Черкасскіе, между прочими, въ 1631 году Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій (на поминъ по Княгинѣ Шуйской); бояре Романовы, Годуновы, Морозовы, Шереметевы, Стрѣшневы, Милославскіе. Сверхъ драгоцѣнныхъ утварей, дары Великихъ Князей, Царей и Вельможъ были деньгами на строеніе, селами, (послѣднія наконецъ вмѣщали въ себѣ 12 тысячь душъ), мѣльницами, покосами, перевозами и рыбными ловлями.—Все это видно въ монастырской книгѣ, называемой *Вкладною* 20). По указу Петра I вылитъ колоколъ въ 1100 пудъ 21). Огромную колокольню

довершила Екатерина II 22). Какъ первостепенная, обитель Новоспаская имѣла свое подворье въ Кремлѣ 23).

Я сошелъ въ соборную усыпальницу. Здѣсь почилъ отецъ ангелоподобной Анастасіи, *Романъ Юрьевичъ Захарьинъ,* сынъ и племяникъ славныхъ завоевателей Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа, и приведшихъ въ наше подданство многихъ Литовскихъ Князей съ ихъ владѣніями.—Отъ имени этого Боярина произошло прибавленіе *Романовъ* къ родовому названію *Захарьинъ.* Онъ скончался въ 1543 и такъ за три года до избранія дочери въ Царицы, взятой уже у вдовы—матери 24). Кто изъ Русскихъ не знаетъ, что она явила примѣръ чего-то небеснаго на тронѣ, и за нѣсколько лѣтъ царственныхъ добродѣтелей миритъ потомство съ памятію Грознаго! Сюда къ этой могилѣ, приходила она, невѣста Царская, просить благословенія у родительскаго праха;—здѣсь являлась, новобрачная, но скорбная о бѣдствіяхъ народныхъ, когда небесный гнѣвъ поразилъ столицу ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ бывшихъ пожаровъ, и когда душа Іоанна, волнуясь еще новыми кознями извѣтовъ и смутъ, уже склонялась къ благотворному измѣненію 25).

Здѣсь нѣтъ надгробія родившей и воспитавшей Анастасію: прахъ этой Боярыни, въ послѣдствіи старицы Іуліяніи, лежитъ въ Вознесенскомъ монастырѣ подъ однимъ кровомъ съ Царицею-дочерью. Она была до конца жизни уважаема Іоанномъ, который и въ плачевные для Россіи дни своихъ со-

вращеній вспоминалъ объ ней въ духовномъ завѣщаніи, приготовляемомъ имъ въ 1574 году,—воспрещая дѣтямъ своимъ (Іоанну и Ѳеодору) касаться вотчинъ, ей дарованныхъ; а предъ кончиною избралъ ея сына, Боярина Никиту, быть однимъ изъ блюстителей Державы, « дабы облегчать слабому Ѳеодору бремя заботъ государственныхъ. ».

Къ сожалѣнію, не находимъ здѣсь гроба и этого славнаго Боярина, Никиты Романовича, героя Казани и важнаго пособника въ первомъ завоеваніи Ливоніи, умершаго въ столицѣ среди честей вельможи, и такъ долженствовавшаго почить здѣсь Но хотя мы и не видимъ надписи, кланяемся здѣсь памяти отца Филаретова и дѣда Царя Михаила, памяти мужа, увѣнчаннаго добродѣтелями, которыя отозвались и въ пѣсняхъ народныхъ 26). Можетъ быть, этотъ гробъ, давно утратившій надпись, и отъ того не упомянутый въ спискѣ 1802 года, изчезъ уже въ 1812 году, когда грабежъ и хищеніе враговъ всякой вѣры достигали до вскрытія могилъ, чему яснымъ доказательствомъ была дважды разрываемая здѣсь могила убитаго ими Іерея Святославскаго, вѣрнаго стража святыни, коего память пребудетъ незабвенною въ лѣтописяхъ церкви и Царства 27). Замѣтимъ, при томъ, что есть нѣсколько безъименныхъ камней, и такъ можно думать, что они покрываютъ знаменитые историческіе прахи, не находимые въ спискахъ.—Видны надписи надъ супругою этого вельможи и тремя дочерми: одна скончалась младенцемъ; другая Княгиня Троекурова; третья Боярыня, супруга Ивана

Ивановича Годунова (она одна не пострадала отъ Бориса).

Вотъ гробы его братьевъ (братьевъ Царицы Анастасіи): *Долмата* и *Даніила*. Послѣдній былъ однимъ изъ главныхъ предводителей въ Казанскомъ походѣ, всегда въ передовомъ полку встрѣчая грудью стрѣлы Татарскія; былъ вѣстникомъ Царицѣ-сестрѣ, Митрополиту и Московскому народу о взятіи Казани; былъ однимъ изъ воеводъ въ трудной войнѣ съ Ливоніей. Вспомнимъ еще, что юный Іоаннъ, во время тяжкой болѣзни, при шумѣ Боярской смуты, говорилъ Долмату и Даніилу (вмѣстѣ съ старшимъ, Никитою): « Захарьины, чего ужа-« саетесь? Явите мужество; умрите великодушно « за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ!»—Отъ этихъ страшныхъ словъ замолкъ шумъ; тронутые Бояре содрогнулись, прервали споръ о наслѣдованіи престола,—и Князь Воротынскій привелъ ихъ къ присягѣ служить сыну Іоаннову.

Еще гробы:

Князь Вас. Вас. Сицкій-Ярославскій, сынъ старшей сестры Царицы Анастасіи, Анны Романовны; скон. 1568 г. Отъ сюда родство Князей Сицкихъ съ Романовыми. Напрасно будемъ искать здѣсь гроба его славнаго отца, Князя Василія Андреевича: въ Ливонскую войну съ Литвою и Швеціей онъ палъ, какъ герой, въ отчаянной битвѣ подъ Венденомъ, предводительствуя Московскими полками, коихъ пушкари *повѣсились на своихъ орудіяхъ* когда принуждены были сдать ихъ непріятелю 28).

Княгиня Фотинія Даніиловна Шестунова, дочь Даніила Романовича, сконч. 1596. Ею началось родство Князей Шестуновыхъ съ Романовыми. Супругъ ея, Князь Өедоръ Дмитріевичь, въ 1585, сильно поддерживалъ честь Россіи въ переговорахъ съ Швецскими Полномочными (См. *И. Г. Р, томъ X, Примѣч.* 89). Онъ былъ знаменитымъ Бояриномъ, и съ него началъ Годуновъ свои гоненія на Романовыхъ, наградивъ его слугу за ложный доносъ на своего господина въ недоброхотствѣ къ Государю. Скоро, вмѣстѣ со всѣми родственниками, Кн. Шестуновъ сдѣлался жертвою ненависти Царя Бориса. Супруга недожила до этихъ плачевныхъ дней своего семейства, и за пять лѣтъ до нихъ почила подлѣ дѣда.

Княгиня Анна Троекурова, дочь Никиты Романовича, скончавшаяся въ 1565 году. Она была супругою одного изъ славнѣйшихъ героевъ Казанскаго и Ливонскаго походовъ, Князя Өедора Ивановича Троекурова.

Князь Михаилъ Трубецкій, скончавшійся въ 1544, и такъ одинъ изъ Князей Трубчевскихъ, потомковъ Ольгерда, поддавшихся Іоанну III, въ 1500 году, во время его войны съ зятемъ, Александромъ Литовскимъ. (Они поддались вмѣстѣ съ Князьями Мосальскими, Бѣльскими и другими, когда Захарьины предводительствовали Русскимъ войскомъ).—Тутъ же лежитъ и супруга его, *Инокиня Евфросинія.*—Сынъ ихъ, Кн. Өедоръ, былъ одинъ изъ важныхъ Бояръ и полководцевъ Іоанна IV и Өеодора, судіей въ распряхъ мѣстничества

(См. *Русскій Историческій Сборникъ*), и, уже старецъ, сказалъ объ укрѣпленіи Смоленска смѣлое и значительное слово Царю Өеодору и Правителю Годунову, съ которымъ у него всегда *рознь была*, (См. *И. Г. Р, томъ X, стр. 211 и прим. 285*). Онъ былъ друженъ съ Бояриномъ Өеодоромъ (Филаретомъ) Никитичемъ.

Княгиня Анна Оболенская, скончавшаяся въ 1547 году. Она была супругою Князя Өедора Васильевича Рѣпнина-Оболенскаго, котораго отецъ способствовалъ покоренію Пскова, и бракомъ своимъ соединила родъ Князей Оболенскихъ съ родомъ Захарьиныхъ-Романовыхъ 29).

Здѣсь и Царственные младенцы, братья Царя Михаила. Объ нихъ несчастный узникъ, Филаретъ Никитичь, страдая въ Сіиской пустынѣ, вспоминалъ въ выраженіяхъ трогательныхъ, желая имъ смерти. Они умерли; но одинъ оставшійся живымъ—оживилъ отечество 30).

Здѣсь похоронена и ихъ старшая сестра *Княгиня Татіана Өеодоровна Катырева-Ростовская*, скончавшаяся въ 1611 году. Она была супругою Кн. Ивана Михайловича, котораго отецъ, воевода Іоанна IV, былъ побѣдителемъ Литовцевъ, и, послѣ, бывъ товарищемъ Басманова, не измѣнилъ вмѣстѣ съ нимъ. Самъ же Князь Иванъ былъ игралищемъ и жертвою Междуцарственныхъ нестроеній.—Патріархъ Филаретъ и Царь Михаилъ, отецъ и братъ, почтили ее надгробною пеленою съ богатовышитою надписью.

Но вотъ изъ всѣхъ, почившихъ здѣсь, прахъ лю-

безнѣйщій для Россіи: могущественная, прославленная, не должна ли она святить его слезами благодарности!—это прахъ *Великой старицы, инокини Марфы.* Онъ вмѣщаетъ бъ себѣ много для размышленій о премѣнахъ въ судьбѣ человѣческой, о шаткости всего земнаго,—и-сколько трогательнаго для сердца! Великая Боярыня Ксенія Захарьина-Романова (*), незапно черница Марфа, принужденно постриженная, разлученная съ супругомъ, также чернецемъ невольнымъ, съ дѣтьми, съ престарѣлою матерью, розно заточенными 31), и сама страдалица въ одномъ изъ погостовъ Заонѣжскихъ, въ тѣсномъ заключеніи! Такъ было при Годуновѣ. Переведенная Лжедимитріемъ въ Костромскую Ипатьевскую обитель, она увидилась тамъ съ младенцемъ сыномъ, съ однимъ пережившимъ бѣдствія семейства. Тамъ, въ тихой келліи, молилась она, уже не-узница, вмѣстѣ съ наглядным сокровищемъ своимъ, съ надеждою ея дряхлости; молилась о супругѣ, новомъ страдальцѣ въ плѣну у Сигисмунда, и поучала своего сына одному лишъ смиренію. Тамъ, указуя на самыя стѣны обители, воздвигнутыя предкомъ погибшаго рода Годуновыхъ, она указывала ему на превратность всего дольняго 32), внушала ему правила благочестія, кротости и отчужденія отъ міра, да непознаетъ онъ его тревожныхъ шатаній,—между тѣмъ, какъ невидимая Десница избирала его быть надеждою великаго Цар-

(*) Супруга *Дворовага Воеводы* (что нынѣ Генералиссимусъ).

ства! Едва отрекся Князь Димитрій Пожарскій отъ вѣнца, указавъ на Михаила; едва возникла таже дума въ умахъ Вельможъ и Духовенства, какъ вдругъ весь народъ Московскій никѣмъ не наущенный, закипѣлъ, двинулся къ Лобному мѣсту, и дружно, какъ бы однѣми устами, произнесъ: «Да будетъ Михаилъ Ѳедоровичь Романовъ нашимъ Царемъ—Государемъ 33)!» Іерархи и Синклитъ потекли въ путь, и прибыли въ бѣдный Ипатьевскій монастырь, какъ нѣкогда волхвы библейскіе къ яслямъ Спасающаго. Марфа содрогнулась:» Для чего, спросила она, подвиглась сюда святыня соборовъ Московскихъ и Бояре Царства?»—Ей объявили волю Божію и народа. Марфа вообразила сына жертвою крамолъ, подавляемымъ тяжестію вѣнца, еще колеблемаго, еще не изъятаго изъ праха запустѣнія. Онъ казался ей свыше осужденнымъ за малоуміе и неопытность при долгѣ судить и рядить землю, властвуя надъ потомками Рюрика и Гедимина;—все это клубилось въ ея думѣ—и она плакала какъ только можетъ плакать мать и Россіянка, страшась за сына и державу въ рукахъ отрока. Громоносныя заклятія Духовныхъ, моленіе Бояръ, слезы всѣхъ людей исторгли наконецъ оживившее Россію: «буди воля Божія и народа Русскаго: отдаю вамъ Михаила!»—Она оставила свой келейный пріютъ, который и по нынѣ съ умиленіемъ посѣщаютъ Россіяне, явилась, вмѣстѣ съ сыномъ, въ престоліи Царства,—и за всѣ прежнія муки гоненія, за всѣ страхи о сынѣ, среди которыхъ облитъ ея слезами каждый алмазъ его вѣн-

ца, вкусила счастіе увидѣть радость цѣлаго народа, вдругъ позабывшаго свои скорби, чудесное наитіе державной мудрости на главу своего отрока, затишье внутри Россіи, послѣдній мужественный отпоръ Владиславу, безсиліе Сигисмунда, миры Столбовскій и Деулинскій; видѣла всенародную встрѣчу возвратившагося посла-плѣнника, ея земнаго друга, и, хотя разлученная съ нимъ обѣтомъ иночества, уже срѣтявшая въ немъ Святителя, еще могла сочетоваться съ нимъ мольбами о благѣ Царя и Царства 34); прожила по избраніи сына 19 лѣтъ; увидѣла всюду порядокъ и устроиство, отечество уже остепенившимся, уже въ сношеніяхъ съ дворами Востока и Запада; благословила вторый бракъ сына, колыбель внука, Алексія,—и уснула подъ благословеніями счастливыхъ милліоновъ 35).....

Россіянинъ вспомнитъ весь этотъ важный періодъ своей Исторіи у гроба Марфы, и почтитъ его сердечнымъ поклоненіемъ.

Я помолился ея путевой иконѣ, драгоцѣнной для изыскателя остатковъ чисто-древней иконописи, то есть Византико-Русской, уже рѣдкихъ и въ Россіи. Эта икона Богоматери стоитъ нынѣ въ соборномъ храмѣ, за лѣвымъ клиросомъ, и сохранилась отъ нашествія Французовъ, отъ штыковъ, сабель и гвоздей, которые они вбивали въ мѣстныя образа храмовъ для вѣшанія одеждъ и оружій 36). Она, безъ сомнѣнія, была родовая Захарьиныхъ, можетъ быть ею благословилъ Ксенію и Ѳедора старецъ Никита Романовичь, умершій въ обманчивой надеж-

дѣ на счастіе дѣтей. Молиться ей надъ этимъ гробомъ неразъ приходила Царица Евдокія,—и мы вспоминаемъ здѣсь, какъ были тронуты читая объ избраніи этой бѣдной, гонимой дѣвицы въ Монархини Россіи—Монархомъ также нѣкогда гонимымъ;—вспоминаемъ, какъ великая Старица увидѣла предъ собою бѣдную Дворянку, увидѣла слезы сына, и сказала ему: «Такъ было угодно Богу: возми ту, которая пришла тебѣ по мысли и по-сердцу!»—Марѳа полюбила Евдокію; Бояре, утомленные совмѣстничествомъ въ ужасахъ Междуцарствія, съ радостію забыли свои права на брачное родство съ Державнымъ, предпочли спокойствіе распрямъ, услышали о благочестіи и кротости невѣсты, помолились за-одно,—и ударили челомъ предъ сохою Лукьяна Стрешнева!... Патріотъ и философъ, гражданинъ и человѣкъ равно благословляютъ событіе, увѣнчанное благословеніемъ Неба: вся жизнь Евдокіи была исполненіемъ отцовскаго завѣта: Молиться какъ молилась въ бѣдности и изгонѣ, смиряться въ величіи, благотворить человѣчеству! (Отстранивъ преданія самой глубокой, полу-баснословной древности, мы не найдемъ ни въ какой Исторіи той патріархальной простоты, какую часто встрѣчаемъ въ исторіи своего отечества). Великая Старица скончалась въ 1631 году. Въ томъ же году Михаилъ, Евдокія и Филаретъ возложили на ея гробъ златошвейную и жемчугомъ украшеную пелѣну. (Она утратилась въ 1812 году). Къ этому гробу приводилъ Царь Алексій и свою избранницу, Наталію, даровавшую намъ Пет-

ра, и безсмертную именемъ *Матери народа Русскаго* 37). Всѣ упомянутые прахи погребены были подъ старымъ соборнымъ храмомъ, на мѣстѣ котораго воздвигнутъ видимый нынѣ. Въ послѣдствіи похоронена здѣсь дочь Царя Михаила, *Царевна Ирина,* скончавшаяся въ 1679 году. Можетъ быть, любя бабку свою, она завѣщала похоронить себя здѣсь, а не въ Вознесенскомъ Монастырѣ, гдѣ лежатъ другія шесть дочерей этого Царя.

Тутъ же похоронены роды Царевичей Сибирскихъ: Петра Алексѣевича и Алексѣя Алексѣевича, Князей Куракиныхъ, Оболенскихъ, Гагариныхъ, Дашковыхъ 38); также роды Волынскихъ Бутурлиныхъ, Еропкиныхъ, Новосильцевыхъ.... Здѣсь останавливаетъ пришельца надгробное изваяніе: металлъ изображаетъ мать, лишенную всего въ единственномъ сынѣ. Надъ его-то гробомъ, надъ гробомъ всѣхъ здѣшнихъ радостей, всѣхъ земныхъ надеждъ своихъ, она бросается къ подножію Креста, источника небесныхъ. Молиться о немъ, и замѣнять его толпою несчастныхъ, ею утѣшаемыхъ, покоемыхъ, ожидать *здѣсь* всему конца, *тамъ* всему начала, вотъ что осталось ей въ здѣшнемъ мірѣ, который видѣлъ его разцвѣтъ на поприщѣ служенія Престолу и отечеству. Вздохнемъ надъ гробомъ юноши, много обѣщавшаго, и помолимся о немъ у этого же Креста 39)!

Въ подъ-алтарныхъ склепахъ лежатъ Духовные. Здѣсь видѣнъ гробъ *всероссійскаго Митрополита Афанасія,* преемника Макарія и предшественника Святаго Филиппа. Изъ начальниковъ этой обители

возведенный на Митрополію, онъ былъ свидѣтелемъ загадочнаго перехода Іоанна IV отъ добродѣтели къ совращенію; вызвалъ его изъ Слободы Александровской; увидѣлъ слѣдствія, и, оставивъ первосвятительство, снова скрылся въ келліи Новоспасской.—Близъ него лежатъ: *Митрополитъ Павелъ и Архіепископъ Леонидъ Сарайскіе и Подонскіе.* (Сказателю объ этой Крутицкой обители принадлежитъ объяснить, по чему не легли они въ ней, отстоящей столь близко отъ здѣшней).

Здѣсь похоронены четыре Архимандрита другихъ монастырей: *Евгеній* Волоколамскаго Іосифова, *Софроній* Китайскаго Пекинскаго, *Савва* Мещевскаго Георгіевскаго, и *Гавріилъ* Симоновскаго; послѣдній—*со всею братіей.* Объяснимъ, этотъ необыкновенный случай: Во время Московской моровой язвы въ 1771 году, этотъ Архимандритъ, вмѣстѣ съ братіей, былъ переведенъ сюда изъ Симонова, гдѣ учредились карантинъ и больница для зараженныхъ,—и всѣ умерли почти въ одинъ день.

Обитель славится важными именами своихъ настоятелей, почившихъ въ Епископіяхъ и соборахъ. Важнѣйшіе изъ нихъ:

Вассіанъ I, бывшій Троицкій игуменъ, потомъ первый здѣшній Архимандритъ, въ послѣдствіи Архіепископъ Ростовскій. Онъ сдѣлалъ имя свое безсмертнымъ, бывъ ополчителемъ Іоанна III на Ахмата, и такъ починальникомъ нашего освобожденія отъ ига Татарскаго.

Афанасій (Щедрый), первый совершившій святое Крещеніе надъ царственнымъ Монголомъ, Кай-

дакуломъ (Царевичемъ Петромъ); ручатель за Князя Константина Острожскаго, и строитель перваго здѣшняго храма.

Савва отъ Святыя горы Афонскія, пострадавшій вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ.

Θеодосій, уже въ санѣ Епископа Коломенскаго благословившій Іоанна IV въ походѣ на Казань, когда Ханъ Крымскій, осадивъ Тулу, бѣжалъ отъ полковъ Россіянъ.

Іовъ, важный участникъ въ составленіи *Судебника,* первый Патріархъ Россіи, старецъ, твердостію въ страданіяхъ загладившій предъ потомствомъ союзъ честолюбивыхъ видовъ съ судьбою Годунова.

Евфимій, спутникъ Филарета и Авраамія Палицына въ посольствѣ къ Польскому Королю. Возвратясь, онъ, вмѣстѣ съ Палицынымъ, огласилъ въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Сигисмунда.

Іосафъ, одинъ изъ главныхъ Духовныхъ, шедшихъ въ Кострому избирать Царя Михаила.

Никонъ, «простый чернецъ Кожеозерскаго монастыря и чрезъ семь лѣтъ Патріархъ Россіи (*),» примѣръ постничества и строгой жизни въ пустыняхъ Кожеозерской и Анзерской, примѣръ иноковъ въ здѣшней обители, безсмертный страдальческимъ подвигомъ въ Новѣгородѣ, мудрый совѣтникъ Царя Алексія, распорядитель Царства въ отсутствіи Государя, низложитель буйнаго невѣжества, вкравшагося въ святое ученіе, просвѣщенный исправитель

(*) Карамзинъ.

служебныхъ книгъ и хартій, и создатель святыхъ памятниковъ для всенароднаго поклоненія, напоминающихъ святыню Палестины, памятниковъ, которые дѣлаютъ его незабвеннымъ. Его Лѣтопись была сокровищемъ Русскихъ бытописателей; его собраніе рукописей, Греческихъ и нашихъ, также драгоцѣнно.—Никонъ, какъ многіе думаютъ, былъ однимъ изъ главныхъ присовѣтователей Смоленскаго похода. Я вижу этого величественнаго мужа въ полномъ облаченіи Первосвятителя, осѣняющаго Царя Алексія и полки имъ ведомые; вижу стогны Москвы спертыя народомъ, кровли домовъ и башенъ имъ обставленные; слышу въ кликахъ тысячей кликъ Россіи: добудь Смоленскъ и мою древнюю славу!—наконецъ, вижу Никона, идущаго въ срѣтеніе Царя-побѣдоносца, и вручающаго ему чадъ, спасенныхъ имъ отъ моровой язвы.

Я не заслужилъ права быть изслѣдователемъ или угадателемъ историческихъ таинъ, скрытыхъ отъ насъ молчаніемъ вѣковъ, и не могу смѣло заключать объ извѣстной распрѣ Царя съ Патріархомъ; но позволю себѣ изложить нѣкоторыя мысли, отчасти согласныя съ мнѣніемъ его біографовъ: Никонъ былъ заносчивъ и пылокъ отъ природы. Это свойство, нѣкогда укрощаемое постомъ и бдѣніемъ моленнымъ, развилось при обязанности начальствовать; а неограниченное довѣріе Державнаго привило къ нему надменность и властолюбіе: забвеніе приличій отнесемъ къ простотѣ вѣка. Самодержецъ, въ свою очередь, не могъ и недолженъ былъ терпѣть высокомѣрія отъ кого бы то нибыло; въ про-

тивномъ случаѣ оскорбился бы его санъ, отъ начала міра превысшій; а тогда еще не умѣли осаживать заносчивость мѣрами кроткими. Вельможные враги Никона, вначалѣ тайные, сдѣлались явными; къ нимъ присоединились защитники раскола; вся посредственность возстала, какъ всегда бываетъ, на мужа геніальнаго. Старались его раздражать; пользовались порывами его гнѣва; наводили на нихъ Царя,—и Царь, хотя умный и добрый, могъ забыть въ Никонѣ совѣтника-друга, даже охранителя дѣтей своихъ отъ язвы; могъ видѣть въ немъ лишъ противника; а Никонъ, умный но упорный, забылъ, что носящій вѣнецъ раздаетъ митры. Оскорбленіе имъ Восточныхъ Патріарховъ довершило его паденіе.—Царь зналъ характеръ Никона,—недоброжелатели еще болѣе знали его: призывъ и примиреніе долженствовали произвесть важныя перемѣны у Двора и въ Государствѣ,—и такъ сближеніе уже было невозможнымъ, хотя предъ концемъ своимъ Алексій и посылалъ просить его прощенія, смиряясь какъ умирающій Христіанинъ.—Думаю, впрочемъ, что Царь тайно винилъ одного себя во всемъ произшедшемъ: онъ не зналъ, какъ трудно Царямъ имѣть друзей,—и означилъ свои спошенія съ Никономъ, не только дружбою, но идовѣріемъ неограниченнымъ во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, политическихъ и внутренныхъ, не исключая даже части исполнительной, не совмѣстной съ духовнымъ саномъ, а притомъ, какъ я уже и сказалъ, не могъ отклонить враговъ, которые раздражали пылкость Іерарха-любимца

40). Біографы Никона, къ торжеству Религіи и нравственности, заключаютъ его жизнь умилительнымъ взглядомъ на сей конецъ, столь сходственный съ его началомъ: онъ ознаменованъ смиреніемъ, схимою, власяницею, веригами 41). Іоакимъ не могъ или не хотѣлъ отпѣвать, какъ Патріарха, Святителя низложеннаго; но Царь Өеодоръ Алексіевичь своими руками опустилъ его въ могилу.

Важность этого лица заставила меня прервать на минуту изчисленіе знаменитѣйшихъ настоятелей Новоспаской обители: продолжимъ его.

За Архимандритомъ Никономъ слѣдовалъ смиренный

Питиримъ, достоинствами примѣрной жизни достигшій Патріаршества, и благословившій колыбель Петра.

Іосафъ (Масловъ), вельможа XVIII столѣтія, прошедшій всѣ искусы, подъявшій всѣ труды низшихъ званій монашества. Вообразивъ и время и лицо, можемъ назвать его однимъ изъ феноменовъ нравственнаго міра. Легчѣ было старинному Боярину, сохранившему свои аттлетическія сылы, оставить соболью шубу, шапку горлатную и стопы крѣпкихъ медовъ, нежели Маслову, *жителю* блестящихъ гостинныхъ, изнѣженному роскошью запада, снять съ себя бархатный бриліантами вышитый кафтанъ съ кавалерскою звѣздою—и итти, на многіе годы, молиться по ночамъ въ сырой келліи, а днемъ отправлять всѣ монастырскія службы.—И въ какомъ вѣкѣ!—когда все знаменитое, отличное въ поэзіи, литтературѣ, художествахъ выражало

одно чувственное, дышало утонченною нѣгою, располагая къ ней и умъ и сердце, льстило всѣмъ страстямъ и прихотямъ житейскимъ, все извиняло, все покрывало цвѣтами! — О сила вѣры и ея святыхъ убѣжденій! — Скажутъ, онъ постригся бывъ уже старцемъ; — но долгая привычка къ сластямъ и прихотямъ еще болѣе привязываетъ насъ къ міру, чему примѣромъ были многіе знатные старцы того времени. Прибавимъ еще, что всякій 75 лѣтній старецъ, и вельможа и простолюдинъ, требуетъ покоя, — Масловъ, въ эти лѣта, *началъ* свою многотрудную жизнь!

Амвросій (*Орнатскій*), которому Церковь и народъ Русскій обязаны много за *Исторію Россійской Іерархіи.* Онъ первый приступилъ къ такому труду, — и критикъ долженъ щадить мѣста съ нѣкоторыми погрѣшностями, уважая достоинство цѣлаго сочиненія.

Потомство, лучшій судія, выводящій изъ преданій разногласныхъ истину событій и характеровъ, скажетъ, что Новоспаская обитель можетъ похвалиться и современными мужами, бывшими ея настоятелями; но здѣсь говорится только объ отшедшихъ въ вѣчность.

Въ монастыряхъ, въ этихъ обителяхъ умертвія къ земному, болѣе всего занимаетъ почившее тамъ величіе, тлѣющія слава, именитость, красота, все что гремѣло, свѣтлѣло и плѣняло на землѣ. Ихъ гробы, сверхъ того, занимаютъ мысль о нашемъ минувшемъ: Стѣны и храмы обителей часто передаютъ намъ лишь свою исторію, — ихъ гробы — исто-

рію Царства и народа. Я посѣтилъ усыпальницу Знаменскаго храма, возобновленнаго вельможею новѣйшихъ временъ, Графомъ Н. П. Шереметевымъ. Здѣсь еще Романовы: это страдальцы, узники заточенные, братья Θеодора (Филарета) Никитича, всѣ жертвы Годунова, на смертномъ одрѣ ему порученныя отцемъ 42). Ихъ тѣла прибыли сюда во дни Лжедимитрія съ отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи..... Провидѣніе! твои пути неисповѣдимы: чьею рукою возвращены эти усопшіе страдальцы, дабы почить въ гробахъ честимыхъ?—рукою лицедѣя, губителя Царства, выхваченнаго имъ изъ рукъ ихъ гонителя 43)!—Съ ними почили и участники ихъ гоненія, сродники ихъ: Черкасскіе, Сицкіе, Шереметевы. Назовемъ важнѣйшихъ:

Александръ Никитичъ Романовъ, Бояринъ и Воевода. Тѣло его привезено и погребено здѣсь въ 1606 году. Въ 1577-мъ онъ былъ полковымъ Воеводою. Въ 1586 онъ стоялъ въ спискѣ Бояръ Кравчимъ и Коширскимъ Намѣстникомъ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Царь Θеодоръ Іоанновичъ, кончаясь, вручилъ скиптръ Θеодору (Филарету) Никитичу; сей уступилъ его брату своему, Александру, который хотѣлъ передать его другимъ братьямъ; но когда всѣ они отказались то Царь бросилъ скиптръ на землю, и сказалъ *владѣй же имъ кто хочетъ!* Борисъ Годуновъ схватилъ его. (См. *И. Г. Р. томъ X, прим. 370*). Если это и подлежитъ сомненію, но достовѣрно то, что Θеодоръ «душу свою приказывалъ Пат-«ріарху, Романовымъ и Годунову, и избралъ ихъ

«быть главными совѣтниками Трона.» Товарищество было для временщика совмѣстничествомъ. Сверхъ того, боявшійся лишиться власти прибѣгалъ къ разсказамъ гадателей, которые пугали его властолюбивую душу 44). Въ пышный походъ на Казы-Гирея этотъ Бояринъ и Воевода былъ еще съ Годуновымъ, уже съ Царемъ. Въ 1600, незапно оклеветали его и весь его родъ: «Семенъ Году-
«новъ подкупилъ казначея Романовыхъ, далъ ему
«мѣшки, наполненные кореньями, велѣлъ спрятать
«въ кладовой у Боярина Александра Никитича и
«донести на своихъ господъ, что они тайно зани-
«мались составомъ яда, умышляютъ на жизнь
«Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ трево-
«га. Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ
«къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михаила
«Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина
«Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ
«Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ
«коренья, будтобы волшебные, изготовленные для
«отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ—и Вельможи,
«усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіе-
«ва и Неронова времени, съ воплемъ кидаются на
«мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ,—
«грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ
«шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стра-
«жу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе.»—
Ихъ разослали въ разныя мѣста. Александра заточили въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю. Онъ, вмѣстѣ съ братомъ, Михаиломъ, «недолго жилъ въ
«темницѣ бывъ жертвою горести, или насильствен-

« ной смерти, какъ пишутъ. Его схоронили въ « Лудѣ. »

Первая супруга его, *Евдокія*, изъ рода Князей Голицыныхъ, скончавшаяся въ 1591 году, и вторая, *Схимница Іюлія*, бывшая заточенною съ Княгинею Черкасскою на Бѣлоозеро, и послѣ, прожившая инокинею болѣе 20-ти лѣтъ, похоронены въ здѣшней же обители (подъ соборнымъ храмомъ).

Василій Никитичь Романовъ, скончался въ 1601 году. Тѣло его привезено въ 1606. Онъ былъ заточенъ въ Яренскъ. « Донесли Царю, что « Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпя- « ми, нехотѣлъ однажды славить милосердія Бори- « сова, сказавъ приставу: » истинная добродѣтель « не знаетъ тщеславія, » Но Борисъ, какъ бы же- « лая доказать узнику истину своего милосердія, « велѣлъ снять съ него цѣпи, перевезти недужнаго « въ Пелымь къ брату, Ивану Никитичу, лишен- « ному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать « имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ, Васи- « лій отъ долговременной болѣзни скончался подъ « молитвою брата и великодушнаго раба, который « вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему « и въ оковахъ съ усердіемъ сына » (*).

Не забудемъ выставить здѣсь имя и вольнаго страдальца, вѣрнаго слуги Боярскаго: его звали Семеномъ. Онъ, впрочемъ, былъ не одинъ: Исторія

(*) Въ надгробной надписи сказано, что Василій удавленъ въ Сибирскомъ городѣ, въ Нырпу; но она не современна, и такъ мы должны вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ.

не умолчала о вѣрныхъ домочадцахъ Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпнинныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ-Ярославскихъ, которыхъ « мучили, терзали « безжалостно и безполезно; вѣрные рабы умирали « въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невин« ности господъ своихъ предъ Царемъ и Богомъ. » Замѣтимъ, что въ эту ужасную эпоху *только двое* Боярскихъ слугъ рѣшились на ложные извѣты: казначей Романовыхъ и слуга Кн. Шестунова 45).

Михаилъ Никитичь Романовъ, Окольничій и Воевода, скончался въ 1601. Тѣло его привезено въ 1606-мъ. Этотъ былъ сосланъ въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость, гдѣ умеръ въ темницѣ, въ которой страдалъ съ братомъ, Александромъ. « Его схоронили въ семи верстахъ отъ Чер« дыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, « гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ « въ церкви Ныробской хранятся Михаиловы тяж« кія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о « великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣ« пости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жите« лей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ иг« рать на свирѣляхъ, и сквозь отверстія землянки « подавали узнику все лучшее, что имѣли, для уто« ленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ « гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе « Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою 46)».

Иванъ Никитичь Романовъ, Бояринъ и Воевода, скончался уже въ 1640. Онъ страдалъ въ одно время съ братьями и другими сродниками, сосланный въ Пелымь; но участь опальныхъ, оставшихся

въ живыхъ, смягчилась, «отъ Политики ли Бори-
«са (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ хо-
«датайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ива-
«новича Годунова.» (Думаю болѣе отъ того, что лица, внушавшія Годунову страхи подозрѣнія, уже погибли: Иванъ считался больнымъ безъ надежды излеченія, а Филаретъ не могъ царствовать бывъ инокомъ, при новой еще осторожности: облеченіи его въ санъ Іеромонаха). «Въ Мартѣ 1602 Царь
«*милостиво указалъ* Ивану Романову (оставляя
«его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*),
«ѣхать въ Уфу *на службу*, отъ куда въ Нижній
«Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ
«племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ.»— Кто могъ думать, что «до толѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи,« недужный, разбитый параличемъ, Иванъ переживетъ всѣхъ единокровныхъ страдальцевъ, переживетъ и страданія Россіи, и, что еще удивительнѣе,—сдѣлается Воеводою Большаго полка во дни Междуцарствія; будетъ стоять за отечество противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ; будетъ побѣдителемъ въ славной битвѣ Выркской и товарищемъ знаменитаго Князя Скопина-Шуйскаго предъ стѣнами Москвы и въ самой Москвѣ; будетъ грудью встрѣчать враговъ, защищая тронъ юнаго племянника, и прослужитъ ему—дватцать семь лѣтъ!—Я воображаю этого знаменитаго мужа, стоящаго предъ Трономъ Михаила съ писаніемъ брата изъ темницы Варшавской: «*Ни пяди за Меня земли Русской не давать!*»—воображаю его встрѣ-

чающаго этого брата, возвращеннаго изъ плѣна: Тамъ, на пути Смоленскомъ, въ тритцати верстахъ отъ столицы, они свидѣлись на торжественной *третей встрѣчи* (на *второй* Филаретъ встрѣченъ былъ Княземъ Пожарскимъ), — и смѣшали слезы братской любви съ слезами юнаго Царя и народа, запрудившаго всю дорогу.

Здѣсь похороненъ и сынъ его, *Бояринъ Никита Ивановичь,* бывшій важнымъ Сановникомъ при Царѣ Алексіѣ, который любилъ его какъ роднаго и друга, между тѣмъ какъ народъ Московскій называлъ его *отцемъ своимъ.* Онъ скончался въ Декабрѣ 1655 *идучи съ Государевой службы,* кажется, въ славный Смоленскій походъ. Онъ, думаю, былъ послѣднимъ этого знаменитаго рода, и основываю свое мнѣніе на слѣдующихъ строкахъ упомянутой *Вкладной книги*: « Гос. Царь и Вел. Кн. Алексій « Михайловичь пожаловалъ по Бояринѣ Никитѣ « Ивановичѣ Романовѣ, изъ его вотчинъ, вотчину: « село Вишеево со крестьяны. » Царь не отдалъ бы его села въ Монастырь, еслибы у него остался кто нибудь изъ наслѣдниковъ; онъ отдалъ выморочное имѣніе. — О Никитѣ Ивановичѣ много говоритъ Олеарій, и съ большою похвалою 47). Царь Алексій изъ своей казны далъ въ Новоспаскій монастырь по душѣ его на окладъ иконы и Евангелія и на трапезное строеніе *пять тысячь рублей* (тогда это была важная сумма, ибо въ этой же книгѣ видно, что многія села, данныя Княземъ Сицкимъ, были выкуплены у монастыря за 400 рублей) 48).

Княгиня Мареа Никитична Черкасская, скон-

чалась въ 1610. Эта сестра Филарета Никитича была супругою знатнаго Вельможи, Князя Бориса Камбулатовича Черкасскаго; жила въ великой чести, нѣгѣ и пышности 49);—какъ вдругъ невзгода, грянувшая въ ихъ семейство, сопричла ее къ числу главнѣйшихъ страдальцевъ. Когда братъ ея, Өеодоръ (Филаретъ) Никитичь былъ постриженъ и сосланъ въ Сійскую Антоніеву обитель, другіе братья также заточены, ее, вмѣстѣ съ супругомъ и юною дочерью (въ послѣдствіи Шереметевою), съ сестрою, Анастасіей, и съ дѣтьми брата своего, изъ коихъ одинъ былъ шестилѣтній Михаилъ (будущій Царь!) сослали на Бѣлоозеро; разлучили съ нею всѣхъ родныхъ, пославъ ихъ въ разныя ссылки: Князя Сицскаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго острога; другихъ Сицскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ-Оболенскихъ въ темницы разныхъ городовъ. Потомъ, овдовѣвшей на Бѣлоозерѣ, Годуновъ—говоритъ Исторія— «велѣлъ ей жить съ невѣсткою «(женою Александра), сестрою и дѣтьми Өедора «Никитича, въ отчизнѣ Романовыхъ Юрьевскаго «уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и ма- «тери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семи- «лѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ «Россіи, до гибели Борисова племени.» Черкасская сдала его матери,—и не дожила трехъ лѣтъ до счастія видѣть Царскій вѣнецъ на главѣ племянника-питомца, съ которымъ дѣлила скорби и нужды въ тяжкомъ заточеніи!

Близъ нее лежитъ и супругъ ея.

Князь Борисъ Камбулатовичь Черкасскій. Этотъ знатный Вельможа Двора Іоанна IV и сына его, Царя Θеодора, скончался въ 1601 году, не перенеся тѣсноты мучительнаго заточенія на Бѣлоозерѣ и разлуки съ сыномъ (отъ перваго брака) Княземъ Иваномъ Борисовичемъ, который былъ сосланъ въ Малмыжъ на Вятку, послѣ многократнаго приведенія къ пыткѣ вмѣстѣ съ дядею своимъ, Θеодоромъ Никитичемъ. (Въ послѣдствіи онъ былъ однимъ изъ важныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ Междуцарствіи). Тѣло Князя Бориса перевезено сюда изъ Бѣлоозерской пустыни также по волѣ Лжедимитрія. Замѣчательно, что Отрепьевъ въ первой молодости своей проживалъ въ домѣ этого Князя. Черкасскій, думаю, и не видалъ его: въ Боярскихъ домахъ бывало тогда столько приживальцевъ, что большую половину Бояринъ и не встрѣчалъ, покрайней мѣрѣ не зналъ, кто они. Могъ ли думать тогда Григорій Отрепьевъ, что нѣкогда повелитъ опальному Князю Борису Черкасскому, дать честную могилу въ своей столицѣ!—Годуновъ, говоритъ *Сказаніе еже содњяся,* сердился на сына его, Князя Ивана Борисовича, уже возвращеннаго изъ ссылки, за то, что онъ держалъ его въ своемъ домѣ; но это не подлежитъ вѣроятію, ибо Князь Иванъ возвращенъ въ свой Московскій домъ *въ Мартњ* 1602, а Отрепьевъ еще *въ Февралњ* бѣжалъ изъ подъ стражи въ Польшу. Григорій проживалъ не у него, а у отца его, когда еще былъ юношей, и прежде своего постриженія;—и такъ

Годунову не на кого было сердиться за пріютъ Самозванца.

Здѣсь похоронена ихъ дочь, *Ирина Борисовна Шереметева* съ младенцемъ сыномъ, скончавшіеся въ 1616 году. Съ нею, безъ сомнѣнія, покоится и супругъ ея, *Бояринъ Өедоръ Ивановичь Шереметевъ;* но надписи я не нашелъ также какъ и многихъ важныхъ. Извѣстно изъ *Вкладной книги,* что онъ далъ на поминъ души ея село въ Кашинскомъ уѣздѣ.

Шереметевъ, прежде также страдавшій отъ Годунова, былъ во дни Междуцарственныхъ смутъ ревностнымъ защитникомъ праваго дѣла, достойнымъ товарищемъ Князя Скопина-Шуйскаго и однимъ изъ избирателей на Царство юнаго Михаила,—но былъ и родственникъ ему,—и такъ дѣеписатель долженъ оправдать его память, отклонивъ отъ нее всякое подозрѣніе въ личныхъ честолюбивыхъ видахъ. Современникъ и дѣйствователь въ эту эпоху, Авраамій Палицынъ, повѣствуя доказываетъ, что Царь былъ избранъ Провидѣніемъ чрезъ уста всего народа. Шереметевъ, правда уговаривалъ, вмѣстѣ съ другими, Инокиню Марөу благословить сына на Царство, но онъ былъ Бояринъ, представитель Россіи, и, не имѣя ни какаго правда на притязанія себѣ Державства, могъ дѣйствовать ревностнѣе и искреннѣе потомковъ Рюрика и Гедимина.—Онъ заключилъ съ Польскими полномочными Деулинское перемиріе, которое возвратило Филарета Никитича изъ плѣна. Онъ же заключилъ и славный договоръ, въ которомъ Польша признала

Царя Михаила Θеодоровича Государемъ Россійскимъ, а Король Владиславъ IV (тайно присутствовавшій на съѣздѣ) обязался не именовать себя Царемъ Московскимъ. Этотъ Бояринъ, въ послѣдствіи имѣлъ большую силу у Двора Царя Михаила, такъ, что выигралъ тяжбу по Мѣстничеству съ Княземъ Долгоруковымъ, который *выданъ былъ ему головою* и посаженъ въ тюрьму. Впрочемъ, онъ былъ правъ по родовому служебному старшинству, и знаменитый Князь Димитрій Пожарскій стоялъ за него въ этой распрѣ. Еще важнѣе то, что онъ превозмогъ въ такой же тяжбѣ Князя Сицкаго, также родственника Царя 50). По Монастырской книгѣ видно, что онъ давалъ большіе вклады въ 1624 году; скончался въ 1650 году.

Еще гробъ страдалицы Годунова времени.

Княгини Евфиміи Никитичны Сицкой-Ярославской (въ инокиняхъ *Евдокіи*). Она вторично соединила родъ Захарьиныхъ-Романовыхъ съ родомъ Кн. Сицкихъ, вышедъ за Князя Ивана Васильевича, умершаго въ Кожеозерской темницѣ. «Тогда, говорить Исторія, всѣмъ ближнимъ Романовыхъ над-«лежало погибнуть, чтобъ не осталось мстителя на «землѣ за невинныхъ страдальцевъ.—Взяли Князей «Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карпо-«выхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Кня-«зя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, «привезли въ Москву скованнаго *съ женою* и сы-«номъ, допрашивали, ужасали пыткою.... никто не «утѣшилъ тирана клеветою на самаго себя или на-

«другихъ.» *И. Г. Р.* Постриженная, она была сослана въ пустыню Сумскаго острога (*).

Князь Алексѣй Юрьевичь Сицкій-Ярославскій, скончавшійся уже въ 1644. Вмѣстѣ съ многими, онъ былъ игралищемъ волненій Междуцарствія: отклоняясь отъ Царя Василія Шуйскаго, и не приставая къ второму Самозванцу, онъ держалъ сторону Владислава, котораго избраніе, въ разгромѣ и туманѣ обстоятельствъ, многимъ казалось нужнымъ для Россіи: если бы не помѣшало коварство Сигисмунда, то сынъ его былъ бы избранъ большею частію и благонамѣренныхъ, въ числѣ которыхъ безъ всякаго сомнѣнія былъ и Кн. Алекс. Юрьев.— Онъ былъ послѣднимъ этого рода: въ *Вкладной Книгѣ* означено, что по завѣщательнному *указу* Царя Михаила Ѳеодоровича сыну своему, Царю Алексію Михаиловичу, отданы вотчины этого Князя Новоспаскому монастырю по душѣ Боярина Князя Ивана Васильевича (о которомъ уже было упомянуто) *для его терпѣнія*, то есть въ память его страданій отъ Годунова; а по душѣ самаго Князя Алексѣя Юрьевича Царь далъ своихъ 3000 рублей.

Съ ними лежатъ многіе Кн. Сицкіе, Катыревы и Лобановы-Ростовскіе, нѣкоторые изъ Куракиныхъ, Урусовыхъ, и весь родъ Черкасскихъ, изъ которыхъ знаменитѣйшіе въ XVII и XVIII столѣтіяхъ:

(*) Изъ особаго описанія Знаменскаго храма, изданнаго въ 1803 году, видно, что и Князь Иванъ Васильевичь похороненъ здѣсь же, будучи, вмѣстѣ удавленъ въ Сумскомъ острогѣ.

Князь Михаилъ Алегуковичъ, Бояринъ, скончавшійся въ 1721 году. — Этотъ гробъ напоминаетъ намъ картину ужасную и вмѣстѣ трогательную: видимъ волненіе въ Кремлѣ, Красное Крыльцо, обрызганное кровію вѣрныхъ Бояръ и устланное лоскутами ихъ золотыхъ одеждъ; видимъ отчаяніе, трепетъ, слезы Царицы Натальи Кириловны, ярость Стрѣльцовъ, проникнувшихъ въ ея комнаты, и великодушнаго Князя вырывающаго изъ ихъ рукъ старца Матвѣева! «Черкасскій, говоритъ историческое преданіе, извѣстный мужественною защитою Кіева, увѣнчался здѣсь новою добродѣтелію... «но злодѣи, разорвавъ на немъ одежду, отняли у «него Матвѣева и повергли съ крыльца на острія «копій.» (См. *Р. И. Глинки*). Провидѣніе вознаградило Черкасскаго за подвигъ хотя и безуспѣшный: онъ дожилъ до дней славы великаго сына Наталіи, встрѣчалъ Петра, шествовавшаго съ полей Полтавскихъ, и умеръ слушая торжественные залпы Нейштатскаго мира!

Князь Яковъ Куденетовичъ, важнѣйшій Вельможа при Царѣ Алексіѣ. Онъ былъ *Дворовымъ Воеводою:* Бояръ въ этомъ чинѣ, кромѣ его было, кажется, только три: Θедоръ Никитичь Романовъ и Борисъ Годуновъ при Царѣ Θеодорѣ, и Князь Василій Васильевичь Голицынъ при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ. — «Призванный изъ Черкессіи Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ и именовавшійся, до принятія святаго крещенія, *Урусканомъ*, онъ получилъ отъ Государя многія вотчины и служилъ «сначала Стольникомъ, а съ 1644 года Бояриномъ.

«Царь Алексій Михайловичь вввѣрилъ ему, въ 1654,
«передовую стражу противъ Поляковъ, съ кото-
«рою онъ занялъ Оршу, овладѣлъ Дубровною и
«Вильною, разбивъ подъ Шкловымъ Гетмана Ли-
«товскаго, Князя Януша Радзивила. Потомъ Князь
«Черкасскій, въ 1664, нанесъ большой вредъ Ко-
«ролю Польскому, Яну Казимиру въ тѣсномъ пути
«при Мглинѣ и Кричевѣ; но помрачилъ тогда свои
«лавры, отказавшись вспомоществовать Окольни-
«чему Князю Ромодановскому въ Малоросеіи, и от-
«казъ свой основалъ на томъ только, *что былъ*
«*старѣе его чиномъ!* Сей храбрый, но надменный
«Полководецъ скончался 8 Іюля 1666 года.»

(Словарь дост. муж. Бантыша-Каменскаго).

Въ послѣднемъ случаѣ извиняемый законами мѣстничества, онъ былъ вѣрнымъ слугою Царя и царства, благочестивъ и набоженъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе памятники здѣшней обители, гдѣ положены: онъ самъ, его сынъ и внукъ.

Князь Алексѣй Михайловичь, Великій Канцлеръ при Императрицѣ Елисаветѣ. Онъ прожилъ 45 лѣтъ при Петрѣ Великомъ, при немъ управлялъ всею Сибирью, и былъ имъ отличаемъ; видѣлъ царствованія Екатерины I, Петра II, Анны, правленіе Принцессы, и дѣйствовалъ въ нихъ какъ Сенаторъ и Канцлеръ. Извѣстны перевороты сопровождавшіе всѣ эти царствованія: тамъ падали Меншиковы, Долгорукіе, Бироны, Минихи, Остерманы, Головкины; но всѣ они, какъ тѣни, мелькали предъ Черкасскимъ. Надлежало быть или совсѣмъ

незначущимъ, или слишкомъ значущимъ по своимъ способностямъ, или весьма хитрымъ, чтобы дѣйствовать съ ними и — уцѣлѣть. Незначущій недостигъ бы званія Великаго Канцлера Елисаветы, бывъ Канцлеромъ Принцессы Анны; хитрость также была безсильна, когда не устоялъ и Остерманъ. Отнесемъ все это къ правотѣ душевной, къ истинной благонамѣренности, которыя своимъ путемъ, ровнымъ и прямымъ, часто ведутъ мирно до самой могилы среди козней, навѣтовъ и сѣтей зломыслія. Не всякій можетъ получить такую похвальную грамоту отъ своего Государя какую онъ получилъ, бывъ Стольникомъ, отъ Петра Великаго въ 1703 году, вмѣстѣ съ дряхлымъ отцемъ, которому товариществовалъ въ управленіи Сибири 51). Онъ умеръ первымъ чиновникомъ Государства, въ 1742 году.

Тутъ лежитъ и единственная дочь его, *Графиня Варвара Алексѣевна Шереметева*, по сказаніямъ старцевъ, *солнышко* Двора того времени. Она отличалась красотою, любезностію и ловкостію въ обращеніи. Бракомъ своимъ она снова соединила обѣ фамиліи, за сто лѣтъ породнившіяся, и, первая невѣста въ Государствѣ даже и по богатству, присоединила свои 70 тысячь душъ къ 70 тысячамъ Шереметевскихъ.

Вотъ гробъ и ея супруга, *Графа Петра Борисовича Шереметева,* сына безсмертнаго Героя Полтави и Прута. Современникъ Петра I 52) и Екатерины II, онъ служилъ при всѣхъ семи царствованіяхъ, какъ вѣрный слуга Престола и отечества,

а какъ вельможа, ослѣплялъ иноземцевъ истинно Боярскою умною пышностію, и изумилъ ею Императора Іосифа II, который, посѣтивъ его въ извѣстномъ селѣ Кусковѣ, думалъ, что посѣтилъ вѣнценоснаго сверстника. Я сказалъ: «*умная пышность*» потому, что она не была раззорительною: тогда еще длилось заведенное предками хозяйство, большіе своеродные, непокупные запасы всего. Многіе изъ насъ, не смотря на всѣ новыя хозяйственныя теоріи, проживаютъ едва ли не болѣе тогдашняго вельможи, между тѣмъ какъ въ другомъ кварталѣ города и не знаютъ, хорошо ли, дурно ли они живутъ. Екатерина любила хвалиться *такою* пышностію своихъ вельможъ, всегда, при томъ, соединенною съ благотворительностію, — и въ подмосковныхъ Шереметева, въ Останковѣ и Кусковѣ, не одинъ разъ пировали Монархи, дивясь неистощимымъ средствамъ Россіи. Но что еще достославнѣе: тамъ ежедневно угощались цѣлыя семейства скудныхъ Дворянъ, которыхъ онъ зналъ только по ихъ бѣдности и доброму поведенію. Шереметевъ, долго бывъ украшеніемъ Двора и услажденіемъ обществъ по отличной образованности и пріятному обхожденію; прославясь великолѣпіемъ и хлѣбосольствомъ, которому едва вѣрили въ чужихъ краяхъ 53), доказалъ, между тѣмъ, что онъ былъ и чувствительный человѣкъ: Лишившись милыхъ сердцу: жены и дочери, *всѣми*, какъ говорили современники, *дарами украшенной*, и невѣсты его друга 54), онъ удалился отъ Двора въ свое Кусково, и сталъ жить въ небольшомъ деревянномъ

домикѣ. Отъ туда онъ выходилъ въ свой большой Кусковскій домъ только для принятія знатныхъ посѣтителей, иногда Екатерины II и другихъ Государей. Только тогда онъ являлся еще вельможею Русской Царицы, — и Сегюры съ изумленіемъ описывали его пиры; но, возвратясь въ свой домикъ, въ свое *уединеніе* (мѣсто въ Кусковѣ, имъ такъ названное), онъ снова былъ отшельникомъ, вѣрнымъ памяти о сердечномъ счастіи, а при томъ всегда благотворителемъ и другомъ человѣчества. Кто не узнаетъ здѣсь роднаго брата чувствительной, славной страданіями *Натальи Долгоруковой*, которой вѣчная, самоотверженная любовь къ другу, данному ей Богомъ, увѣковѣчена въ нашихъ преданіяхъ, и которой *Записки* останутся на-всегда образцемъ лучшаго повѣствовательнаго краснорѣчія — краснорѣчія сердца! — Таковъ былъ Шереметевъ, сынъ великаго слуги Петра и Россіи, прямый Русскій человѣкъ и Русскій Бояринъ. — Онъ скончался въ 1788 году, проживъ 75 лѣтъ, и печально проведя 21 годъ послѣ супруги и дочери 55).

Здѣшній новый храмъ, на мѣстѣ древняго, воздвигнутъ его сыномъ (Графомъ Николаемъ Петровичемъ).

Выходя изъ подъ этихъ усыпальныхъ сводовъ, я замѣтилъ тоже, что и между гробами Соборнаго храма: многихъ надписей уже тамъ не видно, и многихъ довольно важныхъ. Сочинитель *Краткаго описанія* здѣшняго Знаменскаго, говорилъ еще въ 1803 году, что погребалище было такъ наполнено

усопшими, что едва могли помѣстить тѣло Гр. Шереметева 56); и такъ, въ теченіи двухъ вѣковъ нѣкоторые камни и надписи могли замѣниться другими.

Я оставилъ отжившихъ, и ступилъ на порогъ жизни, — но еще не земной: я посѣтилъ келлію чтимаго мною старца, Ф.....та. Что рѣдко, то и дорого: рѣдѣютъ на землѣ сѣдые младенцы по слову Божію, эти нищіе духомъ, но богатые радостію его спасенія! Не должны ли мы искать остающихся для пользы ума и сердца, когда этотъ умъ начнетъ сознаваться въ своемъ несовершенствѣ, а это сердце увѣряться, что плѣнялось тлѣномъ?

Еще разъ поклонясь храмамъ обители, осмотрѣвъ ея зданія, слѣды благочестія нашихъ Вѣнценосцевъ и ихъ Вельможъ 57); обошедъ стѣны и бойницы, замѣнившія тѣ, съ которыхъ нѣкогда громились толпы Казы-Гирея 58); полюбовавшись видами этого мѣста, украшеннаго уступами и свѣтлыми прудами, я простился съ Новоспаскимъ, и еще долго глядѣлъ на Москву, величественно обнявшую древнія селы Кучки 59); окинулъ взоромъ окрестныя дали, и сказалъ про себя: Лишите нѣкоторыя мѣста отечественныхъ воспоминаній,— останутся лишь крутые холмы съ прибрежными долинами; лишите воспоминаній памятники какой бы ни было страны,—большая часть представятъ взору невзглядныя громады камней. Тоже было бъ и съ этими видами, и съ этими памятниками при остудѣ въ насъ патріотизма. Нѣтъ, мѣста, прекрасныя въ

двойнѣ! нашъ взоръ привыкъ любоваться вами, а сердце васъ благословлять: съ вашихъ холмовъ еще намъ вѣетъ нашимъ роднымъ минувшимъ, достойнымъ памяти, — ваши камни говорятъ много тому, въ комъ *еще не простыла Русская кровь!*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1). Окрестности Москвы, о которыхъ знаменитый Карамзинъ и въ преклонныхъ лѣтахъ говорилъ съ восторгомъ (см. *Записку о Моск. дост.*), къ сожалѣнію, оставляются для пыльныхъ булеваровъ, парковъ и другихъ нововыдуманныхъ прогулокъ. Тамъ бывали многолюдныя гулянья, сверхъ торжественныхъ, годичныхъ. Послѣднія, веселя высшій класъ и простолюдиновъ, были значительны и для воспоминаній патріота (см. *Взглядъ на старинную Русскую Поэзію*, стр. 81–84).

2). Возвышеніе, изъ древле называемое *Крутицею*, въ послѣдствіи *Крутицами* (*), занято съ правой стороны, смотря отъ Москвы, старымъ Симоновымъ, въ срединѣ бывшею Епископіею Сарайскою и Подонскою, а съ лѣва Новоспаскимъ.

3). Съ 1272 по 1330-й. — Можетъ быть, начало Даніиловской обители и позднѣе 1272 года, ибо мы видимъ Князя, ея основателя, въ 1280 годахъ еще не инокомъ. Въ краткомъ описаніи монастыря, въ 1802, Архимандритомъ Іакинфомъ Карпинскимъ сказано, что первый Архимандритъ учрежденъ тамъ въ 1296 году (страница 91).

(*) Въ Степенной книгѣ и духовныхъ В. Кн. Іоанна Іоанновича и Василія Димитріевича сказано *гора Крутица*. Такъ же сказано и въ Лѣтописяхъ 1462, 1493 и 1499 году, (см. *И. Г. Р. Томъ VI, примѣчанія*).

4). Лѣтописи именуютъ храмы, построенные Калитою. Кромѣ Успенскаго, соборнаго, ознаменованнаго пророчествомъ Святителя Петра о судьбѣ Москвы и Царства, были созданы въ Кремлѣ каменные: Іоанна Лѣствениика (*подъ колоколы*), Архангела Михаила, Апостола Петра (*), а между прочими и этотъ Спасопреображенскій, у дворца, вмѣстѣ съ обителію, которой братія переведена изъ за-рѣки: «Въ лѣто 6838 (1330) Мая въ 10 «день Князь Великій заложа церковь каменую во имя «св. Спаса Преображенія близъ сущу своего двора, и «нарече быти ту монастырю.... Глаголютъ нѣціи отъ «древнихъ старецъ, яко первѣе бѣ Князь Данило Алек«сандровичь сію Архимандритію имѣяше у св. Даніила «за рѣкою». — Въ *Степенной Книгѣ* сказано: «Древ«ній-же монастырь Даниловскій и погостъ и села и все «наслѣдіе вручи Вел. Князь Архимандриту св. Спаса, «да вкупѣ оба монастыря подъ единымъ началомъ «устроляются. Мнозѣмъ лѣтамъ минувшимъ, старый мо«настырь Даниловскій оскудѣ нерадѣніемъ Архимандри«товъ Спаскихъ, яко ни слѣду монастыря познаватися; «токмо едина церковь оста, и прозвася мѣсто то *сель«цомъ Даниловскимъ*. Монастырь же св. Спаса пребысть «на Царскомъ Дворѣ до лѣтъ В. К. Ивана Васильевича».

5). «Во едину отъ нощій, почивающу ему (Іоанну I) «на ложѣ своемъ, внезапу поторжеся цѣпь у двери лож«ницы его, и глаголъ слышася: *се старецъ пріиде!* а «не видѣ никого-же глаголющаго, и уразумѣ Вел. Князь, «яко сбыться ему прорѣченіе Чудотворца Петра, и «скоро возставъ, оставляетъ вся, и въ монастырь отхо-

(*) Этотъ храмъ былъ такъ близокъ къ основанному тогда Успенскому, что при вторичномъ основаніи послѣдняго Іоанномъ III, и при перестройкѣ онаго по причинѣ паденія въ 1474 году, оба храма соединились въ ихъ стѣнномъ объемѣ, и составляютъ одно зданіе.

« дитъ Преображенія, въ немъ же и Мнишенскаго образа «сподобися воспріяти, и съ миромъ къ Богу отыде ».

6). До переведенія обители изъ Кремля въ ней были настоятелями: *Іаннъ* (послѣ Епископъ Ростовскій), « мужъ сановитъ и словесенъ и любомудръ, учителенъ « Божественныхъ Писаній и добродѣтеленъ ». — *Іоаннъ II (Непейца)*, « иже Бога ради оставль Архимандритію въ « старостѣ глубоцѣй, и сниде въ келью молчанія ». — *Михаилъ (Митяй)*, умный, но гордый и властолюбивый, « тѣломъ высокъ, плечистъ, рожайстъ; браду имѣя « плоску и велику и свершенну; словесы рѣчистъ; гласъ « имѣя доброгласенъ, износящъ; грамотѣ гораздъ, пѣти « гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ; « всѣми дѣлы Поповскими изященъ и по всему нарочитъ « бѣ; и того ради избранъ бысть изволеньемъ Вел. Князя « во отечество (*) и въ печатники, иже на себѣ ноша- « ше печать *Князя Великаго* ». Но этого недоставало для властолюбія Михаила, хотя онъ « яко нѣкій Царь « величашеся »: онъ глядѣлъ въ—Митрополиты! — и навѣрное успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи, еслибы не умеръ на пути въ Царь градъ къ Патріарху.—*Симеонъ*, убитый при взятіи Москвы Тохтамышемъ. — *Сергій*, извѣстный по путешествію своему на востокъ съ Митрополитомъ Пименомъ.— *Савва*, свидѣтельствовавшій Духовную Владиміра *Храбраго* (удивительно, что въ этой Духовной онъ подписался Игуменомъ: думаю, что это былъ знакъ его смиренія, ибо тутъ же подписался и Троицкій Игуменъ, Святый Никонъ).— *Трифонъ*, свидѣтельствовавшій Духовную В. Княгини Софіи Витовтовны, супруги Василія Димитріевича; онъ же подписалъ и Духовную Василія Темнаго.

(*) Въ Духовники.

7). Съ 1330 по 1462, въ которомъ, какъ думають слѣдуя преданіямъ, перенесена обитель изъ Кремля. Утвердительнѣе же можно опредѣлить ея перенесеніе въ 1466, какъ будетъ сказано далѣе.

8). Преданія сообщаютъ объ этомъ неопредѣлительно: по нѣкоторымъ Василій *Темный* укрѣплялся здѣсь противъ Юрія *Шемяки*, по другимъ противъ Татаръ.

9). «Сей Самодержецъ (Іоаннъ III) паки изъ града «Москвы переведе той монастырь, и постави на новомъ «мѣстѣ надъ Москвою рѣкою, на горѣ *Крутицѣ* обонъ-«полъ, отъ древняго яко зрѣймо единю, иже нынѣ зо-«вома есть великая обитель *Спасъ на Новомъ;* во градѣ «же на Дворѣ Царскомъ у Церкви Христова Преобра-«женія устроенъ бысть соборъ мірскихъ Іереевъ и Про-«топопство». — Вассіанъ *(Рыло)* былъ здѣсь первымъ Архимандритомъ, (см. *Примѣчаніе* II). — Въ исчисленіи славныхъ дѣлъ Іоанна III авторъ не держался хронологическаго порядка: онъ только характеризовалъ его въ общемъ очеркѣ. — Обѣ эпохи возрожденія Россіи превосходно описаны въ Ист. Гос. Росс., въ девятой главѣ IV-го и въ первой главѣ VI-го томовъ.

10) Вотъ что читаемъ въ Исторіи о возобновленіи Даніиловской обители: «Сочинитель *Степенной книги* пишетъ, что Даніилъ, основавъ монастырь *Даниловъ,* велѣлъ тамъ и погребсти себя, не въ церкви, а въ оградѣ; что сія древняя обитель совершенно опустѣла; что во время Великаго Князя Іоанна Васильевича св. Даніилъ явился у своего гроба, на берегу Москвы-рѣки, одному придворному юношѣ, тамъ ѣхавшему, и сказалъ ему: «рцы великому Князю Ивану: се убо самъ всячески «себе утѣшаеши, мене же забвенію предалъ еси»; что Іоаннъ Васильевичъ съ того времени уставилъ пѣть соборныя панихиды о душахъ родственниковъ своихъ; что въ княженіе его сына, Василія Іоанновича, Бояринъ Иванъ

Михайловичь Шуйскій, ѣдучи верхомъ за Государемъ, хотѣлъ съ надгробнаго камня Даніилова сѣсть на лошадь, но едва было не умеръ, и вылечился молебнами отпѣтыми на семъ мѣстѣ; что при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ умирающій сынъ одного купца исцѣлился у гроба Даніилова, и что Царь, удивленный такими чудесами, возобновилъ древній монастырь *Даниловъ*, построилъ тамъ церковь каменную, и проч.».

Эта обитель, украшающая берегъ Москвы—рѣки, виднѣется одна изъ первыхъ съ Московской дороги отъ южной стороны, и придаетъ еще болѣе красоты предмѣстіямъ. Люблю посѣщать ее: съ первыхъ лѣтъ моего младенчества она была для меня чѣмъ-то особенно священнымъ; въ послѣдствіи она вмѣстила въ своей усыпальницѣ прахъ моей сестры и друга (*). Бывало, поѣдимъ съ отцемъ въ Симоновъ, и сперва остановимся въ Даніиловомъ (**): «Когда Москва, говорилъ мнѣ отецъ, была маленькимъ городкомъ, Князь ея, святый Даніилъ, здѣсь молился, и его молитвами она стала, видишъ какая! Долго строилась, часто горѣла отъ войны; но все кончилось хорошо: были умные Государи, все исправили,— и Москва годъ отъ году красивѣе и больше. Пойдемъ, поклонимся святому Князю». Дятька поднималъ меня къ мощамъ и прикладывалъ. — Подходимъ къ Симонову, и я отвожу взоры отъ Бѣлокаменной, отъ которой не скоро ихъ оторвешъ; смотрю на живопись святыхъ вратъ, на изображенія, которыми онѣ испещрены: все святовѣковое мнѣ разсказывается, толкуется. Вошли въ

(*) Авторъ проситъ прощенія у нѣкоторыхъ читателей, если поминъ о первыхъ его лѣтахъ наскучитъ имъ своими подробностями.

(**) Прежде былъ мостъ у Даніиловскаго монастыря, который велъ къ Симонову: незнаю, для чего онъ сломанъ.

монастырь, — и къ Спасу; а тамъ въ Сергіевскую церковь, въ древнюю ея трапезу; а тамъ къ схимнику; а тамъ разсматривать надгробные камни съ крестами и Херувимами, читать подписи: гражданскія буквы легчѣ; но я учился и церковнымъ (родителямъ хотѣлось, чтобы я зналъ и шрифтъ богослужебнаго языка, на которомъ учили меня первымъ молитвамъ), разбиралъ слова *подъ титлами*. Всѣ надписи и стихи казались мнѣ прекрасными: я любилъ ихъ читать, какъ будто по предчувствію, что самъ буду чертить на Симоновскихъ камняхъ. Загудѣлъ *благовѣстникъ*, и меня ведутъ подъ темные своды храма. Другому бы соскучилось; но меня познакомили съ мракомъ древнихъ обителей, и я уже засматриваюсь на старинныя иконы, и слушаю разсказы о святыхъ мужахъ, здѣсь нѣкогда жившихъ, здѣсь молившихся. Житія Святыхъ читывалъ мнѣ умный старый дворецкій, когда Французскій учитель отдыхалъ. Шестилѣтняго меня брали къ Троицѣ, въ Новый Іерусалимъ, къ отцу крестному въ Екатерининскую пустынь; водили по соборамъ, — и я никогда не успѣвалъ всего досматривать, жалѣя, что день коротокъ.

Нѣкоторые скажутъ: такое начало воспитанія негодится въ половинѣ XIX столѣтія, — скажутъ, но справедливо ли? Я могу выставить человѣкъ пять или шесть такъ воспитанныхъ, которымъ случалось не разъ выдерживать ученые споры съ лучшими воспитанниками Оксфортскаго, Парижскихъ и Геттингскихъ учебныхъ заведѣній. Я не изъ числа матадоровъ учености, и не смѣю хвалиться; но скажу, что не почитаю пропавшими первые годы своей молодости, ибо узналъ и иноземное, узналъ его полезное и вредное, и остался съ любовію къ святой Руси; чту ея Вѣру, добрые обычаи, все умное въ ея старинѣ. Русское просквозило, но потому, что оно было отголоскомъ дѣтства, отзывомъ, котораго не за-

ъ ни космополитизмъ, ни ложная философія: оно
изъ родительскаго сердца!

это, вы, *Русскіе*, совершенно знающіе
ости храмовъ Notre dame, Saint-Germain
rtreuse de Paris, всѣ достопамятности
іи и даже Испаніи! Я почти увѣренъ,
свое первое мнѣніе улыбкою; но—такъ
а то уже совершенно увѣренъ, что годы и
нія заставятъ нѣкоторыхъ изъ васъ сказать:
имъ обители родныя: тамъ еще много для ума
кательнаго, много и для сердца тревожимаго высо-
имъ пореваніемъ; тамъ есть еще примѣры полнаго заб-
венія суеты; много и для тѣхъ, которые чувствуютъ,
что у человѣка должно быть отечество, родный край съ
его воспоминаніями; — пойдемъ къ этимъ вѣковымъ
памятникамъ, и поведемъ туда своихъ младенцевъ»!

11). Нѣкоторые думали, что монастырь перенесенъ въ 1491, смѣшивая строеніе главнаго храма съ основаніемъ самой обители, что случалось иногда и съ самыми лѣтописцами. Но существованіе трехъ *Новоспаскихъ* Архимандритовъ прежде 1491 году доказываетъ, что обитель перенесена гораздо ранѣе этого времени. Мы и сами думаемъ, что въ 1462, то есть, въ годъ возшествія на престолъ Іоанна III, было не до перенесеній монастырей; да и кремлевскія сѣни его не могли еще стѣсняться келліями обители; но рѣшительно можемъ полагать обитель перенесенною въ 1466 году, при Вассіанѣ (*Рылѣ*), когда присоединеніе Рязани, Твери, даже Новгорода, и походъ на Казань созрѣвали въ умѣ Іоанна. Скажутъ: какъ могла существовать обитель въ 1462 или 1466, когда храмъ ея построенъ лишь въ 1491? — Отвѣчаемъ: Симоновъ перенесенъ на новое мѣсто въ 1377, а его храмъ, зачатый въ 1379, освященъ уже въ 1404, но это не мѣшало Симонову быть на но-

вомъ мѣстѣ, и святымъ Ѳеодору и Кириллу быть его Архимандритами. Видно, что стѣны и келліи уже тамъ были, а храмъ, заложенный на обширномъ основаніи, замѣнялся малымъ, на—скоро построеннымъ. Перестроеніе самаго Новоспаскаго храма при Царѣ Михаилѣ, какъ уже и сказано въ текстѣ, отстало отъ построенія его колокольни дватцатью девятью годами. — Въ разное время были изданы два краткія описанія Новоспаскаго монастыря: 1-е въ 1802 (Архим. Іакинѳомъ Карпинскимъ), 2-е въ 1821 (Іеромон. Андріаномъ): въ обѣихъ согласно съ *Исторіей Росс. Іерархіи* означено перенесеніе обители въ 1642, но пусть и это недостовѣрно: въ важномъ и полезномъ трудѣ нашего Археографа, Г-на Строева, въ его *ключѣ къ Исторіи Государства Россійскаго*, слова: «*Отписашася* (въ 1467) *своей Епископьи Архіепископъ Ростовскій Трифонъ: бѣ бо болѣнъ, и сойде въ монастырь ко Спасу*» отнесены къ Спасу *на Новомъ;* и такъ послѣдній Спасоборскій Архимандритъ, упоминаемый, какъ въ *Ист. Гос. Рос.*, такъ и въ *древней Рос. Вивл.* между годами 1461 и 1462, оставивъ Архіепископію Ростова, перешелъ, въ 1467, на покой, уже къ Спасу *на Новое,* и былъ тамъ молчальникомъ при Архимандритѣ Вассіанѣ *(Рылѣ)* одинъ годъ, ибо Вассіанъ, въ 1468, самъ былъ хиротонисанъ въ Архиепископа Ростовскаго (*).

12). Обѣ упомянутыя иконы суть, безъ сомнѣнія, древнія. Того же стиля замѣчана мною и запрестольная, изображающая Богоматерь съ Младенцемъ-Спасителемъ.

(*) Говорили про одну грамоту Іоанна, въ 1480, къ Архимандриту Елисею, въ которой будто онъ названъ *Спасоборскимъ;* но этой грамоты мы не видали ни въ манускриптѣ ни въ печати; да еслибы она и существовала, то, въ старину, не смотря на измѣненія мѣстъ, привычныя названія длились не въ однѣхъ поговоркахъ народа, но часто и въ самыхъ бумагахъ.

Она особенно замѣчательна тѣмъ, что Богоматерь держитъ Младенца лѣвою рукою, а правою *благословляетъ,* чего невидно ни на какой другой иконѣ.— Въ древней России было три главные стиля иконописи: первый Византико-Русскій; онъ видѣнъ былъ въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ южныхъ городахъ, и, равно какъ тамошнее зодчество, былъ самымъ лучшимъ; — вторый Суздальскій; — третій Новгородскій. Думаю, что эти три иконы принадлежатъ послѣднему. — Византійскія и Византико Русскія иконы менѣе темнѣли отъ времени, когда не бывали поновляемы, то есть записываемы, въ XVI или XVII столѣтіяхъ.

13). Эти снимки находятся въ изданіи *Очерковъ* художника Тромонина, а толкованіе оныхъ принадлежитъ И. М. Снегиреву.

14). Миніатюрное изображеніе Царя Михаила находится въ числѣ многихъ, составляющихъ Царственную родословную въ лицахъ, украшающую книгу, которая вся писана рукою Царевны Татіяны Михаиловны. Портретъ ея отца, и другіе, изображены тамъ съ отличнымъ у насъ въ тогдашнее время искусствомъ. Разсматривая рисовальные труды Царевны, я думалъ: если бы эта Русская порфирородная художница могла, въ свое время, посѣтить музеумы Италіи, она изумила бы современниковъ необыкновеннымъ даромъ. По возмужалости видимой въ чертахъ Царя Алексія, можно полагать, что портреты писаны не задолго до удаленія Никона.

15). Доказательствомъ вниманія Никона къ портретной живописи служитъ и то, что онъ велѣлъ изобразить себя окруженнымъ портретами многихъ изъ своихъ ученыхъ современниковъ. Нѣкоторые думаютъ, что это его ученики, но вѣроятнѣе учители, какъ я всегда слышалъ; къ тому же и обритыя бороды возмужалыхъ лицъ показываютъ, что многіе изъ нихъ были изъ западныхъ жителей, учившихъ его Латинскому языку; иные представ-

ляютъ черты Греческихъ лицъ. Всѣ они могли помогать ему въ исправленіи церковныхъ книгъ. — Этотъ многосложный портретъ видѣнъ въ обители Воскресенской (Новомъ Іерусалимѣ). Тамъ есть еще и погрудный: онъ находится въ башнѣ или *столпѣ* Никоновомъ.

16). Эта стѣнная надпись (*высокимъ-вязанымъ* письмомъ) любопытна: снимокъ съ нее приложенъ также къ упомянутому описанію Г-на. Снегирева съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Можетъ быть, по причинѣ недостатка «руководствъ и изъясненій, *письмо* это остается въ заб«веніи; и многіе любители старины, но не великіе гра«мотѣи, ломаютъ голову надъ разбираніемъ его и не на«ходятъ никакого смысла». Это замѣчаніе напомнило мнѣ одно обстоятельство: охотники и собиратели эстампныхъ коллекцій знаютъ о рѣдкомъ, почти ненаходимомъ въ партикулярныхъ собраніяхъ, портретѣ *Андрея Виніуса*, извѣстномъ во всей Европѣ подъ именемъ *l'Homme au pistolet*. Этотъ *Андрей Виніусъ* былъ отецъ перваго Московскаго Почтдиректора, и употреблялся *Царемъ* Алексіемъ Михаиловичемъ по дѣламъ дипломатическимъ и торговымъ въ Голландіи. Онъ встрѣтилъ, въ Гагѣ, славнаго гравера, Корнелія Фишера (Fischer), который срисовалъ и выгравировалъ его сидящаго, держа въ рукѣ Царевъ указъ къ Боярину Матвѣеву, сообщенный ему, Виніусу. Онъ изображенъ въ полномъ костюмѣ тогдашнихъ Русскихъ Сановниковъ; на стѣнѣ висятъ карабины, или большіе пистолеты, и отъ того портретъ названъ *l'Homme au pistolet*. Этотъ эстампъ, какъ весьма рѣдкій, описанъ въ нѣкоторыхъ лексиконахъ, кабинетныхъ каталогахъ и руководителяхъ (manuels) довольно подробно; но тамъ смѣлые и скорые Французы, рѣшивъ, прибавили, что подъ портретомъ вырезана прекрасная виньетка, уборочка (un ornement). Скажу, стыдясь за новыхъ Русскихъ, что многіе изъ нихъ по-

вторяли тоже, смотря на мой экземпляръ отличнаго отпечатка, и только тогда увѣрялись, что это подпись, когда я прочитывалъ имъ съ указкою: «*Его Царскаго* «*Величества Россійскаго Государства комисаръ и Мо-* «*скій гость Андрей Денисовъ сынъ Виніюсъ* (*)».

17). Князь Вас. Вас. Голицынъ, правда, покровительствовалъ портретной живописи: многіе портреты были писаны при немъ. *Я* видѣлъ одинъ, списанный съ него, у покойнаго Князя Ѳедора Николаевича Голицына (**). Но знаменитый Оберегатель Царственной печати не рѣшился бы, *въ свое время*, выставлять портреты въ храмахъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ они уже находились.

18). Касательно характера и другихъ достоинствъ, авторъ не имѣвъ никогда чести видѣть нынѣшняго начальника, отц. Архим. Аполлоса, могъ бы только повторять слышанное отъ другихъ, — но тогда не посчадилъ бы его скромности. Объ усердіи же его къ поддержанію обители при самой просвѣщенной разборчивости въ поновленіяхъ, съ сохраненіемъ въ предметахъ древняго вида, можетъ судить всякій, кто со вниманіемъ разсмотритъ стѣнопись главнаго Новоспаскаго храма.

(*) Ученый изыскатель художественныхъ рѣдкостей, Г. Дюшенъ, въ своемъ Voyage d'un Iconophile упоминаетъ о подобномъ моему отпечаткѣ, (avant l'année) найденномъ имъ только въ королевскомъ Амстердамскомъ кабинетѣ. Я получилъ свой послѣ кончины извѣстнаго охотника, Власова, вмѣстѣ съ большею частію лучшихъ его эстамповъ. Власовъ купилъ его въ Парижскомъ аукціонѣ, когда продавался славный кабинетъ Г. Дюрана, за 1200 франковъ, искавъ этотъ портретъ болѣ двадцати лѣтъ во всѣхъ столицахъ Европы. Онъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ въ моей коллекціи.

(**) Этотъ портретъ хранится, можетъ быть, и нынѣ въ подмосковномъ селѣ, Петровскомъ, въ 20 верстахъ отъ Москвы, гдѣ я часто проводилъ лѣтніе дни любуясь прекрасными видами и наслаждаясь бесѣдою хозяина, почтеннаго старца.

19). См. изображеніе этихъ грабительствъ въ краткомъ *описаніи Новоспаскаго монастыря въ* 1821, и здѣсь *примѣчаніе* 27).

20). Монастырскія книги , называемыя *Вкладными*, *Кормовыми* и *Копейными* , равно какъ и надгробныя надписи, часто рѣшаютъ историческія загадки, а часто и задаютъ ихъ: вотъ примѣръ:

«1637, Декаб. въ 9 день. По Государынѣ Царицѣ «и Великой Княгинѣ *Маріи Владиміровнѣ* дали въ Спа-«ской монастырь бояре: Иванъ Васильевичь Шуйскій, «да Борисъ Михаиловичь Салтыковъ , да Окольничій «Михаилъ Михаиловичь Салтыковъ пятьдесятъ рублей ».

Любопытно, кто былъ Иванъ Васильевичь Шуйскій? Должно думать сынъ Василія Өедоровича Скопина-Шуйскаго: — Это былъ послѣдній въ своемъ родѣ. Еще вопросъ : какъ Шуйскіе могли соединиться съ дѣтьми Михаила Салтыкова въ чествованіи памяти Царицы Маріи, первой Супруги Царя Михаила Өеодоровича? По этому видно , что всѣ политическія вражды пресѣклись еще въ половинѣ его царствованія.

21). Замѣчательно, что въ 1717 году, когда еще длилась война съ Швеціей, и Петръ лилъ однѣ пушки, чтобы спасать ими Россію вмѣстѣ съ ея святынею , по его указу вылитъ 1100 пудовый колоколъ: это было знакомъ особеннаго вниманія къ обители Новоспаской. Въ нашествіе Французовъ , этотъ колоколъ упалъ обгорѣлый, прошибъ и обрушилъ своды Сергіевскаго храма который былъ подъ нимъ, и, утопивъ одинъ свой край въ развалинахъ перваго яруса, повисъ удержанный ими ; на него , послѣ , упалъ изъ четвертаго яруса колоколъ въ 425 пудъ, и разбилъ его въ мѣлкія части. Эта ужасная картина разрушенія напоминаетъ о кремлевскихъ взрывахъ, гдѣ взлетѣлъ и грянулся колоколъ въ 3000 пудъ,

Н[illegible]аскій былъ перелитъ, въ 1816, стараніемъ Архи-ма[illegible] (нынѣ Московскаго Митрополита) Филарета.

22). [illegible]а огромная колокольня, ос[illegible]нная при Елисаветѣ, воздвигнута при Екатеринѣ [illegible] и докончана ея вкладомъ. Она вышиною въ 33 са[illegible] и построена въ смѣ[illegible] стилѣ Архитектуры, не[illegible]нюмъ съ стилемъ соборнаго храма и ни съ какимъ [illegible]имъ. Она величественна и прекрасна, отдѣльно, [illegible]а не смотримъ на храмъ, но по изложенному отношенію, заставляетъ жалѣть и о старой, можетъ быть менѣе высокой, но болѣе согласной съ стилемъ Аристотеля Фіоравенти и его послѣдователей.

23). Кремлевское подворье Новоспаскаго монастыря, въ 1701 году, сгорѣло; а мѣсто, подобно Троицкому и Симоновскому, занято другими зданіями. Новоспаское досталось Вознесенскому монастырю.

24). «Поя (Іоаннъ IV) Княгиню Настасью у вдовы у Романовскія Юрьевича». Это было въ началѣ 1547 года. Она жила съ вдовою матерью и теткою, Өеодосіею, въ родовомъ домѣ Захарьиныхъ, на Дмитревкѣ, когда братья ея, Никита, Долмотъ и Даніилъ жили, вѣроятно по службѣ, въ кремлѣ. Өеодосія, по праву ли старшинства, или по уступкѣ ей дома въ Бѣломъ городѣ, когда все семейство перешло въ кремль, отдала его Георгіевскому монастырю (нынѣ упраздненному), въ память воцаренія племянницы: тогдашніе Россіяне всѣ важные случаи жизни ознаменовывали такими памятники, всегда жертвуя святынѣ Господней. Но, хотя въ архивныхъ запискахъ этого монастыря сказано, что Өеодосія *основала* Георгіевскій монастырь на мѣстѣ дома ихъ, Захарьиныхъ, а въ Лѣтописяхъ XV и XVI столѣтіяхъ упоминается храмъ св. Георгія на томъ же мѣстѣ; и такъ должно полагать, что Өеодосія, придавъ домъ Захарьиныхъ оному храму, и тѣмъ распространивъ его

мѣстность и зданія, обратила его въ обитель. Хр[illegible]же издавна существовалъ подлѣ дома Захарьин[illegible]а, можетъ быть, по[illegible]ѣ пожара, случившагося [illegible]самый годъ супружеств[illegible]анна съ Анастасіей, переста[illegible]енъ и на мѣсто гдѣ бы[illegible]ихъ домъ. (Исторія выставляетъ еще одну Θеодосію, [illegible] дѣвицу, а Боярыню, су[illegible] брата Романова, М[illegible]хаила Юрьевича, скончавшагося въ 1538, и бывшую [illegible]В. Кн. Еленѣ на похоронахъ В. К. Василія Іоанновича; но монастырскія преданія именуютъ *дѣвицу* Θеодосію *Юрьевну*, и такъ сбиваться недолжно). — Въ послѣдствіи, у Романовыхъ былъ еще домъ, на Варваркѣ, на мѣстѣ котораго построенъ Знаменскій монастырь, въ память возвращенія Филарета Никитича изъ 9 лѣтняхо плѣна.

Екатерина II, глубоко изучавшая Исторію Россіи, возобновила Георгіевскую обитель, потерпѣвшую отъ пожара въ 1773 году. Въ 1812 она снова испытала разореніе, и переименована въ приходскую церковь.

Тамъ находимъ гробы нѣкоторыхъ знаменитыхъ лицъ XVIII столѣтія, между коими Вице-Канцлера Гр. Головкина, раздѣлившаго съ Минихомъ и Остерманомъ кормило правленія, и вмѣстѣ съ ними пострадавшаго. Онъ умеръ въ заточеніи. Тѣло его привезено его супругою въ 1767. Эта женщина, безмертная подвигомъ супружеской любви и самоотверженія, не могла быть похоронена подлѣ его праха: она скончалась послѣ воспрещенія хоронить въ городѣ, и почила въ Андрониковской обители.

25). Современники съ ужасомъ описывали пожаръ въ 1547, которому подобенъ былъ только 1812 года. Митрополитъ Макарій, едва не задохнувшійся въ соборномъ храмѣ, расшибенный и чуть живый былъ привезенъ въ Новоспаскій монастырь, гдѣ посѣтилъ его Царь, и гдѣ встревожила Іоанна новая смута; но душа его была уже готова къ доброй перемѣнѣ. «Добродѣтельная Анастасія

«молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ. «Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, «чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ жи«вою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для «исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ»! (*Ист. Гос. Росс.*).

26). См. *Ист. Гос. Росс.* Томъ X, стр. 264.

27). Въ *краткомъ описаніи Новоспаскаго монастыря,* изданномъ въ 1821 году, сказано: «Французы изрыли «во многихъ мѣстахъ монастырь для пріобретенія со«кровищъ; не однократно разрывали три могилы не за«долго погребенныхъ предъ вторженіемъ ихъ въ столицу, «и четвертую могилу въ которой положено было тѣло «Священника приходской церкви Сорока-Мучениковъ, «что при Новоспаскомъ монастырѣ у вратъ церковныхъ, «страдальчески отъ нихъ же 2 Сентября животъ свой «скончавшаго. — Такъ же, подъ церковію соборною «складенные надъ гробами Царской Фамиліи и другихъ «знаменитыхъ особъ, въ обители сей погребенныхъ, па«мятники не пощажены; нѣкоторые совсѣмъ испровер«гнуты». — Кто читалъ подробное описаніе разрытія тѣмиже руками Царской усыпальницы въ Сент-Дени, тотъ не удивится этому. — Упомянутый пресвитеръ истязанъ и убитъ у дверей своей церкви за то, что неуказалъ, гдѣ скрыты были церковныя утвари. Имена такихъ подвижниковъ должны принадлежать потомству: имя его *Петръ Святославскій.* Незабудемъ и того, что подвигъ его сдѣланъ предметомъ Академической задачи для изображательныхъ искусствъ, и нѣсколько академиковъ испытывали въ немъ свои таланты: мысль достойная Россіи (*)!

(*) Къ вѣчной славѣ нашего Духовенства, всегда отличавшагося кротостію и смиренномудріемъ въ житіи и ученіи, твердостію въ

28). Когда Литва, Нѣмцы и Шведы вдругъ напали на малочисленное войско Россіянъ, и предстала битва на смерть (это было въ 1578), тогда нѣкоторые Воеводы явили, говоритъ Исторія, «примѣръ достойный «лучьшихъ временъ Рима. Бояринъ Князь Василій «Андреевичь Сицкій, Окольничій Василій Өедоровичь

напастяхъ, неустрашимостію въ подвигахъ ему предлежащихъ, замѣтимъ, что самые герои опустошенія отдаютъ справедливость тогдашнимъ Служителямъ олтарей Господнихъ. Вотъ выписка изъ книги: *Napoléon et ses contemporains*, великолѣпно, in-folio, изданной 1824 года, въ Парижѣ:

« Au milieu de cette triste conquête взятіе Смоленска, гдѣ, при осадѣ, погибло множество Французскаго войска) Napoléon put aussi pressentir quel genre effrayant de défense Alexandre allait déployer contre lui. L'incendie de Smolensk en effet était évidemment l'acte d'une détermination froide et raisonnée. Quel devait donc être ce peuple ennemi qui se dévouait de la sorte à tous les désastres pour sauver son empereur? et ceux qui avaient brûlé Smolensk *la Forte* pour la lui ravir, ne pouvaient-ils pas aussi bien brûler Moscow *la Sainte?* Dans ce même jour les réponses courageuses d'un pope, le seul qu'on trouva dans Smolensk, l'éclairèrent encore davantage sur *l'aveugle fureur* qu'on avait inspirée à tout le peuple russe. Son interprète, qu'effrayait cette haine, amena ce pope devant l'empereur. Le prélat vénérable lui reprocha d'abord avec fermeté ses *prétendus* sacriléges ; il ignorait que c'était le général russe lui-même qui avait fait incendier les magasins du commerce *et les clochers*, et qu'il nous accusait de ces horreurs, afin que les marchands et les paysans ne séparassent pas leur cause de celle de la noblesse. (Новый панегирикъ Русскому Дворянству).

« L'empereur l'écouta attentivement. « Mais votre église, lui dit-il en-« fin, a-t-elle été brûlée ? » — « Non, sire, repliqua le pope; Dieu sera « plus puissant que vous, il la protégera, car je l'ai ouverte à tous les « malheureux que l'incendie de la ville laisse sans asile ! » — Napoléon ému lui répondit : « Vous avez raison : oui, Dieu veillera sur les victi-« mes innocentes de la guerre ; il vous récompensera de votre courage. « Allez, bon prêtre, retournez à votre poste. Si tous vos popes eussent « imité votre exemple, s'ils n'eussent pas trahi lâchement la mission de « paix qu'ils ont reçu du ciel, s'ils n'eussent pas abandonné les temples « *que leur seule présence rend sacrés*, mes soldats auraient respecté vos

«Воронцовъ (начальникъ огнестрѣльнаго снаряда), Да-
«нило Борисовичь Салтыковъ, Князь Михайло Васильевичъ Тюфякинъ, не тронулись съ мѣста, хотѣли смер-
«ти, и нашли ее, когда непріятель, видя единственно
«горсть великодушныхъ въ станѣ, всѣми силами на нихъ
«ударилъ; Окольничего Татева, Князей Хворостинина,
«Семена Тюфякина, Дьяка Клобукова, взялъ въ плѣнъ;
«кинулся на снарядъ огнестрѣльный, и съ изумленіемъ
«увидѣлъ рѣдкое дѣйствіе воинской вѣрности: Москов-
«скіе пушкари, ужасаясь мысли отдаться непріятелю,
«повѣсились на своихъ орудіяхъ.... Сіи люди не меч-
«тали о славѣ; имена ихъ остались не извѣстными: самое
«дѣло не дошло бы до потомства, еслибы умный Секре-
«тарь Королевскій, Гейденштейнъ, не внесъ онаго въ
«свою Исторію, съ удивленіемъ души благородной,
«чувствительной къ великому и въ самыхъ непріяте-
«ляхъ».

Герой Кн. Сицкій пережилъ сына для славной смерти.

« saints asiles ; car nous sommes chrétiens, et votre Bog est notre « Dieu »

(Легко отгадать причину его гнѣва на священниковъ, которыхъ онъ не нашелъ въ Смоленскѣ: оставшись всѣ, они должны бы были возмущать народъ въ его пользу, или погибнуть вмѣстѣ съ святынею своихъ храмовъ, какъ то и было вездѣ, гдѣ проходили его войска: грабежъ и наказаніе за скрытіе церковныхъ сокровищъ вездѣ знаменовали ихъ переходы).

« A ces mots, Napoléon renvoya le prêtre à son temple avec une escorte.» (Стало быть конвой для его прикрытія былъ необходимъ.)

Тому, кто читывалъ Французскіе *мемуары*, не нужно сказывать, что этотъ священникъ возвратился полный восторговъ отъ бесѣды съ Императоромъ. Но повелитель Великой Націи, державный предводитель Великой Арміи уже не могъ дѣлать и этого въ Москвѣ, не могъ уже никого спасать, въ Москвѣ, которую обѣщалъ своимъ легіонамъ, — и почтенный Святославскій погибъ въ мукахъ!

Замѣтимъ, что этотъ сынъ его, здѣсь похороненный, Кн. Вас. Вас. Сицкой-Ярославскій, родный племянникъ Іоанну IV по Царицѣ Анастасіи, и самъ происходившій отъ племени Рюрика, былъ обвиненъ Царемъ въ распрѣ Мѣстничества съ Борисомъ Годуновымъ, потомкомъ Мурзы. Не особенная привязанность Іоанна къ Борису была тому причиною; но здѣсь объясняется, до какой степени Цари поддерживали Мѣстничество, то есть сторону Боярства въ борьбѣ съ Княжествомъ, или родовыхъ чиновъ съ родовымъ происхожденіемъ, давая торжествовать первымъ. Боярство и вся родовая чиновность, въ свою очередь, ослаблены послѣ, Княземъ Василіемъ Голицынымъ, приговорившимъ сжечь книги, по которымъ они разбирались и судились въ *мѣстахъ*. Все смѣшалось Петромъ Великимъ, къ пользѣ и спокойствію, Россіи. Онъ уважалъ памятованіе дворянъ о заслугахъ предковъ, и видѣлъ въ этомъ государственную пользу; но, между тѣмъ, возвышалъ и достоинства личныя, и одинъ рѣшилъ распрю Бояръ съ Князьями, заставя ихъ всѣхъ *маршировать* — вмѣстѣ съ собою — за Лефортомъ и Гордономъ.

29). Для доказательства родства. Кн. Оболенскихъ съ Захарьиными - Романовыми вотъ извѣстіе о челобитьѣ, которое принялъ Царь Борисъ, пользуясь случаемъ оскорбить Романовыхъ: «Билъ челомъ Государю «Кн. Ѳед. Ноготковъ, что въ нынѣшнемъ году на Го«сударевой службѣ, на берегу, былъ *въ правой рукѣ* «Бояринъ Кн. Ив. Вас. Сицкой, а *въ передовомъ полку* «Кн. Александръ Рѣпнинъ-Оболенской, и Кн. Алек«сандръ дружася съ Кн. Ив. Сицкимъ, и удружа Ѳедору «Никитину сыну Романову, потому что *Ѳедоръ* и Кн. «Ив. Сицкой и *Кн. Александръ Рѣпнинъ межъ собой* «*братья* и великіе други, на Кн. Ивана не билъ челомъ «въ отечествѣ, и тѣмъ *воровскимъ нечелобитьемъ* поруху

«и укоръ учинилъ всѣмъ Оболенскимъ». Борисъ, говоритъ Исторія, нашелъ требованіе Кн. Ноготкова *справедливымъ* и велѣлъ записать въ книгахъ, что Оболенскіе по службѣ остаются выше Сицкихъ.—Этотъ доносъ любопытенъ, и доказываетъ, какъ въ тѣ времена стояли за свое происхожденіе: казалось, какое бы дѣло Князю Ноготкову до того, что Князь Рѣпнинъ-Оболенскій уступилъ свое право Мѣстничества Князю Сицкому, — но Кн. Ноготковъ происходилъ отъ Кн. Ногтя-Оболенскаго. — Θеодора (Филарета) Никитича, какъ родственника, помѣстили въ этомъ челобитьѣ виновнымъ, для того только, чтобы угодить Царю, искавшему предлога притѣснять его. — Повторяю: я привелъ это здѣсь для показанія родства Князей Оболенскихъ съ Романовыми, съ которыми они, скоро послѣ того, раздѣляли опалу и заточеніе.

Почившая здѣсь Княгиня Анна скончалась 5 Апрѣля, и такъ видѣла бракъ своей родственницы съ Царемъ Іоанномъ, и имѣла счастіе не дожить до извѣстныхъ *великихъ* пожаровъ и бунта, которые ужаснули Москвитянъ 12 Апрѣля, 21 и 22 Іюня тогоже 1547 года.

30). Въ донесеніи пристава, Воейкова, Царю Борису о сосланномъ и заключенномъ Филаретѣ сказано: «Коли «жену вспомянетъ и дѣти, и онъ говоритъ: *Милые мои «дѣтки маленьки бѣдные осталися: кому ихъ кормить «и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива ли? «Чаю она гдѣ близко таковожъ замчена, гдѣ и слухъ «не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня «жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, и но што рогатиной въ сердцѣ толкнетъ. Много онѣ мнѣ мѣшаютъ: «дай Господи то слышать, штобы ихъ ранѣе Богъ «прибралъ; и азъ бы тому обрадовался; а чаю, и жена «моя сама рада, штобъ имъ Богъ далъ смерть.; а мнѣ «бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одною*

«*своею душею*». Такъ говорилъ страдалецъ мучимый тиранскимъ властолюбіемъ Годунова и будущій страдалецъ за Россію въ девятилетнемъ плену у Ляховъ. — Здесь должно заметить, что слова: *много они мне мешаютъ, и промышлять своею душею*, не означаютъ никакихъ крамольно-политическихъ видовъ, хотя приставъ, сторожившій Филарета, въ томъ же донесеніи своемъ и называетъ его *Государевымъ изменникомъ*, соображаясь съ гневомъ и подозрительностію Бориса. Жена и дети *мешали* ему думать единственно о Боге, еще привязывали его къ земле, ибо еще жили; — *промышлять одною своею душею*, значило одному терпеть; иначе, сказалъ бы онъ по тогдашнему: *своею головою*; но окованный узникъ, завезенный въ безлюдныя степи, могъ говорить только о душе своей, которую спасать мешали ему земныя связи.

Нетъ надписей надъ гробами его младенцевъ (*).

31). Мать Инокини Мареы, Марія, сослана была въ Чебоксары, въ Никольскій девичій монастырь (жестокость безпримерная: разлучивъ престарелую женщину съ детьми и внуками, сослать одну въ такой отдаленный край!) Она означена въ Исторіи изъ рода Шестовыхъ. Я думалъ, вместе съ Щербатовымъ, что она изъ рода Князей Шестуновыхъ, не полагая, чтобъ Бояринъ, Шуринъ Царя, могъ женить сына на Дворянке. Цари, думалъ я, выбирали невестъ изъ сотней привозимыхъ красавицъ, — и, часто по склонности, часто и по видамъ политическимъ, желая отклонить отъ трона Боярскія

(*) По некоторымъ известіямъ, дошедшимъ ко мне после, 3 младенца здесь похороненные скончались прежде ссылки Романовыхъ; и такъ Филаретъ Никитичь вспоминалъ Михаила, старшую сестру его, Татіяну, въ последствіи Княгиню Катыреву, и еще некоторыхъ, бывшихъ живыми, и умершихъ уже въ разлуке съ нимъ.

смуты, брали за себя Дворянокъ: такъ поступили Цари Михаилъ и Алексій; но Бояре, не имѣвъ подобныхъ причинъ, продолжали родниться только съ Князьями или Боярами. Это мнѣніе основывалъ я и на томъ, что вмѣстѣ съ Сицкими и Рѣпниными Оболенскими пострадали и Князья Шестуновы, какъ родственники Романовыхъ; а въ спискѣ *дѣла о ссылкѣ Романовыхъ* могла быть ошибка, исказившая имя. Такъ думалъ я, хотя Карамзинъ и выставлялъ Шестовыхъ происходящими отъ одного родоначальника съ Морозовыми, Шеиными, Салтыковыми и Тучьковыми. Теперь же, нашедъ надгробную надпись: *Княгиня Фотинія Даніиловна Шестунова, дщерь Даніила Романовича-Юрьева, сконч.* 1596 *года*, вижу, что родство Романовыхъ съ Кн. Шестуновыми произошло отъ брачнаго союза, не Ѳедора Никитича, но двоюродной Сестры его, дочери Даніила Романовича. Еще я нашелъ въ *Вкладной книгѣ* монастыря даръ Инокини Марѳы, Костромское *село Домнино* съ деревнями, дѣда и отца ея *Шестовыхъ*, — и винюсь предъ Исторіографомъ.

32). Ипатьевская обитель, гдѣ показываютъ еще келліи, въ которыхъ жили Марѳа и Михаилъ, основана была Мурзою Четомъ, родоначальникомъ Годуновыхъ.

33). Смотри сказаніе Авраамія Палицына.

34). Инокиня Марѳа уже называлась *посестріей* Филарета. Это названіе кажется, утверждено давнимъ обычаемъ. Такъ называли супругъ своихъ тѣ, которыхъ иночество заставляло разорвать всѣ земныя связи.

35). Царь Алексій Михаиловичь родился въ 1629 году, и такъ за два года до кончины бабки своей.

36). См. *Краткое описаніе Новосп. Монаст.*, 1821.

37). Однажды Екатерина II, въ одеждѣ Царицы Наталіи Кириловны, посѣтила балъ Льва Кириловича Нарышкина; вельможа, упавъ на колѣна, отъ слезъ не

могъ произнести ничего болѣе, какъ «Матушка! матушка»! — «Я первымъ счастіемъ поставляю себѣ быть «ей соперницей: Наталью Кириловну называли *Мате-«рью народа!*» Сказала Императрица, — и тритцать четыре года славы и благодѣяній народу доказали, какъ умѣла соперничать Великая!

38). Въ числѣ Кн. Дашковыхъ здѣсь похороненъ Князь Павелъ Михаиловичь, нѣкогда отличный любезностію, ловкостію и наружною красотою. Онъ украшалъ дворъ Екатерины II и былъ душею лучшихъ обществъ обѣихъ столицъ. Бывъ сыномъ извѣстной Кн. Катерины Романовны, онъ соединялъ свѣтскость съ лучшею классическою образованностію.

39). Я имену здѣсь однихъ усопшихъ: почтенная горестная мать еще живетъ къ отрадѣ страждущаго человѣчества и къ услажденію тѣхъ, которыхъ удостоиваетъ своей назидательной бесѣды.

40). Мягкосердіе и какая-то врожденная потребность въ дружеской связи, свойственная лишъ сердцамъ нѣжнымъ, отличали Царя Алексія и передались потомству въ письмахъ его къ Матвѣеву, изъ которыхъ вотъ одно:

«Артамонъ Сергѣевичь! Пріѣзжай къ намъ скорѣе: «дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли. За ними присмо-«трѣть не кому, а мнѣ посовѣтоваться безъ тебя не съ «кѣмъ» (*).

Прекрасной душѣ этого Монарха недоставало одного, но необходимаго для Самодержца: энергіи, отличавшей его великаго сына. Онъ попустилъ народу казнить Плещеева и Чистова (достойныхъ казни, но лишъ въ слѣд-

(*) Послѣ кончины Царя, враги-завистники отомстили и Матвѣеву за такую связь, хотя Бояринъ-патріотъ, по своему кроткому и благолюбивому характеру, никогда не употреблялъ во зло Царской довѣренности.

ствія суда или велѣнія Державнаго). При немъ первый *хранитель Царственной печати и Посольскихъ дѣлъ оберегатель* (Канцлеръ), Ордынъ-Нащокинъ, вѣрный слуга Престола и отечества, мужъ рѣдкой нравственности и святой жизни, былъ долго притѣсняемъ своими Дьяками (*). Но, замѣтивъ это, нельзя не благословлять память Алексія и въ дѣлахъ Царства: Для предшественника Петра довольно было создать *Уложеніе*, основать Академію (Заиконоспаскую), возвратить Россіи Смоленскъ со всею Бѣлоруссіею и священный Кіевъ со всею Украйною, — довольно!... Думаю, наконецъ, что Стрѣшневы, прозвавшіе собаку именемъ Первосвятителя, Хитровы, оскорблявшіе побоями его слугъ, и Боборыкины, заводившіе съ нимъ досадительныя тяжбы, дадутъ отвѣтъ за Никона — *тамъ* Богу, *здѣсь* Исторіи — но не Царь Алексій, кроткій, благочестивый, означавшій свои первыя неудовольствія одними невыходами когда служилъ Патріархъ, а также и неглавные Бояре его и не дѣльцы: не Черкасскіе, не Романовы, не Ордыны-Нащокины, не Матвѣевы; ибо въ преданіяхъ и пристрастныхъ и безпристрастныхъ не находимъ ихъ имянъ.

41). При каждомъ посѣщеніи *Новаго Іерусалима* я взхожу на *Никоновъ столпъ*, съ трудомъ пробираясь къ верху; долго смотрю на его каменную постель; въ храмѣ беру съ гроба его вериги; смотрю, въ ризницѣ, на его пустынническую одѣжду, — и дивлюсь изворотамъ души человѣческой. Но судъ историка и моралиста заставляютъ здѣсь спросить у двухъ вѣковъ: та ли это одѣжда, тѣ ли это вереги, съ которыми схимникъ Никонъ возвращался съ Бѣлаозера, или тѣ, которые носилъ онъ

(*) См. *Біографическія свѣденія о Бояринѣ Ордынѣ-Нащокинѣ*, соч. А. Ѳ. Малиновскаго.

въ гнѣвѣ на Царя, Духовенство и паству, но трудясь въ работахъ Воскресенской обители?

42). «Память добродѣтельной Анастасіи и свойства «Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваже«ніе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романо«вичъ, достойный сей любви и личными благородными «качествами, оставилъ 5 сыновей: Ѳедора, Александра, «Михаила, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни «моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца». *(И. Г. Р.)* «Клятву же (Борисъ) къ великому Болярину Ник. «Ром. Юрьеву преступи». (Темъ же, *Прим.*).

43). Самозванецъ употреблялъ всѣ возможныя мѣры казаться дѣйствительнымъ сыномъ Іоанна, и такъ пасынкомъ Царицы Анастасіи, —«и тѣла Романовыхъ, усоп«шихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, «перевезли въ Москву, и схоронили съ честію, тамъ, гдѣ «лежали ихъ предки и ближніе.» (*И. Г. Р.*).

44). Вотъ что говоритъ Авраамій Палицынъ: «Гла«голютъ бо, яко любяше Борисъ волхвы и звѣдочетцы, и «тіи сказаша ему, яко, отъ рода Никитичевъ Романо«выхъ возстати имать Скиптродержецъ Россійскому Го«сударству.... Царь же Борисъ таковая слыша, и умыс«ли, яко да потребитъ родъ сей.»

45). Эта черта великодушія и правдивости дворовыхъ слугъ упомянутыхъ Бояръ заставляетъ вспомнить здѣсь и ихъ потомковъ, которые не смотря на льстивыя обѣщанія Стрѣльцовъ, не приставали къ ихъ бунту, но еще грозили имъ, и тѣхъ которые спасали господъ отъ Пугачева, отвергая всѣ его приманки, и не страшась его казней. Полный бѣдствія и славы 1812 годъ явилъ также многіе примѣры такой приверженности, такого усердія: кто не помнитъ, съ какимъ негодованіемъ господ-

скіе люди слушали манифесты и прокламаціи Лесепса отъ имени Наполеона (*)?

46). « Г-нъ Берхъ пишетъ Карамзинъ въ 155 *Примѣчаніи къ XI Тому И. Г. Р.* — сообщилъ мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопытныхъ извѣстій о Пермской губерніи: « Въ Ныробѣ еще недавно умеръ столѣтній ста- « рецъ, крестьянинъ Максимъ Денисовъ Пономаревъ, ко- « торый любилъ разсказывать о Михаилѣ Никитичѣ Ро- « мановѣ. Сего страдальца привезли туда зимою въ 1601 « году Романъ Андр. Тушинъ (бывшій, въ 1608, Воево- « дою въ Туринскѣ) и шесть сторожей. Въ то время, « какъ они копали для него землянку, Романовъ, вышед- « шій изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ « въ сторону шаговъ на десять. Въ землянкѣ его были « маленькая печь и отверстіе для свѣта. Ему давали « только хлѣбъ съ водою. Ныробцы научили дѣтей своихъ « носить къ узнику въ дудочкахъ квасъ, масло и пр: « какъ будто играя у землянки, они впускали въ оную « дудочки и питали его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ « въ Москву шесть человѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ людей « зломысленныхъ: возвратились двое, уже въ царствова-

(*) Знающіе хорошо Россію знаютъ, что въ старину у дворовыхъ слугъ были свои преданія о любви и усердіи къ господамъ, съ которыми они вмѣстѣ служили и вмѣстѣ терпѣли походныя нужды. Между тѣмъ какъ Бояре, воеводы и люди Думные были столпами Трона и отечества, ихъ сановные, *родословные* слуги поддерживали, въ свою очередь, домовитую осанистость господъ, стояли за нихъ и за честь своего дома; имѣли даже свои *разряды*, считались въ *мѣстахъ* по службѣ отцовъ, и, какъ живая лѣтопись, разсказами своими напоминая господамъ о своей и предковъ своихъ службѣ, питали въ нихъ мужество и рвеніе къ новымъ подвигамъ. (Я еще засталъ такихъ стариковъ, и въ младенчествѣ любилъ слушать ихъ разсказы, часто хвастливые, но всегда слезные, о вѣрной, многотрудной службѣ своихъ отцовъ нашимъ на войнѣ, въ странствіяхъ и дома).

«ніе Шуйскаго, другіе умерли въ пыткахъ. Узникъ жилъ «около года. Старецъ Максимъ слышалъ преданіе, что «сторожи, ведя жизнь скучную, уморили сего несчастна«го. Землянка была весьма тѣсна и сыра. — Мих. Ни«кит. былъ высокъ ростомъ, дороденъ и силачь. Желѣза «его хранятся въ церкви: плечныя, или такъ называе«мый стулъ, вѣсомъ въ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, кан«далы или нижнія желѣза въ 19, замокъ въ 10 фун.».

47). Карамзинъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій: *Русская старина*, между прочимъ такъ говоритъ о Боярипѣ Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ:

«Олеарій чрезмѣрно хвалитъ умъ и любезность Боярина Никиты Ивановича Романова-Юрьева, человѣка веселаго и добродушнаго. Онъ былъ усерднымъ покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ, любилъ ихъ обычаи, музыку; даже сдѣлалъ себѣ Нѣмецкое платье, ѣздилъ въ немъ иногда на охоту, и не слушался Патріарха Іосифа, который упрекалъ его такою непристойностію; однакожъ Іосифъ досталъ наконецъ хитростію Нѣмецкое платье Боярина и сжегъ его..... Патріархъ Никонъ хотѣлъ всегда строгаго общественнаго благонравія. Онъ запретилъ музыку въ столицѣ, думая, что она можетъ развратить нравы; велѣлъ отобрать музыкальные инструменты не только въ питейныхъ, но и во всѣхъ частныхъ домахъ, и торжественно сжечь ихъ за Москвою-рѣкою. Одинъ Никита Ивановичь Романовъ не послушался его, и не переставалъ забавляться музыкою въ домѣ своемъ.»

Тотъ же писатель повѣствуя о народномъ мятежѣ 1648 года, говоритъ, что «всѣ знатные и незнатные любили сего именитаго Боярина» — и продолжаетъ: «Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностію лѣтъ расположенный къ средствамъ кроткимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ...

Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую Боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу, который, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъявилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленіе; что Государь вторично даетъ имъ слово казнить всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ.... Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, » и пр. — И такъ, Бояринъ Ник. Ив. Романовъ былъ укротителемъ этого мятежа, по крайней мѣрѣ его дальнѣйшихъ слѣдствій.

« Лѣтописи идутъ, говоритъ Карамзинъ, по большой части не далѣе кончины Михаила Ѳеодоровича, » — и такъ мы еще мало знаемъ о современникахъ его сына.

48). Въ моихъ фамильныхъ сдѣлкахъ того времени, находятся многіе примѣры дороговизны денегъ и дешевизны вещей. Въ одной купчей, или данной, отъ Патріарха Іоакима на огромное имѣніе съ множествомъ земли и дворовъ, гдѣ было болѣе 1000 душъ, пожертвованное Церкви родственниками моихъ дѣдовъ, Колтовскими, значится что оно уступлено Патріархомъ обратно наслѣдникамъ Колтовскимъ же, за 2000 рублей! (Печать у этой сдѣлкѣ черная съ благословляющею рукою, въ столбцѣ нѣсколько аршинъ).

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ на пожалованіе земли и дворовъ моимъ предкамъ, или на переименованіе помѣстья въ вотчину, видны Царскіе дары, состоящіе въ многихъ сотняхъ четвертей земли, съ прибавленіемъ: да окладу денежнаго (жалованья) придано 20 или 30 рублей.

49). Гонцу, А. Иванову (въ 1590) велѣно было ска-

зать въ Литвѣ: «Государь, любя Князя Мстиславскаго, «далъ сестрѣ его меньшей жениха, великаго человѣка, «Князя Бориса Камбулатова брата, который (Кн. Бо«рисъ) женился у Боярина у Микиты Романовича, по«нялъ дочь его.»

Это была Княгиня Марфа Никитична (*).

50). Обязанность считаться въ родовомъ служивомъ старшинствѣ была весьма важнымъ дѣломъ, и уступчивость одного лица въ первенствѣ оскорбляла весь родъ. Иногда Царское повелѣніе считаться съ невмѣстными почиталось наказаніемъ: это видно изъ огромнаго тяжебнаго дѣла Князя Дм. Мих. Пожарскаго съ Кн. Лыковымъ, возгорѣвшагося отъ избранія матери Кн. Лыкова къ Царицѣ (Маріи Годуновой) въ должность нынѣшней Статсъ-дамы, а матери Кн. Пожарскаго къ Царевнѣ (Ксеніи Борисовнѣ). Царь и всѣ Бояре долго судивъ, рѣшили въ пользу Кн. Пожарскаго, — и Княгинѣ Лыковой велѣно выѣхать изъ Дворца и жить въ своемъ домѣ, не выѣзжая ни куда. При Царѣ Василіи (Шуйскомъ) Князь Лыковъ возобновилъ это дѣло, неизвѣстно чѣмъ рѣшившееся въ другой разъ, ибо въ столбцахъ рѣшенія не нашлось; но въ челобитной своей онъ пишетъ, что Царь Борисъ, *вмѣсто смертной казни*, велѣлъ по неволѣ считаться ему съ Кн. Пожарскимъ (**). Сверхъ того, быть обвиненнымъ казалось тѣмъ болѣе ужаснымъ, что обвиненнаго *выдавали головою* тому, кто былъ оправданъ, то

(*) У Князя Θедора Мстиславскаго были четыре сестры: одна была за Царемъ Казанскимъ (Саинъ-Булатомъ) Семеономъ, котораго Годуновъ ослѣпилъ; другая неволею пострижена, по его же повелѣнію, еще при Царѣ Θеодорѣ, по подозрѣнію, что Духовенство и Бояре хотятъ ее имѣть Царицею и замѣнить ею неплодную Ирину; третья, дѣвица, дававшая вклады въ эту обитель; четвертая выдана была за брата Князя Бориса Черкасскаго.

(**) См. *Историч. Сборникъ* Г. Погодина.

есть, оправданный могъ наказывать его тѣлесно, или заставить его долго лежать передъ нимъ. Но при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, кажется, это перемѣнилось въ сажаніе на одинъ день въ тюрьму: это видно въ одной изъ моихъ старинныхъ бумагъ, въ грамотѣ къ прапрадѣду моей матери:

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексія Михаиловича всея Вел. и Мал. и Бѣл. Россій Самодержца, въ Тамбовъ Стольнику нашему и Воеводѣ Еремею Афонасьевичу Пашкову. Августа въ 14 числѣ писалъ къ намъ Великому Государю Стольникъ нашъ и Воевода Левъ Вельяминовъ: По нашему Вел. Гос. указу велѣно въ Тамбовѣ быть полковымъ Воеводою Стольнику Льву Иванову сыну Салтыкову Стольникажъ и Воеводы на Князь Петрово мѣсто Княжъ Иванова сына Хованскаго, а съ нимъ со Львомъ Салтыковымъ въ товарищахъ быть ему Вельяминову, и ему де Льву Стольнику и Воеводѣ со Львомъ Салтыковымъ за многими случаи быть не вмѣстно, потому что родители де ихъ Вельяминовы съ ними Салтыковыми въ товарищахъ ни гдѣ не бывали, и намъ Великому Государю велѣти бъ ему въ томъ нашъ Государевъ указъ учинить. А Стольникъ нашъ Левъ Салтыковъ намъ Вел. Государю билъ челомъ, что де Левъ Вельяминовъ писалъ къ намъ Вел. Государю на него Салтыкова въ отечествѣ не дѣломъ, не познавъ мѣры своей, будто ему съ нимъ въ товарищахъ быть не вмѣстно, а они де Вельяминовы передъ ними Салтыковыми люди обычные, и во многихъ мѣстахъ бывали они Вельяминовы и въ товарищахъ ихъ безсловно, да онижъ Вельяминовы напередъ того бывали въ городѣхъ въ губныхъ Старостахъ, и въ осадныхъ Головахъ и въ Городничихъ, и въ Головахъ и въ Сотникахъ Стрѣлецкихъ и въ иныхъ низкихъ чинѣхъ, и намъ Вел. Государю пожаловать бы его Льва Салтыкова велѣть на Льва Вельяминова дать оборону; и мы Великій Государь

слушавъ отписки Льва Вельяминова и челобитье и росписи Льва Салтыкова, указали и Бояре наши приговорили, за безчестье Стольника нашего и Воеводы Льва Салтыкова, Льва Вельяминова послать въ тюрьму на день, потому что они Вельяминовы предъ Салтыковыми люди молодые, и съ Салтыковыми имъ всегда мочно быть безсловно. А на нашей Государевой службѣ у полку Стольникомъ нашимъ и Воеводою со Львомъ Салтыковымъ ему Льву Вельяминову въ товарищахъ быть по прежнему. И какъ къ тебѣ ся наша Вел. Гос. грамота придетъ, и тыбъ Льву Вельяминову нашъ Государевъ указъ сказалъ въ приказной избѣ при многихъ людѣхъ, какъ о томъ въ сей нашей Великаго Государя грамотѣ писано выше сего, и за безчестье Стольника нашего и Воеводы Льва Салтыкова, послалбы Льва Вельяминова въ тюрьму на день; а какъ онъ въ тюрьмѣ день отсидитъ, и тыбъ его изъ тюрьмы свободилъ и сказалъ ему, чтобы онъ въ товарищахъ со Львомъ Салтыковымъ былъ попрежнему нашему Государеву указу, да отомъ-бы къ намъ Вел. Госуд. писалъ, а отписку велѣлъ бы подать въ розрядъ Дьякамъ нашимъ Думнымъ Семену Титову, да Василью Смирнову, да Петру Ковелину. Писана на Москвѣ, лѣта 7179 (1671), Августа 16 дня.» (Назади подпись Думнаго Дьяка Василья Семенова) (*).

Такъ-то важны были подобныя дѣла, и съ такою-то плодовитою подробностію писали объ нихъ сами Цари!

51). Грамота Князьямъ Черкасскимъ, отцу вмѣстѣ съ сыномъ, болѣе относится къ послѣднему. Она любопытна и тѣмъ, что слогъ ея отличенъ чистотою для тогдашняго времени. Вотъ выписка изъ нее:

(*) Отецъ этого Стольника съ *вичемъ* Еремея Аѳанасьевича Пашкова, Аѳанасій Филиповичъ, получилъ за Московское осадное сидѣніе село Сергіевское, Рудины тожъ, въ которомъ живетъ авторъ.

«За прилѣжное и в етщательное всяхихъ Государственныхъ дѣлъ исправленіе, за умноженіе денежныхъ и хлѣбныхъ Сибирскихъ доходовъ, за укрѣпленіе и благосостояніе Сибирскаго Государства и принадлежащихъ къ оному народовъ; за непорочное, безпристрастное и безкорыстное ихъ житіе и радѣніе, также о чемъ уже прежде сказано, за строеніе желѣзныхъ заводовъ, на которыхъ пушки, мортиры, гаубицы и бомбы дѣлаютъ, и что въ Тобольскѣ дѣлаютъ фузеи, тесаки и иныя всякія ко оборонѣ, не только Сибирскаго, но и Московскаго и прочихъ покорныхъ Государству оружія и стали, также и за пріискъ селитры, чего прежде въ Сибири не бывало, за которыя и иныя многія вѣрныя ихъ въ Тобольскѣ радѣтельныя службы Государь жалуетъ и премилостиво похваляетъ, и тѣми ихъ вѣрными и прибыльными службами и радѣніемъ довольствуется» и пр.

Сибирь почиталась тогда *золотымъ дномъ* и обольстительною приманкою для корыстолюбцевъ, — и Петръ I, въ 1719 году, вновь назначилъ Князя Алексѣя Михайловича быть въ ней Губернаторомъ, какъ вѣрнѣйшаго и безкорыстнѣйшаго Вельможу. Но Черкасскій писалъ къ Государю, что онъ *за великую напасть пріемлетъ отлученіе отъ Его Величества*. На этой просьбѣ Государь положилъ слѣдующее собственноручное рѣшеніе: «я бы «охотно исполнилъ ваше прошеніе, ежелибъ могъ вскорѣ «сыскать достойнаго человѣка; но нынѣ не знаю. Того «ради надлежитъ вамъ безъ оскорбленія сіе учинить; «ибо, по истиннѣ, не за какую вашу противность сія «вамъ посылка, но для двухъ причинъ: первое, что вы «тамъ были и знаете; другое, что вскорѣ другаго сыс«кать надежнаго въ такую отдаленную сторону не могъ. «Однакожъ въ томъ можешъ надеженъ быть, что когда «тамъ распорядишъ, и добрый *Анштальтъ* учинишъ, и о

« томъ отпишешъ, тогда неотмѣнно васъ перемѣнимъ по « вашему желанію. »

(Эта надпись извлечена изъ *Словаря* Бантыша-Каменскаго.)

Князь Алексѣй Михаиловичь былъ страстный охотникъ до строенія, и Петръ Великій поручилъ ему дирекцію всѣхъ строеній дворцевъ и садовъ (*). Наши старики умѣли быть ко всему пригодными: Черкасскій принялъ портфель Великаго Канцлера — отъ Остермана, этого Талейрана своего времени, который, по словамъ Фридерика Великаго, зналъ Россію какъ славный анатомикъ Верней человѣческое тѣло, зная, въ тоже время, и интересы всѣхъ Европейскихъ Кабинетовъ.

52). Графъ Шереметевъ родился въ 1713 году. Петръ Великій тогдаже написалъ къ его отцу, Фельдмаршалу Гр. Борису Петровичу: « Присемъ поздравляемъ васъ съ « новорожденнымъ сыномъ, которому, по прошенію ва- « шему, даемъ чинъ Фейдриха » (то есть Гвардіи Прапорщика).

53). Когда Гр. Петръ Борисовичь выѣзжалъ на охоту, съ нимъ было не менѣе пятидесяти Дворянъ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, и неменѣе 700 людей, охотниковъ, конюшенныхъ, шатерничихъ, камердинеровъ, поваровъ, и пр. Шатры, палатки, огромные запасы слѣдовали большими обозами. Въ Петербургскомъ, Московскомъ и Кусковскомъ домахъ до конца его жизни *ежедневно* накрывались столы для недостаточныхъ Дворянъ, часто до 100 приборовъ, между тѣмъ, какъ, всегда умѣренный, Шереметевъ имѣлъ для себя только три блюда. — Заключимъ это замѣчаніе, сказавъ, что по свѣт-

(*) Преданія, повторенныя Карамзинымъ, сообщаютъ намъ, что отецъ его, Князь Михаилъ Яковлевичь, вывезъ изъ Сибири славные кедры, видимые и понынѣ въ Останкинѣ, доставшемся отъ Черкаскихъ Шереметевымъ въ приданое.

ской образованности своей онъ украсилъ бы гостиницу Г-жи. де Помпадуръ, а пышностію напоминалъ о нашихъ первостатейныхъ Боярахъ стараго времени, которые (по сказанію путешественниковъ) не выѣзжали къ сосѣду безъ нѣсколькихъ сотенъ конныхъ проводниковъ, но всегда, подобно имъ, готовъ былъ уединиться, даже постричься, носить воду и дрова для келлій и выметать изъ нихъ соръ своими руками: Характеръ нашего Боярства могъ бы служить обильнымъ предметомъ наблюдателю души человѣческой въ ея измѣненіяхъ. Вѣрнѣйшій угадатель, думаю, будетъ тотъ, кто проникнетъ въ образъ первоначальнаго воспитанія.

(О подробностяхъ жизни Гр. Петра Борисовича Шереметева, о красотѣ и любезности его супруги даже о локонахъ, которые одной ей, небывшей еще Фрейлиной, позволено было носить при дворѣ Императрицы Анны, слышалъ я въ первой молодости отъ родственниковъ своихъ, Гр. Ефимовскихъ, которые были въ родствѣ съ Шереметевыми, и отъ другихъ современныхъ стариковъ, видѣвшихъ ихъ при дворѣ Елисаветы.)

54). Дочь Гр. Петра Борисовича была невѣстою Гр. Никиты Ивановича Панина. Говорили, что отецъ былъ вдвойнѣ и равно огорченъ, какъ лишеніемъ дочери, такъ и горестію своего друга по ней.

55). Здѣсь похоронена и сестра Графа Петра Борисовича, *Княгиня Катерина Борисовна Урусова*, скончавшаяся осмидесяти трехъ лѣтъ. Она была на 14 году возраста, когда разставалась съ сестрою своею, ѣхавшею въ Березовскія пустыни. — Жизнь знаменитой Кн. Натальи Борисовны еще съ первыхъ дней моей молодости была для меня особенно занимательною. Удостоенный пріязни покойнаго ея внука, Князя Ивана Михайловича Долгорукова, котораго не одна поэзія, но и самая бесѣда была вдохновляема глубокимъ чувствомъ,

я еще болѣе сдружился съ ея памятію. Часто, смотря на ея портретъ, въ его кабинетѣ висѣвшій, я слушалъ его разсказъ о подробностяхъ ея жизни, которыхъ нѣтъ въ ея Запискахъ. Этотъ портретъ принадлежитъ его дочери, Варварѣ Ивановнѣ Новиковой. Онъ написанъ предъ тѣмъ, какъ бросить ей свое обручальное колцо въ Днепръ, и постричься: она въ Екатерининской лентѣ, въ убранствѣ двора Елисаветы, которая уговаривала ее остаться въ свѣтѣ для дѣтей; но въ чертахъ ея видно укоренившееся равнодушіе къ земному.

Здѣсь я нашелъ надгробіе, начертанное признательностію: это надпись у гроба *дѣвицы Маріи Родіоновны Кошелевой,* сдѣланная покойною Графинею Мусиной-Пушкиной съ означеніемъ имени почившей. Замѣчательно, что почтенная соорудительница этого памятника, нѣкогда мною знаемая, супруга вельможи Екатеринина времени и любетеля отечественныхъ древностей, не только дозволила, но и велѣла упомянуть въ описаніи здѣшняго Знаменскаго храма, изданномъ въ 1803 году, слѣдующее: «Надпись сію сдѣлала въ знакъ благодар-«ности воспитанная, облагодѣтельствованная и усыно-«вленная ею племянница ея, Графиня Катерина Алек-«сѣевна, супруга Дѣйств. Тайн. Совѣтника Графа «Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, урожденная «Княжна Волконская».

Вельможи не всегда любили *такъ* сохранять память сердца: честь и похвала памяти Мусиной-Пушкиной!

56). Въ описаніи, изданномъ въ 1803, сказано: «А «какъ подъ реченнымъ храмомъ въ усыпальницѣ все «мѣсто наполнилось погребенными тѣлами, то и при-«строены были къ оному храму на Сѣверной и Южной «сторонахъ палатки; но и тѣ уже чрезъ толикое не-«малое время наполнены были тѣлами, а наконецъ «1788 года едва могли помѣстить скончавшагося о Го-

«сподѣ тѣло знаменитаго мужа, Оберъ-Камергера Гра-«фа Петра Борисовича Шереметева». Не смотря на слогъ приведеннаго мѣста, можно вспомнить здѣсь Боссюэтовы слова подъ усыпальными сводами Сент-Денискаго аббатства, когда едва могли помѣстить тамъ Принцессу Генріетту: Tant les rangs y sont pressés, tant la mort est prompte à remplir ses places!

Внѣ храмовыхъ стѣнъ положены остатки уважаемаго и любимаго мною Бекетова (Платона Петровича). Онъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ поощрителей къ размноженію книгопечатанія и страстный любитель художествъ, а при томъ и любитель отечественныхъ древностей. Когда онъ истощилъ все свое имущество на эти предметы, тогда авторъ пріобрелъ лучшія изъ его эстамповъ. (Здѣсь, кажется, лежитъ и отецъ его, Царедворецъ Императрицы Елисаветы, удостоинный ея довѣренности прежде Шуваловыхъ. Въ кабинетѣ его сына я видѣлъ его портретъ, привезенный изъ Симбирска, и пробитый пикою Пугачева, который вшедъ въ пустой домъ Бекетова, вооружавшаго на него людей и крестьянъ своихъ, не зналъ, чѣмъ отомстить ему).

Другой усопшій, Саблинъ, также заслуживаетъ память потомства. Онъ, такъ сказать, постригся въ попечители о сиротахъ, отъ небытія къ небытію призванныхъ Великою Екатериною, и былъ проникнутъ ея святымъ словомъ: «*и вы живи будете*»!

Я поклонился праху Княгини Натальи Андреевны Черкаской, урожденной Графини Ефимовской, родной сестры моей тетки, Марьи Андреевны Иванч.-Писаревой, — и вспомнилъ, что она нѣжно любила меня, младенца.

Здѣсь почили и достойные ревнители о благолѣпіи святыни: первостатейные изъ Купеческаго званія: Алек-

сѣевы, Усачевы, Сорочевы, Колокольниковы, Перловы, Галкины, Паразовы, и другіе.

57). Храмы: во имя *Покрова Пресвятой Богородицы* построены при Царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ; а во имя *Святителя Николая*, при немъ же, усердіемъ Боярина и Дворового Воеводы, Кн. Якова Куденетовича Черкасскаго, вмѣстѣ съ больничными келліями и погребами.

58). Превосходно изобразивъ битву съ Казы-Гиреемъ, Исторіографъ не совсѣмъ вѣрно замѣтилъ, сказавъ въ *примѣчаніи* 264: «вѣроятно, что мы только стрѣляли, «а не били». Нѣтъ, вымѣривъ мѣсто, и поставивъ армію Хана въ срединѣ, легко дознаться, что всѣ наши орудія могли *бить*, ибо могли достигать. Гирей повелъ атаку отъ Коломенскаго прямо на Кремль, и долженъ былъ спуститься въ равнину между, Симонова и Новоспаскаго, которые пропустивъ его, открыли огонь ему въ тылъ, и, между тѣмъ, какъ съ бойницъ Даніилова стрѣляли въ его правое крыло, пушки Воробьевскаго стана (гдѣ нынѣ Донской) громили лѣвое, а бойницы и стѣны Кремлевскія палили ему на встрѣчу. Послѣднія, навѣрное, умолкали, когда сѣча вызывала наше войско изъ стана для рукопашной схватки. И такъ, измѣривъ разстоянія, и поставивъ тысячь сто войска между ими, ясно увидимъ возможность дѣйствовать удачно всѣмъ этимъ обителямъ въ одно время; къ тому же въ Исторіи сказано, что войско Татарское разсыпалось. Новоспаскія бойницы должны были находиться въ ближайшемъ разстояніи отъ Гиреева тыла. — Нынѣ видимыя построены на прежнемъ мѣстѣ въ 1642, а по сказанію нѣкоторыхъ въ 1645 году; но долго собирались вклады на оградное строеніе отъ Царя Михаила, Патріарха Филарета и Великой Старицы Марѳы Іоанновны (см. *Вкладн. Книгу*).

59). Съ Крутицкаго возвышенія, вѣрнѣе нежели съ другихъ мѣстъ, обнимаетъ взоръ окрестность вмѣщавшую въ себѣ селы Боярина Стефана Кучки. Прямо видно мѣсто самаго главнаго, то есть села Кучкова, гдѣ былъ его домъ и его *чистые пруды,* поле долго бывшее подъ именемъ этого села и Кузнецкая слобода (гдѣ теперь Мясницкая, Срѣтенка, Лубянка и Кузнецкій мостъ): лѣвѣе Высоцкое (гдѣ Петровскій монастырь), Кудрино и Сущево; еще лѣвѣе, и окрестъ, Воробьево (гдѣ нынѣ Воробьевы горы); Симоново (гдѣ нынѣ слобода за старымъ Симоновымъ); а въ право селеніе безъимянное, (гдѣ нынѣ Андрониковъ монастырь). Можно думать, что съ Крутицы обозрѣлъ Кн. Георгій Владимировичь эти селы, чтобы полюбить ихъ; ибо съ Кремлевской горы едвали было видно въ даль за густымъ боромъ, который покрывалъ ее.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Читай.
4	15	предуматели,	придуматели.
22	18	наглядным,	ненаглядныхъ.
41	25	правда,	права.

ВЕЧЕРЪ

ВЪ

СИМОНОВѢ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА.

«Всѣхъ роскошнѣе пустила вѣтви Симонова обитель, основанная племянникомъ святаго Сергія».

Муравьевъ. *Путешествіе по Святымъ мѣстамъ Русскимъ* 1).

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 27 дня 1840 года.

Ценсоръ *И. Снегиревъ.*

Изъ Московскаго Наблюдателя 1838 года.

ВЕЧЕРЪ

ВЪ

СИМОНОВѢ.

Солнце склонялось; но еще ярко горѣли куполы соборовъ Московскихъ. Я приближался къ дымчатымъ башнямъ Симонова; смотрѣлъ на его тускло-зеленыя главы 2), на окрестность, — и думалъ: «Есть мѣста, которыя много говорятъ сердцу: онѣ напоминаютъ многое — всю жизнь»! — вспоминалъ младенческія богомолья съ своимъ дядькою; вспоминалъ и первую молодость съ ея кипящими порывами и первыя наитія задумчивости, которая съ тѣхъ поръ никогда не покидала моей души: она осталась ей вѣрною и тогда, какъ романическія мечтанія уступили во мнѣ другому чувству: склонности внимать разсказамъ о родной старинѣ, и воскрешать ее воображеніемъ на самыхъ мѣстахъ событій 3).

Какъ часто, изъ подъ тѣни этихъ вязовъ, смотрѣлъ я на Москву, на эту величественную громаду, которою бѣлѣется половина видимой дали; на изви-

[illegible] — говорилъ [illegible] другъ [illegible] рай страстей [illegible] украинскій [illegible] родимой Малорос—

Здѣсь воскресли предъ нимъ патріархальные нравы и святые обычаи предковъ: и новый цвѣтокъ его воображенія исторгнулъ слезы не у однихъ юношей или вспоминателей своей молодости, но и у всѣхъ сыновъ отечества. Сюда приходилъ онъ размышлять о нравахъ нашего вѣка, о вредномъ воспитаніи, о свѣтской суетности, и, вдохновенный природою и своимъ сердцемъ, замышлялъ мирить съ добродѣтелію минутныхъ друзей порока. Здѣсь послышались ему звуки древняго вѣча: и *душа Новгородская*, среди заблужденій своевольства, явилась еще великою 4).—И такъ здѣсь возраждалась наша словесность, и Геній отечества, еще сквозь туманъ романическихъ мечтаній, манилъ юношу въ храмъ безсмертія».

Такія мысли всегда сопутствовали мнѣ въ этихъ мѣстахъ, сроднившихся съ памятію Карамзина. Нигдѣ болѣе не дружится съ нею и память Дмитріева; никакое мѣсто не напомнитъ столько объ ихъ полвѣковой связи: здѣсь проводили они цѣлые дни самдругъ, взаимно мѣняясь чувствованіями, крѣпя и возвышая свои таланты 5).

Какъ часто, на крутизнѣ этого прибрежнаго холма, еще отроку, твердилось мнѣ памятное всѣмъ:

Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдящу на холмахъ высокихъ,
И спящи вѣки воззову!
Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, Царствъ великихъ мать,

Москва! Россія дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ,
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы — розами цвѣтутъ....

и какъ сказалъ возвышенный Жуковскій:

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ
Сей голосъ я подслушивалъ тогда 6)!

Я подслушивалъ его, — казалось, пѣлъ за нимъ въ тайнѣ, и думалъ: увижусь-ли когда съ пѣвцомъ?... И послѣ, на этомъ же холмѣ, среди его прелестныхъ видовъ, я бесѣдовалъ съ Пѣвцомъ Ветхаго деньми, Волгн, Ермака и Пожарскаго, съ первымъ поэтомъ, который покорилъ нѣжному и легкому языкъ Ломоносова,—съ старцемъ незабвеннымъ для моего сердца, которое, пока живо, будетъ оплакивать вѣчную съ нимъ разлуку; пока живо, сохранитъ память девятнадцатилѣтней дружбы, коей почтилъ онъ меня при неравенствѣ нашихъ лѣтъ, при малости заслугъ моихъ въ качествѣ писателя. Я посвятилъ ему лишь слезы невыразимой благодарности, уступивъ другому, также чтившему его, сказать о благодарности къ нему Россіи: Онъ исполнитъ этотъ долгъ достойно и любви своей къ нему и своего таланта,

извѣстнаго согражданамъ; — я же, повторяю, оставилъ себѣ однѣ слезы, и память болѣе нежели пріязненнаго, прямо родственнаго вниманія. Часто, здѣсь, одобренный его участіемъ, я вынималъ свои черновые листочки; онъ спѣшилъ ихъ брать, —внимательно прочитывалъ, и, неусыпный стражъ Русскаго слова, замѣчалъ карандашемъ слабыя мѣста, погрѣшности противъ языка, вкуса или благозвучія. Слѣдовали разсказы о литтературной его жизни; подробности, то наставительныя, то блиставшія искрами невинной шутки, которая означала всегдашнюю ясность души его. Какъ много говорилъ онъ здѣсь о другѣ своемъ, Карамзинѣ, о своей молодости, съ нимъ вмѣстѣ проведенною! — Опечаленный, убитый его смертію, здѣсь онъ уговаривалъ меня писать объ немъ. 7). — Сюда не рѣдко выходилъ къ намъ и тихій житель Симоновской слободки (также новый отшелецъ земли), совоспитанникъ Дмитріева и кровный товарищъ его дѣтства: кто не зналъ Бекетова, который любилъ изящное, и всѣмъ жертвовалъ пользѣ отечественныхъ письменъ! — Еще я не достигъ старости, но уже могу сказать по опыту сердца: *жить долго есть терять милыхъ!*

Помню, какъ приходилъ я сюда съ переводомъ элегіи: *сельское кладбище*, тогда бывшей для меня чѣмъ-то магическимъ, и твердилъ ее, задумчиво любуясь вечернимъ небосклономъ. Уже юноша, осмѣлившійся въ годину бѣдствія и славы пролепетать объ ней языкомъ поэзіи, всходилъ я на этотъ холмъ съ Пѣснями ея достойными, и, въ виду Кремля, этого Русскаго *Сіона*, повторялъ мольбы, обѣты и

клятву Пѣвца-патріота, повторялъ эти сильные удары на душу, эти огненные порывы, оправдывающіе незабвенный его стихъ: «*Поэзія есть добродѣтель!* стихъ, которымъ онъ опредѣлилъ *свою*, олицетворенную лишь въ Харитѣ древнихъ или въ чистыхъ образахъ Рафаэля. Но довольно: онъ еще съ нами, еще на землѣ, къ славѣ отечества и къ утѣшенію всѣхъ его знающихъ.... Ему не нужна моя скудная дань; но я не могъ не вспомнить здѣсь о немъ: здѣсь такъ часто проявлялось все, что заронилось лучшаго въ глубину души моей!

Снова подошелъ я къ стѣнамъ Симонова; присѣлъ подъ тѣнію прорѣдившихся вязовъ его, свидѣтелей столькихъ вѣковъ и ихъ треволненій; обнялъ взоромъ тѣже виды, и не нашелъ въ душѣ своей прежнихъ восторговъ: тамъ осталась одна лишь память. Но я съ какимъ-то новымъ чувствомъ умиленія смотрѣлъ на первопрестольную, какъ на святую страдалицу, отъ Батыя до Наполеона столь часто изъ пепла возникавшую; задумчиво переносился къ временамъ тяжкимъ, къ невзгодамъ отечества, когда все унывало въ немъ, кромѣ Вѣры; долго помышлялъ о минувшемъ, — и предался крѣпкой, сладостной дремотѣ.... Предо мною оживаютъ пять столѣтій; мнѣ видится эта Москва, при разгромѣ царства тихо ростущею къ величію; на стѣнахъ ея Дѣтинца мелькаютъ стяги Донскаго, уже бичи готовые на Мамая, уже вѣющіе славою воинскаго успѣха. Взоромъ обнимаю окрестность: тамъ, изъ-за древнихъ дубовъ, проглядываетъ смиренная маковица *стараго Симонова*; близъ храма его, пустынника-

ми срубленнаго, сверкаетъ прудецъ изрытый святымъ трудолюбіемъ; надъ нимъ сидятъ богомольцы; а здѣсь, на крутизнѣ прибрежной, вижу старца-инока, ведомаго ученикомъ своимъ. Онъ водружаетъ въ землю посохъ, и говоритъ своему наперснику кровному (*):

«Θеодоръ, ты полюбилъ это новое мѣсто: благословляю его 8). Здѣсь еще виднѣе святыня Кремлевская; видна и запустѣвшая обитель, гдѣ молился Князь Даніилъ, приготовивъ Москву къ первопрестолію. Иноки державнаго схимонаха еще разъ перемѣстятся; но *Обитель Даніила* воспомянется и процвѣтетъ 9). Ближе и созданный имъ храмъ Успенія: многіе измѣнятся вѣками и рукою человѣка, но *Крутицкій* сохранитъ святую древность 10). Видно и *Коломенское*, отчина друга моего, Князя Владиміра, страшнаго врагамъ, смиреннаго предъ нашимъ недостоинствомъ. Я благословилъ ему *Высокій*, близъ его Серпухова, и отпустилъ къ нему Аθанасія: оттолѣ возсіяютъ свѣтильники Боровску и Волоколамску 11).—Тамъ высятся кресты новой обители: *Андроникъ*, предавъ ей свое имя, въ ней спасется. Для ея основанія Владыка Алексій призывалъ меня, многогрѣшнаго и худаго своего послушника, и вѣщалъ такъ: «Сергіе! когда я плылъ отъ Константинограда, меня застигла буря у береговъ Корсунскихъ: нося съ собою даръ великій, чудную икону Нерукотвореннаго Спасова образа, и долго біемый волнами, я далъ обѣщаніе: достигшу мнѣ цѣлую, создать на память сего храмъ, устроить при немъ обитель, и внесть въ него сію Икону. Пойдемъ, и вкупѣ изберемъ мѣсто». Я при-

(*) Сочинитель здѣсь пользуясь правомъ поэтовъ и ораторовъ, влагаетъ въ уста св. старца повѣсть минувшаго и будущаго.

велъ его на красный берегъ Яузы; онъ благословилъ его, указалъ гдѣ быть храму, и взялъ у меня Андроника. Святитель хотѣлъ возложить на меня бремя свыше моего недостоинства и худоумія: хотѣлъ, чтобы я пасъ духовное стадо всея Россіи, вступивъ по немъ на престолъ Митрополіи; но я умолилъ его оставить меня игуменомъ у Святыя Троицы, и не совлекать съ меня моей скудныя ризы 12). Владыка смиловался, ибо вѣдалъ, что и Великодержавніи Князи, и всѣ люди не преклонять меня къ тому. Дважды я не преслушался его воли: въ первые, когда, получивъ отъ Патріарха крестъ и парамандъ и схиму и грамоту, я бѣжалъ изъ обители въ пустыню, чтобы бѣжать славы человѣческой и духа властолюбія, и тамъ въ молчаніи и трудахъ работать Богу (*); но былъ вызванъ имъ къ общежительству съ братіей. По семъ онъ понудилъ меня возложить на перси крестъ, златомъ и каменіемъ украшенный: ты вѣдаешь, былъ ли я когда златоносцемъ!—но я не посмѣлъ претить Владыкѣ Первосвятителю, и сотворилъ послушаніе. — Да успнетъ онъ съ миромъ: до исхода души моей не престану ублажать святую память пастыря, душу свою полагавшаго за овцы. Онъ много потрудился за насъ въ тугѣ странствій Ордынскихъ,—и даже отъ лютаго Бердибека *принесъ намъ житіе мирное* 13). Кто болѣе достоинъ первый воспѣть хвалу Богу, готовящему намъ побѣду? — но онъ скоро отзовется въ жилище покоя и наградъ, въ обитель свѣта немерцаемаго! Святому предстанетъ открыть нетлѣнныя

(*) Житіе свят. Отецъ, Сентябрь, листъ 110 на оборотѣ.

мощи святаго 14). По немъ, властолюбивый Митяй въ кичении сердца своего почнетъ добывать Митрополіи; возстанетъ и на мою смиренную обитель, — но не доплыветъ до Царя-Града 15)... Не забывай отсюда молиться и обители *Алексіевской:* тамъ привитаютъ двѣ блаженныя сестры Святителя. Она прословетъ *Зачатейскою,* — и чрезъ двадесять три десятилѣтій зачнется отъ ней спасеніе граду 16).— Видайся и бесѣдуй съ Андроникомъ; укрѣпляйте другъ друга на паствѣ Христовой примѣромъ молитвъ и пощенія, и благословляйте Святыню, ею-же хранится градъ престольный; я же не престану благословлять сіе мѣсто: да не оскудѣетъ оно въ молитвенникахъ близкихъ Богу. Я желалъ, чтобы ты игуменствовалъ по мнѣ у Святыя Троицы; — но блюди вертоградъ сей, и насаждай его, доколѣ не будешь отозванъ къ словесному стаду Ростова. Не преставай назидать душу Державнагó, — и въ часы келейной бесѣды, и въ часы святаго Исповѣданія воскрыляй ее къ дѣламъ великимъ, укрѣпляй въ напастяхъ житѣйскихъ, смиряй въ торжествѣ успѣховъ.

«Ты многажды посѣтишь колыбель Православія; поклонишься святынямъ Царскаго града, лишь тамъ пріимешь поставленіе отъ руки Святѣйшаго, и вознесешь имя своей обители паче иныхъ; напослѣди же вознесешь и свое 17). Кириллъ будетъ въ ней первымъ преемникомъ твоимъ; прейдя же на Бѣлоозеро, прославитъ ее своею святостію и въ дальнемъ краю сѣвера, гдѣ созиждетъ обитель знаменитую. Здѣшній подругъ его, Ѳерапонтъ, сперва пустын-

никъ и пещерникъ, потомъ основатель, предастъ имя свое новой обители. Призванный сыномъ Великаго Князя (нынѣ еще не рожденнымъ), создастъ въ Можайскѣ храмъ, и соберетъ къ нему братію. Скончавшусяжъ Кириллу, единъ отъ вѣрныхъ учениковъ его, узрѣвъ себя честимымъ, побѣжитъ чрезъ моря бурныя на островъ хладный, отдаленный, а съ него на дикій и безлюдный; въ немъ водворится, и освятитъ его знаменіемъ Креста 18). [(Я буду навѣщать васъ; но всегда вниду прежде въ келлію Кирилла 19)]. — Многіе Архипастыри и главы Россійскія Церкви изыдутъ изъ крововъ твоей обители. Начальницы предукажутся ей гласомъ угодниковъ Божіихъ 20). Единъ отъ юношей-иноковъ ея проречется быть первымъ Святителемъ земли Русскія, и, по краткомъ соблазнѣ, который искуситъ святую Церковь, онъ возвыситъ нашу Митрополію во славу правовѣрія и въ студъ немощной Греціи; а по успеніи, будетъ споклоняемъ Петру и Алексію 21). Старцы ея вознесутся правдою сердецъ и устъ своихъ; не укоснятъ стать ею въ слухъ Державныхъ, — и одинъ пострраждетъ; но въ писаніяхъ онъ уподобится святому Антонію 22): таковы будутъ вскормленники Симонова.

«Окрестъ сей обители станутъ многія: отъ Кремлевскихъ гридней перейдутъ иноки *Спаса Боровицкаго* на ближній холмъ, и на томъ мѣстѣ *новомъ* воспоютъ славу Божію 23). Тамъ, на пути къ Смоленску, гдѣ Государь, Святители и народъ отпустятъ къ сему граду Икону Одигитріи, его древнюю святыню, воздвигнется обитель 24). Туда, на *Воробье-*

во поле, чрезъ два вѣка, изнесется Икона Богоматери, имущая скоро прибыть съ береговъ Дона; она имянуется *Донскою*; бойницами твоей и окрестныхъ твердынь сокрушитъ врага, и восхвалится, сперва въ смиренной кущѣ воиновъ, съ моимъ недостойнымъ именемъ, — потомъ во храмѣ благолѣпномъ 25).

«Пребывай здѣсь: вручаю тебѣ писаніе къ Архипастырю о твоемъ Игуменствѣ въ новой обители: онъ любилъ отца твоего, который сподобился облещи его въ ангельскій образъ 26). Не замѣдли предстать ему: онъ дастъ тебѣ благословеніе вмѣстѣ съ послѣднимъ цѣлованіемъ. Я уже простился съ нимъ до воскресенія мертвыхъ. — Миръ даю тебѣ; самъ же отхожду ко Святѣй Тройцѣ, молиться, да укротитъ Господь распри Державныхъ.... О смуты и усобія кровныхъ! о шатаніе сердецъ и умовъ! — отъ васъ гибнетъ и стонетъ отечество!... 27).—Другъ мой, я родился въ тяжкія же времена, когда на Сѣверѣ пылали наши грады, на Югѣ былъ отторженъ святый Кіевъ отъ Россіи, на Востокѣ болѣе сгущалась туча лютыхъ супостатъ, и Узбекъ, томя Россію, истязалъ Михайла Тверскаго 28). Съ тѣхъ поръ, во всю жизнь, полную дней, я видѣлъ ея краткую радость, долгія скорби. Отъ самой юности, проведенной то въ скудномъ кровѣ Радонежа, то въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, это сердце не преставало трепетать о судьбѣ отечества, какъ и о вѣчномъ моемъ спасеніи. Но Богъ не до конца гнѣвается: часто сквозь бурю напастей Онъ даетъ просіявать невечерней зарѣ возстанія: Святитель Петръ

ную грамоту, и узрю благую кончину Вѣнценосца, въ дѣлахъ Государства *орла высокопарнаго*, въ битвахъ починальника, въ побѣдѣ смиренника, *Очима зрящаго къ земли, душу-же и умъ къ небеси простирающа*. Оставляя насъ, онъ оставитъ Обители твоей залогъ великій: сына, — не того, котораго окрестишь ты подъ стрѣлами Татарскими, — но послѣдняго, котораго Евдокія зачнетъ во чревѣ: и той будетъ инокъ Симонову 38). Предавъ свой плачь потомству 39), царственная вдова скрыетъ вериги и власяницу подъ златотканными одеждами; напослѣди-же внидетъ въ обитель, ею созданную. Тамъ, близъ *Флоровскихъ* вратъ, воздвигнетъ она храмъ *Вознесенію*, и освятитъ его своимъ гробомъ; (но сіе совершится уже по скончаніи моего земнаго странствія).

«По малѣ, я затворюсь и умолкну міру, благословивъ Савву итти въ Звенигородъ, и тамъ, на *Сторожахъ*, поставить храмъ и обитель. Уже я буду отшедшимъ отъ всѣхъ треволненій къ тихому пристанищу, когда святыня Московская срѣтитъ Владимірскую, низложившую Болгаръ, — и владыка Чагатайскій, зовомый *владыкою вселенныя*, побѣжитъ съ рубежей Россіи. Тамъ, за *Васильевымъ лугомъ*, на *полѣ Кучковѣ*, будетъ сіе *Срѣтеніе*: и въ память онаго поставятся храмъ и обитель 40).

«Шестнадцать лѣтъ я буду опочившимъ въ землѣ кратко опочившей, какъ отъ Дона до Бѣлоезера снова потрясется она подручникомъ Тимура, побѣдителемъ Витовта. 41). Надъ гробомъ моимъ размечетъ онъ древяный храмъ Святыя Троицы и мою

опустѣвшую келлію: но преемникъ мой, Никонъ, укажетъ сыну Донскаго мѣсто, гдѣ они стояли: и возстанутъ вновь изъ камени, — и Россія не забудетъ, гдѣ Сергій молился о ней....

«Ободрись духомъ, внимая: ростетъ слово Божіе: Стефанъ озарилъ свѣтомъ Христовымъ страну [необозримую: отъ береговъ Двины до хребтовъ Урала. Онъ назовется *Пермскимъ*. Не ляжетъ онъ въ пустынѣ дальной; но прибудетъ въ престольный градъ возлещи въ первой обители Кремлевской; — и соученикъ твой, Епифаній, повѣдаетъ вѣкамъ о его подвигѣ 42). Внимай паки: твердо держался жезлъ Православія въ рукахъ Святителей нашихъ, когда посыланъ былъ Ѳеогностъ къ Царю и Патріарху, дабы отклонить Грецію отъ уставовъ Латинства. Еще славнѣе утвердится онъ, когда, по тщетномъ преніи одного мудраго Грека въ Италіи, не тщетно загремитъ въ Москвѣ голосъ внука Донскаго 43). Тогдаже инокъ Симонова, уже Митрополитъ, старецъ и святый, будетъ первымъ Іерархомъ независимымъ отъ Греціи; отстоитъ осажденный Кремль, и изречетъ слово въ память будущихъ родовъ: «Государямъ Россійскимъ уже не странствовать въ Орду 44)». Скоро за симъ падетъ Царство Константина, — и, падая, уступитъ знамя правой Вѣры одной Россіи, одной достойной хранить его.

«Но грозное возстаніе государственныхъ силъ и внутреннее устроеніе отдалятся еще на полвѣка, отдалятся врагомъ лютѣйшимъ — усобіемъ. Оно еще разъ обезкрылитъ обновлявшагося орла, — и внукъ Донскаго не довершитъ Единодержавія: судясь въ

Ордѣ, или томясь въ плѣну; оторванный отъ моего гроба и ослѣпленный; потомъ слѣпецъ, біющійся въ послѣднемъ бою усобицъ, онъ оставитъ другимъ славу великаго подвига. — Но взыграй духомъ! въ его премудромъ сынѣ, первомъ свержителѣ ига и творцѣ единовластія, во внукѣ, утвердителѣ дѣлъ отца, — въ правнукѣ, покорителѣ Царствъ, проявитъ Богъ умы державные; пошлетъ, ихъ Россіи во мзду толикихъ скорбей, — и Россія воспомянетъ свою древнюю славу. Единъ отъ старцевъ, правнукъ мой по родству слова и духа, твой, чрезъ столѣтіе, преемникъ Іерархіи Ростова, будетъ великимъ пособникомъ ея возрожденію. Пламенное усердіе къ Вѣрѣ, любовь къ отечеству и правота изощрятъ его витійство, — и смѣлое писаніе его къ Державному сохранится въ хартіяхъ Русскаго народа 45). Тамъ, въ пригородѣ Московскомъ, низвергнется и сокрушится басма, дотолѣ ужасная; и вмѣсто дани Моголамъ, принесется безкровная жертва Богу, преобразившемуся на Ѳаворѣ, и преобразившему Россію 46). Государство возстанетъ, извнѣ грозное, внутри умиренное. Князи единаго племени ударятъ челомъ главѣ своей, Московскому. Послы отъ Запада поспѣшатъ узрѣть его славу,—и самый Римъ скрѣпитъ союзъ его съ правовѣріемъ, приславъ къ нему въ супруги царственную отрасль Византіи. Къ ея молитвамъ у гроба моего приложатся мои недостойныя молитвы, и ввергнутъ ей въ нѣдра благословенное чадо. Тамъ, надъ гробами святителя Петра и Калиты, вознесутся дива зодчества, нерушимыя ни вѣками, ни взрывами зелія, намъ не-

вѣдомаго 47). Тамъ, въ звонѣ *Іоанна Лѣствичника*, услышатся вѣчевые колокола Новгорода и Пскова; но уже не сзовутъ мятежныхъ сборищь: вѣстники мудраго Единодержавія, они будутъ лишь хвалебными глашатаями славы Божіей. — По семъ Властители земли нашей воспріимутъ древнее на Востокѣ, великое имя Царя. — Уставятся судъ и расправа мудрѣе ветхихъ Ярославовыхъ; проявится знаменитый пастырь Церкви и устроитъ ея правила. Онъ соберетъ житія молитвами и святою жизнію угодившихъ Богу или пострадавшихъ за имя Хрістово. Тогда размножится и Слово Божіе хитростнѣе, нежели тростію скорописца; процвѣтетъ многое отъ доблести Владыкъ 48), — и царство за царствомъ почнутъ смиряться предъ мощію Россіи. Крестъ моего благословенія взыдетъ на ея хоругвь, — и сокрушится держава Моголовъ, имущая грозно возникнуть: и будетъ радость великая о таковой побѣдѣ; во иновѣрныхъ-же будетъ плачь, уныніе и страхъ. Рѣка сія будетъ Іорданомъ царей побѣжденныхъ, и тамъ, на горѣ, у рва Кремлевскаго, вознесется храмъ *Покрову* Пречистыя, дивный узорочіемъ 49). — Тако падетъ новое враждебное царство, — и слава сего паденія предвозвѣстится Симоновскимъ звономъ, — и паперть Симонова скроетъ послѣднее имя его царей 50)!

«Скоро за симъ покорится и древній Сумеркантъ съ поморіемъ Хвалійскимъ; на развалинахъ *Златой Орды* возгласится побѣдоносное имя Русскаго Владыки, и, здѣсь въ селѣ Коломенскомъ, повергнется къ стопамъ его достояніе царей Асторокани 51).

Напослѣди, всѣ страны Сѣверо-Востока, съ ихъ новымъ царствомъ; вся необозримость за-Уральская, съ тьмами народовъ дивіихъ, и до великаго Моря, поддадутся Россіи.

«Но еще не отступятъ испытанія: Покоритель царствъ не послушаетъ мудрѣйшаго въ обители моей; преклонитъ слухъ и сердце къ вѣщанію лукаваго навѣтника 52), — и много прольется крови. Тогда пострадаетъ Святитель Москвы, и умретъ за добродѣтель, — и будутъ поклоняться его гробу. — Запустѣетъ Великій Новгородъ отъ казней; сгоритъ Москва отъ руки Крымскаго Хана. — За симъ, не станетъ того, кто одною половиною жизни будетъ небеснымъ благословеніемъ, другою гнѣвомъ Божіимъ, — и пресѣчется его корень. Убійца послѣдняго изъ дѣтей его, похитивъ престолъ, убіенъ будетъ *именемъ* святаго младенца. — Возстанутъ лицедѣи, обаютъ и возмятутъ народы. Племя, нѣкогда водимое Болеславомъ и Гедиминомъ, нынѣ Ягайлою, Ольгердомъ и Витовтомъ, уловитъ Россію злыми навѣтами и кознями предательствъ, — и, за грѣхи измѣнившихъ вѣрѣ и правдѣ, внесетъ огнь и мечь въ ея грады и веси. Но обитель Святыя Троицы станетъ ихъ твердынею, и, претерпѣвъ туги, непостижныя уму человѣческому, пребудетъ, какъ скала неорушимая посреди бурнаго моря. Враги назовутъ ее своимъ *каменнымъ гробомъ* 53), а сыны отечества *гнѣздомъ* своимъ; — и, первая вѣстница спасенія, она подвигнетъ и ополчитъ вѣрныхъ. Симоновъ отразитъ отъ стѣнъ своихъ полки вражіи. Приспѣетъ избави-

тель, отрасль великаго гнѣзда Князей Стародубскихъ; крѣпко станетъ противъ мечей и пламени въ стогнахъ Московскихъ; падетъ изнемогшій отъ ранъ, и отдохнетъ у моего гроба; между тѣмъ какъ въ оградѣ Симоновской спасутся остатки его дружинъ,—и врагъ ей не коснется 54). Но вскорѣ, грѣхъ ради людей своихъ, Вышній попуститъ кратко водвориться въ ней сопостату 55). Онъ попуститъ и избраннаго народомъ царя предану быть руками крамольниковъ: но плѣнный не склонитъ главы предъ чуждымъ властелиномъ: онъ умретъ въ узахъ, кланяясь единому Богу. — И паки возстанетъ оный избавитель, новымъ сподвижникомъ возбужденный: сей приговоритъ не жалѣть ни домовъ, ни женъ, ни дѣтей для спасенія отечества 56), и потекутъ оба отъ низовыхъ странъ къ моему же гробу, а оттолѣ на конечное очищеніе Москвы. Единъ отъ начальникъ моей обители, кончаясь, передастъ другому, еще достойнѣйшему, защиту отечества 57). Старцы мои, новые Пересвѣты, изумятъ потомство. Единъ отъ нихъ вринется въ самый пылъ боевъ сводить вождей и ратныхъ; пойдетъ со крестомъ въ десной, съ увѣщаніемъ въ устахъ, съ вѣрою въ сердцѣ; поможетъ вырвать изъ рукъ нечестивыхъ святый Кремль, и, ополчась снова, предъ вратами обители моей понудитъ враговъ къ вожделѣнному миру 58). Въ сію годину слезъ и скорбей глава Россійской церкви сподобится вѣнца Мученика. Онъ уснетъ подъ тяжкими веригами въ томленіяхъ гладной смерти, не преставая благословлять защитниковъ отечества и клясть измѣнниковъ, — и святая кончина его напи-

шится и въ хартіяхъ дольняго царства и въ книгѣ животней. Познай, и возрадуйся! Іерархъ той прежъ сего будетъ начальникомъ Симонова 59)!

«И все замолкнетъ, умирится, почіетъ предъ юношей — Царемъ, избраннымъ Богомъ и всѣми людьми Русскаго Царства, когда избавитель его отвергнетъ вѣнецъ Помазанника. Изъ тихой, низменной келліи обители Ипатьевской изыдетъ онъ къ уврачеванію толикихъ язвъ отечества, на пути поклонясь моему смиренному гробу. Дѣло избранія совершится на Кремлевскомъ дворѣ Святыя Троицы, — и той пресловутый старецъ мой, келарь обители, возвѣститъ о немъ народу съ Лобнаго мѣста 60). По семъ, изъ тяжкаго плѣна прибудетъ отецъ Царя, нѣкогда Бояринъ мудрый, напослѣди инокъ и труженникъ Святитель, прибудетъ къ рубежамъ той земли, коей *ни пяди* не велитъ сыну отдавать за себя. Сей великій страдалецъ за Вѣру и отечество будетъ главою Россійскія Церкви, но, прежде, твоимъ преемникомъ въ Архіепископіи Ростова. Народы возблагоговѣютъ предъ незлобіемъ Отрока-державца, предъ мудростію отца его, — и престанутъ брани, — и Цари отъ Востока принесутъ ему дары, дражайшіе злата, ливана и смирны: святыню страстей Господнихъ 61). Сей разсвѣтъ въ быту Россіи предъидетъ свѣтиламъ полнымъ и лучезарнымъ.

«Не укоснятъ молитвы извѣчныхъ наставниковъ нашихъ, Антонія и Θеодосія: и купѣль Россіянъ, престолъ Равноапостольнаго, Кіевъ со всею святынею своею, вдадутся подъ руку Царя-Законодавца,

Взыскателя, уготовителя полныя славы. Древній Смоленскъ, первое добытіе Олега, снова станетъ отчиною Помазанниковъ нашихъ — и тако соберется земля Русская. Подвигъ законоположенія благословится Первосвятителемъ, прежъ сего начальникомъ Симонова 62). Посемъ Цари за-Кавказскіе положатъ вѣнцы свои къ ногамъ ея Царя 63). Тогда же водворится въ дому Господнемъ, дотолѣ пустынникъ и молчальникъ, напослѣди же Іерархъ великій, мудрый совѣтникъ въ дѣлахъ державства. Онъ очиститъ отъ плевелъ многія писанія, напутствуетъ благословеніемъ Царя и полки его къ Смоленску; спасетъ юныхъ чадъ его отъ язвы, — и вблизи отъ престольнаго града избравъ мѣсто, образуетъ подобіе Святыхъ мѣстъ Іерусалима, дабы сердца Россіянъ воздыхали тамъ о вольномъ страданіи воплощеннаго Слова. — Но возскорби: великій мужъ падетъ гордостію сердца, грѣхомъ перваго человѣка 64).

«По семъ, дважды у гроба моего спасенный, возникнетъ премудрѣйшій изъ земнородныхъ, прямый Избранникъ Божій, и упрочитъ славу и могущество Россіи. Всѣ дни его исполнятся боренія, то съ буйствомъ закоснѣлыхъ, то съ зломысліемъ враговъ иноплеменныхъ. Злѣйшій врагъ, единокровная, будетъ замышлять на жизнь и дѣла его, и подъ кукулемъ монахини стужать святынѣ Одигитріи кознями крамолы 65). Сынъ, единая надежда его и награда за подвиги, измѣнитъ ему. Грозный противникъ отъ Сѣвера, устрашивъ концы земные, подвигнется на него бранію; но Державецъ, неукротимый

духомъ и твердый какъ адамантъ, смирится предъ ветхимъ останкомъ отъ моего гроба; воздѣнетъ его на перси своя, и, по двудесятолѣтнемъ ратномъ искусѣ, низложитъ супостатовъ 66). — Не щадя жизни въ битвахъ, онъ изречетъ дружинамъ: «Обо мнѣ не помышляйте: лишь бы жива была Россія 67)»!—и будетъ жива, обновленная, не едино токмо разумомъ, но и самыми руками державнаго: онъ изотретъ ихъ во благо и въ примѣръ Богомъ данныхъ ему народовъ; своими руками созиждетъ полки и мореходство; самъ поведетъ рати, и возметъ твердыни Финновъ и Персовъ; самъ открыетъ родники народнаго богатства, и въ хартіяхъ несмѣтныхъ начертаетъ благо толикимъ племенамъ въ предѣлахъ необозримыхъ 68). — Устроятся Христолюбивыя воинства; моря покрыются вѣтрилами Русскаго Царства; ученіе хитростей земныхъ изостритъ умы на дѣла благія; ученіе святыя Церкви озарится свѣтомъ правымъ, Просіяетъ Ростову и всей Россіи великій Свѣтильникъ, — и расточатся козни лукавыхъ, мятущія сердца буіихъ 69). Чертоги Вѣнценосцевъ пренесутся къ морю Варяжскому, гдѣ ратовалъ Невскій, и въ годину тяжкихъ тревогъ еще славилъ имя Русское. Туда пренесется и его нетлѣнное тѣло, и возляжетъ на стражъ отечества. Но здѣсь, во градѣ, благословенномъ Святителемъ Петромъ, Владыки пріимутъ хоругви державства отъ Бога, миръ и благословеніе отъ пастырей духовныхъ; будутъ посѣщать его святыню, радоваться его вѣрному народу, и во дни бурные умиляться его усердіемъ.

«По времени, паки востанутъ на Русь Царства, и

паки побѣждени будутъ. Ко бранямъ съ иноплеменными приложатся мятежи и новый лицедѣй. Язва, какъ нѣкогда *черная смерть*, потрясетъ Первопрестольную, не коснувшись моей обители, гдѣ спасутся тьмы прибѣгшія ко Святѣй Троицѣ; — недужные же уврачуются въ Обители Симоновской 70). Все злое потребится и прейдетъ какъ дуновеніе вѣтра,— и Россія возсіяетъ новымъ блескомъ. Рубежи ея прострутся отъ Бѣлаго Моря до Тьмутороканы и обымутъ холмъ, на коемъ Святый Владиміръ создалъ первый храмъ истинному Богу 71); между тѣмъ, какъ на Западѣ раздробитъ она Царства Литовцевъ и Ляховъ. (Многое во славу ея совершится тремя вѣнценосными женами 72). — На Востокѣ же пребудетъ ей гранею лишь Океанъ великій.

«Но содержащій вся небесная и земная, въ неисповѣдимомъ совѣтѣ своемъ, еще положитъ испытать Россію: возстанутъ на нее двадесять языкъ, и поругаются ея святынѣ. Запылаетъ Москва: но огнь ея взыдетъ до верху небесъ — и въ немъ сгоритъ рабство вселенныя. Стѣны и бойницы Кремля погромятся жупеломъ брани; но Россіяне узрятъ и рекутъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ его» 73)! — ибо ко храмамъ, гдѣ опочіютъ ихъ тѣлеса, не прикоснется сила зелія: поднимутся сами изъ гробовъ, и станутъ въ лице вождю-истребителю. Сѣдинами убѣленный Іерархъ Москвы пошлетъ къ Царю отъ Святыя Троицы образъ моего недостойнаго лика, онъ предъидетъ полкамъ вѣрныхъ, — и языцы, аки быліе, возмятутся отъ лица земли, не узрѣвъ обители моей 74). Тотъ, чья сила въ немощахъ со-

вершается, повелитъ старцу-стратигу, измозженному язвами, начать сіе великое дѣло: и чудесно хранимый для святаго подвига сокрушитъ огромные тристаты воинствъ, прежъ сего невиданныя 75). Малый градъ, который Князь Владиміръ отдастъ младшему сыну своему, Ярославу, будетъ мѣстомъ отъ вѣка въ вѣкъ благословляемымъ: оттолѣ побѣгнетъ врагъ путемъ погибельнымъ 76). Докончать же дѣло вышней Воли предопредѣлится самому Властителю Россіи: онъ подвигнется, — и скоро языцы познаютъ силу и святость сея земли; скоро услышатъ «Разумѣйте, и покоряйтеся»! — и уразумѣютъ, яко съ нею Богъ 77); пріимутъ отъ нея миръ; обымутъ стремя Царя ея, и полижутъ прахъ отъ сапогъ его. Такъ, отъ Сѣвера, отъ святыя Руси изведетъ спасеніе всей землѣ. Святая Церковь на всяко лѣто воспоетъ благодарственную хвалу Богу въ день его воплощенія, спасшаго родъ человѣческій, и *Вѣчную память* Царю, побѣдоносцу и миродателю. Мѣста побоищъ, гдѣ проліется кровь вѣрныхъ, обставятся знаменіями для будущихъ родовъ: и плугъ дѣлателя не коснется ихъ; — а тамъ, *на Чертольѣ*, между обители *Алексіевской* и *Предтечи на Бору*, въ память всемірнаго избавленія вознесется велелѣпнѣйшій изъ храмовъ: Ему со страхомъ и трепетомъ поклонятся вся колѣна земная; — родове-же чадъ Россійскихъ похвалятся въ немъ о Бозѣ своемъ 58).

«Довершу: Вѣнценосецъ, еще младый, но имущій изумить старцевъ твердостію духа и умомъ державнымъ, въ краткіе дни мятежа спасетъ бытіе, славу и величіе царства. Вскорѣ, по манію Царя, возле-

тять полки Его подобно орламъ быстропарящимъ; коснутся высотъ, гдѣ древлѣ сталъ Ковчегъ, и прейдутъ къ струяхъ Евѳрата, на колыбель первородныхъ. Побѣдивъ Срацынъ и Персовъ на Востокѣ, онъ, среди лютой язвы, новыхъ крамолъ и злохитростей племенъ чуждыхъ, довершитъ покореніе царства Болеславова. Посланный Богомъ и сердоболіемъ о своемъ народѣ, онъ протечетъ веси и грады недугомъ одержимыя, — и притупится жало язвы; смолкнутъ брани и мятежи; чинъ и строеніе водворятся и процвѣтутъ въ мирѣ. При немъ отторгнется отъ запада Латинство Литовское, и приникнетъ подъ сѣнь его державы. И благодать Божія почіетъ на Россіи, простершей свое могущество отъ моря до моря и отъ края до края вселенныя; — и не умалятся въ ней вся благая, доколѣ не престанетъ вѣра крѣпить мечь въ ея десницѣ; доколѣ сердца́ людей ея пребудутъ тверды противу злыхъ умовъ и ихъ кромѣшныхъ мудрованій, сей пагубы царствъ и народовъ"....

Еще длилось мое сновидѣніе; еще подслушивалъ я святаго старца, — какъ зазвучала надо мною древняя мѣдь, которая нѣкогда созывала праведниковъ на молитву, и издалéча слышалась Іоанну въ часъ рѣшительный: *яко быти благодати Божіей*, и на Сѣверо-Востокѣ *единому стаду и единому пастырю* 79). — Я вступилъ въ святую ограду, и поклонился храмамъ, ею обнесеннымъ. Соборный является первый взору. Я прошелъ его преддверные обходы; осмотрѣлъ изображенія, толкованныя мнѣ еще младенцу; прочиталъ о времени его сооруженія, и по-

думалъ: какъ правдиво сказалъ Исторіографъ, что *Вѣра есть особенная сила Государственная*, и что *эта истина только для однихъ легкихъ умовъ сомнительна* 80): изъ пепла громимой Москвы возносились храмы, въ тѣ времена дивныя величіемъ. Такъ вознесся и этотъ памятникъ двухъ важнѣйшихъ эпохъ Русскаго царства. Стѣны его означаютъ древнѣйшее *наше* зодчество, котораго образецъ храмъ Владимірскій. Онъ строился 26 лѣтъ при грозѣ Мамаевъ, Тохтамышевъ, Тамерлановъ; а пятиглавый верхъ его со сводами, воздвигнутый по разрушеніи стараго громомъ, есть дѣло великаго Іоанна и его славныхъ зодчихъ 81). (Іоаннъ III, положивъ свою печать величія на все Русское, превзошелъ предковъ и въ стараніи созидать и украшать домы молитвъ, помня, что они домы Господни 82). Въ этомъ храмѣ, какъ и въ Московскомъ соборномъ, соединенъ вкусъ Византійскій съ идеальнымъ, или, лучше сказать, съ древнимъ Русскимъ. Въ меньшемъ размѣрѣ противъ Кремлевскаго, онъ равно дивитъ согласіемъ частей; суровая важность стиля въ верхней части и сводахъ внушаетъ одинаковое чувство благоговѣйнаго трепета. И тотъ и другой показываютъ, что геній художника воспользовался частію Византійскимъ, частію своимъ творческимъ, соединивъ ихъ съ памятію о храмѣ Владимірскомъ, то есть съ идеаломъ временъ Боголюбскаго, которому дивился Фіеровенти 83).

Вотъ престолъ, послѣ Троицкой Лавры, безъ сомнѣнія вторый изъ существующихъ въ Россіи во имя Святаго Сергія. Можно думать, что онъ утвер-

жденъ чрезъ 30 лѣтъ по его кончинѣ, то есть, при открытіи его мощей, и могъ быть освященъ Св. Фотіемъ. Какой обители, прежде Симоновской, спѣшить было чествованіемъ памяти Сергія, благословившаго ее!

Вотъ монументъ первой побѣды надъ Крымскимъ Ханомъ (въ 1572): это придѣлъ во имя Происхожденія Честныхъ Древъ. Россіяне! когда увидите вы годичный годъ 1-го Августа, выносящій изъ этого храма кресты, хоругви и иконы къ струямъ Москвы, тогда отклоните минутно думы свои отъ древнихъ побѣдъ надъ Болгарами, устремите ихъ къ долинамъ береговъ Лопасни и Рожая, туда, къ высокимъ курганамъ, ихъ вѣнчающимъ — и вспомните кровь отцевъ своихъ; не забудьте благословить и память ихъ вождя, Князя Михайла Воротынскаго, ставшаго на костяхъ, и обратившаго въ бѣгство Девлетъ-Гирея 84)! Однажды я посѣтилъ эти курганы, изъ далека видные межъ нивъ села *Воскресенія въ Молодяхъ* (оно въ Подольскомъ уѣздѣ). Тамъ слѣдилъ я всѣ излучистые обходы для скрытыхъ нападеній, всѣ движенія ратей, — и дивился вѣрному изображенію мѣстности въ описаніи битвы Исторіографомъ. Видъ этихъ простыхъ, но священныхъ памятниковъ, видъ самыхъ окрестностей, полныхъ вѣщанія о нашемъ спасеніи, о нашей славѣ, все вмѣстѣ съ безсмертными строками дѣеписателя, говорило моему сердцу, и оставляло въ памяти неизгладимыя впечатлѣнія 85). При взглядѣ на этотъ храмъ, на этотъ монументъ славному событію, еще

болѣе оживились онѣ въ душѣ моей 86).... Но Симонову, хранителю этого знаменія, предстояло *увидѣть* полки Девлетова преемника!

Вотъ Симоновская *вышка*, или каменная площадка, названная *альтаномъ*, съ которой, во времена счастливѣйшія, царевны смотрѣли на окрестность, любуясь, съ одной стороны красою природы, съ другой видомъ Бѣлокаменной. Чтожъ было до того, при событіяхъ, современныхъ ея началу? — Часто иноческая братія дрожащими перстами указывала съ нее на юго-восточный горизонтъ! Когда сгущалось его синево и темнѣло къ Коломнѣ, тогда на эту вышку всходили всѣ иноки. Опытные говорили: « это не туча: это прахъ отъ копытъ. . . идетъ Ханъ! Посылайте къ старцамъ, чтобъ молились». Мѣстами столбилось курево пожаровъ. Чрезъ нѣсколько часовъ конный топотъ и ржаніе, лѣсъ коній, покрывшій равнину, мелькающій блескъ Мурзавецкихъ панцырей, богатыри и наѣздники [отъ Ордъ Капчатской или Крымской] въ остроконечныхъ шлемахъ, на дикихъ аргамакахъ, подтверждали примѣты иноковъ: и старцы, то склонялись на помостъ келлій, то спѣшили ко храму пасть предъ Образомъ *крѣпкой помощницы* (Одигитріи), который пребылъ невредимъ, когда верхъ Собора былъ разрушенъ громомъ, полъ и иконостасъ опалены молніей 87); — спѣшили туда молиться, не за себя: за домъ Пречистыя и за Россію! Снова темнѣло, — но уже близко — надъ головами, — и туча стрѣлъ, какъ градовая, разражалась надъ обителью. Мужи и юноши спѣшили къ бойницамъ 88).

Ходя внутри ограды, я окидывалъ взоромъ стѣны и башни, современныя, если не первымъ зданіямъ Симонова, то вѣрно украшеніямъ временъ Іоанна III; ибо въ послѣдствіи ни одинъ изъ нашихъ зодчихъ не воздвигъ бы ничего простѣе, величественнѣе, соразмѣрнѣе. Съ нихъ громились Моголы еще одного непокореннаго, и такъ еще ужаснаго намъ племени, — думалъ я, — и воображалъ день битвы съ Казы-Гиреемъ, день надежды и страха, «когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ «стардахъ». — «Песчаная равнина [*между города и «обители Симоновской, Новоспасской, Даніиловской «и Донской, гдѣ былъ нашъ станъ*] покрывалась бо«лѣе Мусульманскими, нежели Христіанскими трупа«ми, въ виду у Хана и Москвитянъ, коими стѣны, «башни, колокольни были унизаны, вооруженными и «безоружными, исполненными любопытства и ужа«са: ибо дѣло шло о Москвѣ: ее губили или спасали «побѣдители! Народъ то безмолвствовалъ, то вопилъ, «слѣдуя душею за всѣми движеніями кровопролитной «сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, «которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще «до сего времени не видала полевой битвы на сво«ихъ равнинахъ. Не имѣли нужды въ вѣстникахъ: «глазъ управлялъ чувствомъ страха и надежды. Дру«гіе не хотѣли ни чего видѣть: смотрѣли только на «святыя иконы, орошая теплыми слезами помостъ «храмовъ, гдѣ пѣніе Іереевъ заглушалось звукомъ «пальбы, и куреніе ѳиміама мѣшалось съ дымомъ «пороха». (И. Г. Р. томъ X). — Страшенъ былъ этотъ день; радостенъ наступившій за нимъ, освѣ-

тивъ бѣгъ Казы-Гирея; — славенъ, ибо одолѣніе сбылось при затруднительной войнѣ съ Швеціей. — И какъ не перелетѣть воображеніемъ ровно два столѣтія, и не благословить память Екатерины, которая, также при распрѣ съ Швеціей, довершила покореніе этой послѣдней Могольской державы, нѣкогда столь враждебной 89)! Благословимъ великую тѣмъ болѣе, что эта Италія Россіи процвѣла ею, и, съ тѣхъ поръ, годъ отъ году болѣе цвѣтетъ и красуется. Все тамъ свидѣтельствуетъ, что покоряя умомъ и оружіемъ Тавриду, сердцемъ пріобщала она этотъ край къ своему необозримому, которому нѣкогда сказала: «Сохрани Богъ, чтобы какой нибудь другой на «землѣ былъ счастливѣе тебя»!

Благочестіе Великихъ Князей и Царей Русскихъ примѣтно здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ обителяхъ, но не многихъ въ сравненіи съ Симоновымъ. Первые означили его сооруженіемъ начальныхъ храмовъ и великими дарами, о коихъ сохранилось писаніе; послѣдніе-же многими зданіями во славу Божію и для своего моленнаго водворенія: они почасту *живали* въ мѣстахъ, посвященныхъ молитвѣ, особенно же Цари: Михаилъ, Алексій и Ѳеодоръ; послѣдній имѣлъ здѣсь и свои келліи 90).

При жизни Царя Ѳеодора Алексіевича, приходилъ сюда изъ Коломенскаго и младенецъ Петръ, съ Царицею-матерью или съ наставникомъ своимъ, Зотовымъ, сюда, на мѣсто нѣкогда посѣщаемое Святымъ Сергіемъ; приходилъ молиться, да вразумитъ его Господь, податель мудрости, какъ нѣкогда самаго Сергія; да благословитъ его ученіе, по слову житія

сего Угодника: *Отъ Духа Святаго, а не отъ человѣкъ, подастся отроку разумъ книжный*, — и возвращался подъ вѣтви священнаго для Россіянъ Коломенскаго дуба 91). Я сказалъ: «при жизни Царя Ѳеодора», — ибо по немъ, сперва мятежи и козни единокровныхъ, водворявшихся въ этой обители, а послѣ горестное о томъ воспоминаніе претили Петру Великому часто посѣщать ее 92).

Сюда, въ *золотое время* для Россіи (такъ сказывали старцы) *приходила* изъ Кремлевскихъ чертоговъ, или своей родины, Коломенскаго, Петрова дщерь, славная побѣдами, покровительствомъ наукъ, спокойствіемъ народнымъ и какимъ-то особеннымъ благословеніемъ, ей соцарствовавшимъ; превозносимая какъ божество, какъ образецъ красоты и добродѣтели отцемъ нашихъ пѣснопѣвцевъ, изумляя всѣхъ лѣпотою и смиреннымъ величіемъ, здѣсь склонялась она предъ древнею святынею Россіянъ, для спасенія которыхъ возставила ее десница Вышняго. Елисавета любила посѣщать святыя обители, гдѣ, кромѣ пищи для набожнаго чувства, являлись ей памятники отечества, встрѣчавшіе удары непостояннаго рока: они напоминали ей собственную ея жизнь и жизнь всего земнаго 93).

Много превратностей испытала Симоновская обитель въ пятивѣковомъ бытіи своемъ. Подобно своей современницѣ, или лучше, своей матери, Троицкой; 94);—но еще ближе подходитъ къ уподобленію: она перенесла тягчайшее изъ всѣхъ испытаній: забвеніе отъ своихъ — отъ Россіянъ! Въ XVIII столѣтіи,

они какъ будто забыли, что Симоновъ былъ первою Ставропигіей въ Россіи, благословенною и Патріархомъ Греціи и святымъ молитвенникомъ нашимъ. Семь лѣтъ сряду не назывался онъ и монастыремъ. Это случилось при Екатеринѣ II; — но ей-же, Великой, предоставлено было, за годъ до своей кончины, свѣять этотъ прахъ забвенія съ мѣста святаго, коего воспоминанія столь неразлучны съ воспоминаніями отечества, — чья исторія есть *его* Исторія 95).

Такъ, не протекла во всѣ послѣднія пять столѣтій ни одна эпоха Русскаго царства, не коснувшись Симонова. Громилась ли Москва полчищами Ордынцевъ: первый ихъ напоръ встрѣчалъ Симоновъ. Звалиль Князей нашихъ распри ихъ усобій на судъ Златоордынскаго Хана: здѣсь, на этомъ лугу, плакалъ юный Василій (въ послѣдствіи *темный*), смотря на блестящія главы Московскихъ храмовъ, какъ бы прощаясь съ ними навѣки, и еще не зная, *поведетъ* ли Юрій *подъ нимъ коня*, или самъ, въ первомъ цвѣтѣ юности, сложитъ державную главу свою у ногъ варвара. Совершалось ли великое одолѣніе надъ сопостатами: Симоновъ упрочивалъ поминъ его торжествомъ доколѣ стоитъ Россія. Покарялось ли ихъ царство: слава событія знаменовалась въ немъ памятниками. Спѣшилиль озарить новодобытый край свѣтомъ истиннаго Бога: сюда подвизалась вся Московская святыня, отпуская пастыря къ новому стаду, изводимому на пажить Хрістову: здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, молились все духовенство престольнаго града, всѣ бояре и витязи, кровію добывшіе Казань,

провожая въ нее перваго ея Святителя: и смиренный Гурій, поклонясь крестамъ и иконамъ, пріявъ благословеніе Макарія, всей духовной братіи, синклита и всего народа Московскаго, потекъ на свой великій подвигъ, — *не восхитивъ власти*, сказано въ его Житіи, *ниже гонивъ честь, но отъ Бога пріимъ:* и вотъ какую память онъ предалъ по себѣ скрижалямъ Исторіи: «Сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею церковію къ лику угодниковъ Божіихъ, насаждалъ въ своей паствѣ Вѣру Спасителеву средствами истинно Христіанскими: ученіемъ любви и кротости.» (*И. Г. Р. томъ VIII.*) Замѣтимъ, что онъ избранъ былъ *по жеребью*: таково было Россійское Духовенство! — Можно безъ лести добавить: достойно соревнуетъ ему и нынѣ благословляюща Россію, возращая въ ней вертоградъ святаго ученія, предшественниками насажденный. — И кто, въ числѣ монашествующей братіи, также напутствовалъ Гурія своими обѣтами и мольбами? — инокъ, — будущій Архимандритъ Симонова, тотъ, который, въ послѣдствіи пріявъ словесную паству Казани, сподобится обрѣсти его нетлѣнныя мощи, заранѣе поученный его житіемъ, претерпѣть истому душной темницы, жажды и глада : Ермогенъ!... Какія имена! 96) — Въ кровавые дни сиротѣвшей Россіи, доблестные иноки Симонова первые отбили отъ стѣнъ своихъ враговъ-мятежниковъ. Крѣпкія стѣны его укрыли дружины Пожарскаго, бившіяся надъ пепломъ Москвы, и сохранили ихъ ко дню избавленія и славы. Симоновъ видѣлъ неудачные выступы Ляховъ противъ полковъ Россійскихъ, прислонив-

шихся къ его стѣнамъ. Онъ видѣлъ погоню убійцъ за Прокопіемъ Ляпуновымъ: святость мѣста не только удержала ихъ отъ злодѣянія, но чудесно повергла къ стопамъ сего мужа, тогда надежды Государства. Симоновъ увидѣлъ на своихъ бойницахъ смертоносные жерла Сигизмунда; но фитиль дрожалъ въ рукахъ затинщиковъ: тамъ, изъ мрака Чудовской келліи, изъ-подъ веригъ, давившихъ осмидесятилѣтнія рамена, износилось: «Не велю Князю Пожарскому отступать; благословляю его и всѣхъ Россіянъ биться до смерти за Вѣру и отечество!»— Ермогенъ не могъ, подобно другому питомцу Симонова, святому Іонѣ, спасти Кремль, сердце Москвы и Россіи: онъ могъ лишь умереть! — Скажемъ наконецъ: здѣсь отзывались всѣ перевороты, потрясавшіе Царство: Стрѣльцы, язва съ бурнымъ ея послѣдствіемъ, нашествіе Наполеона, когда все, что не сгорѣло въ огнѣ и не сгибло отъ меча, страдало въ мукахъ тѣлесныхъ или душевныхъ; — однимъ словомъ, Симоновъ отдыхалъ — когда отдыхало отечество.

Я вступилъ въ обитель тѣхъ, которые нѣкогда были, дѣйствовали, замышляли, кипѣли желаніемъ и надеждою, возносились и смирялись, ликовали и скорбѣли, и всѣ свои земныя упованія вмѣстили — *тутъ*. Покойся мирно, благую часть избравшій, послѣдній сынъ Донскаго! ты убѣгъ отъ бóльшихъ искушеній властолюбія: побѣдитель Ливонскихъ Рыцарей, трижды испытавъ коловратность дольняго въ мятежномъ Псковѣ, и по краткой смутѣ, примирясь съ державнымъ братомъ, ты не восхотѣлъ до

конца губить души своей въ нестроеніи земнаго; замыслилъ добывать себѣ удѣлъ ризою и возглавіемъ черными, подъ темнымъ кровомъ келліи, въ бесѣдѣ съ Невмѣстимымъ, и твой удѣлъ — небо!... и мы, едва помня имена твоихъ братьевъ: Юрія, Андрея, Петра, Іоанна, мелькнувшія въ бытописаніи, съ умиленіемъ кланяемся тебѣ, не Константину, а Касіяну.

Ихъ нѣтъ въ этой оградѣ, витязей святоносныхъ, *извольниковъ* Сергія: Пересвѣтъ и Ослябя не дождались этого погребалища; рано стонъ Россіи оторвалъ ихъ отъ алтарей, чтобы снова ринуться въ тучу стрѣлъ, мечей и копій, изумить силою богатырскою, спасти многіе ряды Россіянъ, и приничь къ землѣ, дрогнувшей отъ ихъ ударовъ. — Черта необыкновенная, — была бы единственною, когда бы Палицынъ и Троицкая братія не явили вновь подобной! — Вѣрнымъ взглядомъ обнять жизнь; разгадать обманчивость ея посуловъ; почить усталыми отъ трудовъ ратныхъ и смутъ житейскихъ; умереть славѣ міра сего, — и вдругъ подъ трепещущими перстами старца вскипѣть жаромъ битвы, полетѣть въ сѣчу, и ударить на Могольскихъ Голіафовъ! Мысль, еще разъ потрудиться за родную землю, не выдать братьевъ, заслонить жертвенники, предъ коими молились и чаялись еще молиться, — отстоять все это, или пасть, не видавъ его гибели, — вотъ что взыграло въ сердцахъ, погребшихся суетѣ... И вотъ ихъ вѣнцы земные: Донскій требовалъ ихъ останковъ для своей Москвы, дабы воины и народъ, взирая часто на ихъ могилы, воспламенялись духомъ

доблести; Сергій уступилъ ихъ, покрытыхъ Троицкою схимою: оба сдали ихъ Θеодору, заповѣдавъ ему поминъ героевъ. Съ тѣхъ поръ, святый Старецъ, посѣщая Симоновъ, сокращалъ путь свой, благословлялъ ихъ гробы, и слабѣющимъ голосомъ пѣлъ *вѣчную память*, громко вторимую небомъ; сынъ Донскаго, обозрѣвъ святолѣпіе новаго храма, не забывалъ имъ поклониться; самъ Димитрій, принося дары на его строеніе, шелъ на Старый Симоновъ съ признательною слезою, и снова, какъ на поляхъ Задонскихъ, исторгалось изъ души его: «*Аще имате дерзновеніе, молитеся за ны!*»

Какъ славно подѣлились двѣ столицы! — сказалъ я, взглянувъ на гробъ Схимонаха Симеона, того, кто *послѣдній носилъ имя* Царя Казанскаго. — Этотъ гробъ, таящійся въ тѣни Симоновскихъ сводовъ, и гробъ Едигера (въ Чудовѣ), переносятъ мысль ко гробу Станислава! — Не справедливо замѣтитъ, кто не найдетъ здѣсь трофеевъ, кто скажетъ, что мало славы въ покореніи народовъ, одного почти кочеваго и преставашаго быть грознымъ для Россіи, другаго, также клонившагося къ паденію. Нѣтъ народа, если хорошо вникнуть въ его исторію, котораго покореніе не было бы славнымъ: каждый въ свою очередь былъ великимъ, устрашающимъ, и упадокъ каждаго часто зависѣлъ отъ судьбы одного дѣйствія, политическаго или ратнаго. Было время, когда наѣздъ Баскака потрясалъ всѣ концы нашего Государства; было время, когда весь Западъ, съ своими Королями и Папою, трепеталъ при имени Могольскомъ, и слалъ пословъ въ Орду. Не задолго до

взятія Казани Россія видѣла въ нѣдрахъ своихъ враждебныя полчища этого Царства; видѣла войска и Крымскаго Хана, имъ подущеннаго и сильно вспомоществуемаго 97). Дрогни Іоаннъ подъ Казанью: она соединилась бы съ Крымомъ, который и послѣ трижды ужасалъ то окрестности Москвы, то самую Москву. Ея Татары дождались бы Самозванцевъ, и были бы страшнѣе Батыевыхъ, Ногаевыхъ, Тохтамышевыхъ, Эдигеевыхъ. Не разбей Хмѣльницкій Казиміра, и не истреби его силъ въ двадцати битвахъ: Полтава была бы гробомъ бытія нашего, возвративъ намъ годину междуцарствія, ибо, вмѣсто *измѣны* Августа, увидѣли бы его *возстаніе*,—и Карлъ XII былъ бы для насъ уже не Делагардіемъ. И такъ, не важный ли трофей — могила *послѣдняго* Царя Казанскаго? — не важный ли трофей — могила *послѣдняго* Короля Польши, земли, которая, за два вѣка, вмѣщала прахъ нашего Царя, *съ величіемъ павшаго въ развалинахъ Государства?*

Исполненный этой думы, я позабылъ бы здѣсь о личномъ, или лучше сказать, политическомъ врагѣ этого царственнаго слѣпца-инока. Но вотъ могила Мстиславскаго, перваго вельможи, главнаго воеводы въ битвѣ съ Казы-Гиреемъ, и такъ мужа опаснаго временщику, замышлявшему схватить не одинъ жезлъ воителя, но и скиптръ и державу. Этотъ камень указываетъ на Симеоновъ, и говоритъ пришельцу: «Вѣдай: убійца святаго Димитрія, постригши и заточивъ отца моего, ослѣпивъ невиннаго моего зятя Царя Симеона, здѣ лежащаго, единственно за то, что онъ носилъ имя Царское, и былъ въ родствѣ

со мною». — Такъ, Годуновъ, еще не сраженный тѣнію Димитрія, убоялся *имени* Царя, хотя и племени Могольскаго; убоялся, какъ бы въ доказательство нравственному міру, что какимъ бы умомъ ни былъ одаренъ преступникъ, онъ осужденъ бояться всякой тѣни 98). Мы вѣримъ сказанію Маржерета объ ослѣпленіи Симеона; ибо двѣ жертвы подозрительности Бориса: Королева Марія и младенецъ дочь ея, лежащія въ соборѣ Троицкой Лавры, объясняютъ и другое дѣяніе властолюбія. Судьба сблизила эти два гроба съ его опальнымъ, какъ бы желая примирить ихъ тамъ, гдѣ разоблачается тлѣнное величіе, и гдѣ конецъ земнымъ распрямъ. Но здѣсь остался еще Царскій гробъ-доноситель, — а казнитъ его за рубежемъ жизни.

Здѣсь и предметъ размышленій о превратностяхъ человѣческаго жребія, среди которыхъ пребываетъ неизмѣнимъ лишь добродѣтельный. Едва ли Исторія представитъ намъ еще два подобныхъ примѣра: Судьба, играя, бросала въ Симеона лишь разныя титла вмѣстѣ съ именами разными; — вотъ тѣ и другія: *Саинъ-Булатъ, Царевичъ* Казанскій. — *Саинъ-Булатъ, Царь* Касимовскій. — *Симеонъ, Великій Князь* Тверскій, съ титломъ *Царя* (Казанскаго). — *Симеонъ, Царь* (Казанскій) и *Великій Князь*. — *Стефанъ, инокъ* Соловецкій. — *Стефанъ, инокъ* на Бѣлѣозерѣ. — *Симеонъ, Схимонахъ* Симоновскій!... Этотъ страдалецъ, вѣрный и доблестный вождь полковъ Іоанна, правдивый, прямодушный во всѣхъ дѣлахъ жизни, оказался, можно сказать, великимъ, когда былъ снова вознесенъ на чреду, свойственную

его сану. Лжедимитрій, волею или неволею, ввелъ слѣпца въ пышный дворецъ Кремлевскій: онъ вступилъ въ него, но дабы увѣнчать себя святымъ безстрашіемъ, — и среди общаго обаянія умовъ, то слабыхъ, то честолюбивыхъ, отказался мыслить, дѣйствовать и говорить противъ совѣсти. Его заточили въ хладныя пустыни Соловецкія, и тамъ постригли. Послѣ паденія Самозванца его перевели въ монастырь Кирилловъ-Бѣлозерскій, а потомъ приближили къ столицѣ, чтобы здѣсь, подъ святою схимою, скончать свои многотрудныя странствія и терновый путь жизни. Царица, супруга его, не перенесла столь многихъ долговременныхъ испытаній, и дожидалась его здѣсь девять лѣтъ 99).

Симоновская усыпальница собрала гробы страдальцевъ земнаго величія, Мстиславскихъ, чтобы пришелецъ вѣрнѣе убѣдился въ его ничтожествѣ. Вотъ значительнѣйшіе изъ почившихъ: Князь Өеодоръ, съ 1526-го родоначальникъ ихъ въ Россіи, но потомокъ Гедимина. Онъ выѣхалъ изъ Литвы къ В. К. Василію, получилъ руку племянницы Государевой, а съ нею и города: Ярославецъ, Кременецъ и Каширу въ помѣстье; прославился дѣломъ ратнымъ, отразивъ Крымцевъ отъ Оки; за умыселъ возвратиться къ Сигизмунду II испыталъ жестокую опалу, и прощенъ лишь на радости крещенія родившагося Іоанна IV.— Внуки его: Князь Өеодоръ, о которомъ уже говорено, глава Бояръ отъ временъ Іоанна до конца междуцарствія, и такъ важнѣйшее игралище народныхъ треволненій, и Князь Василій, который въ бѣдственныя же времена кровавыхъ причудъ Грознаго

вмѣстѣ съ братомъ и отцемъ, отстаивалъ Россію. Но отца здѣсь нѣтъ: гробъ этого Вельможи-Воеводы, на котораго такъ много надѣялся Іоаннъ, отброшенъ Годуновымъ на Бѣлоозеро, гдѣ постригли его насильно. Вотъ и ихъ сестра, также одна изъ жертвъ политики Годунова: проговорено было въ тайной думѣ, что лишь она можетъ быть невѣстою Царя Ѳеодора по неплодію Царицы, сестры Борисовой,— и, вмѣсто златошвенной фаты Царской, надѣли на невинную Княжну покрывало монахини, чтобы прожить подъ нимъ въ сырой и темной келліи долго, и прилечь въ Симоновѣ къ сестрѣ своей, несчастной Царицѣ Казанской!

Сколько вѣки громоздили здѣсь камней, сдвигая одинъ другимъ, и стирая славныя имена, звучныя титла! Сколько подвиговъ боевыхъ или думныхъ, не преданныхъ лѣтописямъ, забытыхъ, или подъ мантіей чернеца утаенныхъ, истлѣли внутри этой ограды! — Миръ праху вашему, неизвѣстные щиты отечества, вѣрные други его въ годины тяжкія! Ваши памятники не устояли на землѣ, гдѣ ничто не твердо: ваши имена неизгладимы тамъ, гдѣ ни одного изъ дольныхъ дѣлъ не гибнетъ.

Здѣсь нѣкогда былъ гробъ Князя Ховры [выѣхавшаго изъ Греціи] подлѣ гробовъ родныхъ его, и самаго Григорія, главнаго строителя обители. Я не нашелъ ихъ камней, — но съ чувствомъ признательнаго умиленія поклонился двумъ гробамъ ихъ потомковъ, Головиныхъ. Одинъ былъ знаменитымъ сподвижникомъ Скопина-Шуйскаго въ эпоху безпримѣрныхъ скорбей и безпримѣрныхъ подвиговъ героиз-

ма; — другой былъ сподвижникомъ Петра, первымъ другомъ его по смерти Лефорта, его правою рукою въ сношеніяхъ съ Европейскими и Азіатскими дворами, и въ строеніи государства. Онъ умеръ — и Царь, писавъ къ Апраксину, такъ заключаетъ вѣсть объ этой государственной и своей потери: «Сіе возвѣщаетъ печали исполненный Петръ». — Я всегда желалъ, чтобы надъ гробами каждаго знаменитаго Россіянина Петрова времени было изображено: «Сподвижникъ Петра Великаго», и думалъ: имена этихъ птенцовъ великаго Орла еще болѣе исполнили бы отечество его имени, простирая память его отъ Невской Лавры до Кіевопечерской, отъ пышныхъ мавзолеевъ древней столицы до погоста Березовскаго. — Я поклонился гробамъ и другихъ усопшихъ, надъ коими видны еще имена, съ честію мелькающія въ преданіяхъ царства 100).

Отъ памятниковъ историческихъ перешелъ я къ смиреннымъ камнямъ своихъ родныхъ и друзей,

Которыхъ скромный прахъ, въ тиши, надъ ихъ гробами,
Я лишь младенческимъ стихомъ благословлялъ.

Тамъ я поклонился и неизмѣннымъ доскамъ за ранѣе умершихъ міру: Алексія, Іоны, Павла, Михаила. Послѣдній оставилъ все, чѣмъ земная жизнь бываетъ украшена: жену, дочь, брата, друзей, богатство, почести высокаго сана, привычную нѣгу, — и здѣсь, суровостію монашеской жизни, въ безмолвіи и постѣ, достигнулъ святыя схимы. — Великіе младенцы Евангелія! вы и сквозь пять вѣковъ смотрѣли зорко на свои образцы: на Сергіевъ и Кирилловъ; ибо въ-

ра и добродѣтель не покорны ни ходу временъ, ни превратности людскихъ понятій, — неизмѣнны какъ и предвѣчный источникъ ихъ, который тойжде пребываетъ, когда все вѣтшаетъ и измѣняется.

Началось вечернее пѣніе. Показался рядъ молчальниковъ, приближаясь ко храму. Я послѣдовалъ за ними подъ древніе своды, хранящіе въ таинственномъ мракѣ своемъ чудотворную икону Богоматери. Раздались голоса, отвѣвающіе отъ слуха и сердца все земное. Тутъ я вспомнилъ прежнія посѣщенія свои Симонова и дѣйствіе на меня этихъ звуковъ. Давно уже тихая цевница моя сказала имъ:

О стройные! звучите, пойте мнѣ
О той родной, но дальней сторонѣ,
Куда изъ тьмы обманчиваго свѣта
Всегда рвалась душа поэта 101)!

Клиры замолкли; ряды затворниковъ потянулись отъ дверей храма, разошлись у пороговъ келлій, и скрылись. Это единообразіе — сказалъ я про себя — это неизмѣнное *тоже*, страшное для рабовъ суеты, какъ отрадно, успокоительно рабамъ Господнимъ, отверженникамъ благъ мимотекущихъ! — Тутъ мнѣ пришли на память строфы одного изъ извѣстныхъ стихотворцевъ, которые начинаются обращеніемъ иноческой братіи къ пришельцамъ: и я повторилъ въ стѣнахъ Симонова:

«Здѣсь замираютъ звуки міра.
Причаливай, пловецъ усталый надъ кормой:
Здѣсь ждутъ тебя давно, заблудшаго и сира,
Не скорби и не смерть, но пристань и покой.

«Здѣсь ровенъ день, безъ тучь,—не быть его склоненью;
Лучемъ вещественнымъ его не замѣнить;
Здѣсь солнце, коему земное солнце тѣнью
Едва ли можетъ послужить.

«Какъ путникъ до зари незапно пробужденный,
Мы рано утекли: надежное вело; —
Мы бодрствуемъ, — вы сномъ глубокимъ отягченны:
Проснитесь, братья, разсвѣло!

«Сюда сердца! лишь здѣсь любить еще умѣютъ, —
Но чистое въ любви къ кадильницѣ несутъ;
Здѣсь дольнее сгоритъ, — и пеплъ его отвѣютъ:
Нетлѣнное лишь соберутъ.

«Молитва, вѣрный стражъ святаго обнесенья,
Здѣсь первой вѣстницей дня перваго луча;
Она часовъ намъ измѣренье,
И ярко свѣтится въ нощи ея свѣча.

«Молебный мѣди звонъ, будильникъ нашъ съ зарею,
Съ дыханьемъ вѣтерковъ сливаетъ нашъ обѣтъ;
И воздухъ сотрясенъ Всевышняго хвалою,
Сердечный вздохъ къ нему несетъ».

«Но что! не здѣсь ли самъ? Ты ль это, Вседержитель!—
Онъ самъ! .. Подъ этотъ сводъ, на жертвенникъ простой,
Любовью вызванный низшелъ міровъ Зиждитель, —
Но Вѣрой видимо одной....

Молчи, о слабый умъ! — ты, сердце, исповѣдуй...
Крестомъ оживлено, пересозданно вновь,
Умершему на немъ послѣдуй, —
Дерзай!.. одной любви истолковать любовь!

И что сіи главы, простертыя на прахѣ;
Куреній этихъ дымъ, глаголовъ этихъ слогъ,
Сіи порывы душъ въ слезахъ, въ восторгѣ, въ страхѣ? —
Они вѣщаютъ: здѣсь твой Богъ!

Избранники его! вдали отъ ѳиміама,
Какъ нищему въ дверяхъ дворца,
Дозвольте мнѣ упасть лишь у порога храма
Предъ Тѣмъ, Кто проліялъ миръ вѣчный вамъ въ сердца.

О! да солью мой гимнъ я съ вашими хвалами;
Да взыдетъ ладонъ мой въ пареньи сихъ кадилъ.
Такъ древле гласъ земныхъ былъ принятъ небесами,
И длился въ ликѣ горнихъ Силъ.

Всякъ день меня изъ тьмы живущихъ вытѣсняетъ;
Я полонъ дней, трудовъ, — и мой измѣрянъ путь:
Подъ сею папертью мой взоръ ужъ избираетъ,
Гдѣ-бъ мнѣ отъ жизни отдохнуть.

О! дайте мнѣ присѣсть на ваши холмы тлѣнья,
И тихо гробовой лампадой догарать
И ждать здѣсь утра пробужденья, —
И смертью взятаго отъ смерти только ждать!

Да возмогу я здѣсь, межъ тлѣнья и надежды,
Бѣглецъ изъ тягостной юдоли золъ и бѣдъ,
Въ виду святыни сей, смеживъ, усталый, вѣжды,
Прейти туда, гдѣ скорби нѣтъ! 102)

Обстоятельства жизни моей ни мало не соотвѣтствуютъ таковому расположенію духа и мыслей: я счастливый супругъ, отецъ милыхъ мнѣ младенцевъ;

и такъ земная перспектива не заслонилась, но еще отдвинулась предо мною. Все это неоспоримо; — но размысливъ глубже, мы увѣримся, что всѣ здѣшнія радости, самыя чистыя, самыя продолжительныя, не стоютъ минуты тихаго восторга этого отшельца. Такъ сказалъ я однажды себѣ, когда подстерегъ прямо небесную улыбку въ здѣшнемъ инокѣ, покойномъ отцѣ Павлѣ, полвѣка прожившемъ въ келліи, коей окны были ниже надгробныхъ камней, ее окружавшихъ: сквозь мракъ ихъ могильный онъ полвѣка смотрѣлъ въ свѣтлую вѣчность!

Послѣдній отблескъ вечерней зари догоралъ и гаснулъ на крестахъ обители, — и я спѣшилъ посѣтить едва живаго тѣломъ, но еще живаго для молитвы и назиданія душъ: я спѣшилъ навѣстить отца П..на. Плоть его немощна и страждуща; духъ же бодръ, ибо безконечное давно уже настало для него. — Какъ часто, по нѣскольку часовъ сидя въ его келліи, смотря на его блѣдное лице, слушая совѣты болѣе ста приходящимъ, замѣчая рѣдкій даръ трогать и убѣждать каждаго сообразно его понятіямъ и даже его нарѣчію, — какъ часто я вспоминалъ преданія о здѣшнемъ древнемъ Кириллѣ, коего слово, *солію разума растворенное, изливало благодать, и всѣмъ было въ сладость!* — Иногда говорилъ онъ мнѣ, что желаетъ затвориться, и начать житіе молчальное. Не смѣя совѣтовать, я молилъ его пребыть полезнымъ въ мірѣ для душъ вращающихся, и замолкнуть уже въ срокъ жизни, указанный нѣкогда Богомъ святому Сергію. Больный вздыхалъ, и говорилъ: «Много ли Сергіевъ, до маститой старости не

утомляемыхъ ни постомъ, ни трудами, ни болѣзнями, и не совращаемыхъ съ путей Божіихъ бесѣдою мірянъ! Сергій — и я.... какое разстояніе!»

Оставляя келлію П... на, и проходя рядъ затворенныхъ, я говорилъ себѣ: «Подъ эти кровы входилъ Радонежскій, и къ изумленію братіи, минуя сродника-Архимандрита и старцевъ, искалъ *новоначальнаго* Кирилла, и звалъ его на цѣлые часы тихой бесѣды, чтобы *воздѣлывать вмѣстѣ бразду душевную, засѣвать сѣмянами добродѣтели и напоявать слезами, въ ожиданіи радостной жатвы;* между тѣмъ, какъ все окрестное поле уставлялось народомъ Московскимъ, который въ безмолвномъ смиреніи ждалъ минуты его выхода, жаждая увидѣть Святаго 103). — Туда, во дни Тахтамышева нашествія, приходилъ отъ Троицы святый старецъ утѣшать Симоновскую братію, или плакать съ нею о судьбѣ отечества. — Тамъ посланъ былъ реченному Кириллу великій даръ отъ Бога: даръ умиленія и слезъ, — *и онъ, служилъ ли божественную Литургію, читалъ ли что, или читаемое слушалъ, или поучалъ братію,—никогда отъ слезъ не могъ удержаться.* И подъ этими низменными сводами сверкали эти слезы, этотъ земной бисеръ, одинъ достойный небесъ! — Тамъ, искушаемый, гонимый то прославленіемъ отъ мірянъ, то завистію сокелейныхъ, и взыскующій безмолвія, услышалъ онъ *гласъ дивенъ, внѣ келліи издалеча съ высоты глаголющь: «Кирилле, изыди отсюду и гряди на Бѣлое езеро, и добръ покой обрящеши».* — Тамъ, въ бесѣдѣ, отъ братіи утаенной, сиротствуя безъ Сергія и Θеодора,

и плача то надъ дымящимися развалинами отечества, Моголами томимаго, то надъ житейскимъ моремъ, воздвизаемымъ бурею напастей и соблазновъ, Кириллъ и Ѳерапонтъ укрѣпляли другъ друга тайными откровеніями Неба, жаждали одиночества, и порывались въ пустыни, имъ указанныя. Минуты блаженства полнаго, ибо не земнаго! бесѣды, въ которыхъ сливались два сердца отвергавшихъ тлѣнное для вѣчнаго! свято мѣсто, вами ознаменованное.—Здѣсь стоялъ маститый Фотій, поникнувъ бѣлымъ клобукомъ своимъ надъ спавшимъ юношею, и прорекалъ Россіи великаго Іерарха въ младомъ Іонѣ. — Сюда прибѣгали склонять свои посохи великіе Святители Царства, отслуживъ ему и церкви 104), а герои Куликова и Казани, *стародавные племенемъ и доблестію*, мѣнять бранные шлемы на святыя схимы. Здѣсь поучался Ермогенъ умирать за вѣру и отечество, и завѣщевалъ будущимъ старцамъ Симонова, чрезъ два столѣтія послѣ него быть едиными стражами святыни; претерпѣть жестокія муки и раны истязаній, но не отступать отъ ея престоловъ 105).

Такъ говорилъ я — и внималъ тайному шопоту: «Благодать Божія почіетъ и нынѣ на этомъ мѣстѣ, благословенномъ великимъ свѣтильникомъ отечества. Никогда не оскудѣваетъ оно въ предавшихъ себя Богу и добродѣтели. Здѣсь привитаетъ еще остатокъ того *многаго множестза птицъ прекрасныхъ, пѣвшихъ пѣсни ангельскія съ несказанною сладостію*, и видѣнныхъ святымъ пустынникомъ изъ его Троицкой келліи. Ихъ-то возвѣщалъ ему *гласъ, глаголя: Сергіе, молишися о чадѣхъ твоихъ, и пріято*

есть моленіе твое: смотри и виждь число иноковъ собирающихся въ твою паству: имъ же образомъ зриши птицы сія, тако умножится стадо ученикъ твоихъ, и по тебѣ не оскудѣетъ 106)»!

Я оставилъ обитель, еще чувствуя присутствіе этого *земнаго ангела или небеснаго человѣка* 107), чувствуя присутствіе столькихъ святыхъ душъ, обмѣнявшихъ дольнія сласти на тѣ выспреннія, которыхъ здѣсь ни око не видитъ, ни ухо не слышитъ, которыя здѣсь и на сердце человѣческое не взыдутъ.

Ночь уже темнила башни Симонова; часомѣрный ихъ звонъ протяжно вторилъ Кремлевскому. Казалось, два міра перекликались съ рубежей своихъ. Полный мѣсяцъ, выплывая изъ-за тучи, тонулъ въ струяхъ рѣки, легкимъ вѣтеркомъ зыблемыхъ, и серебрилъ Москву, заслонившую даль горизонта. Все было мирно и спокойно въ почившей природѣ, все дружилось въ ней съ моими мыслями и чувствами, когда я возвращался къ этой громадѣ жилищъ. Но тамъ еще не дремала суетность; еще кипѣли страсти; все куда-то спѣшило, и утомлялось, не зная, когда и гдѣ отдохнуть... Страдальцы! мы жаждемъ новизны, перемѣнъ для взора, слуха, всѣхъ ощущеній, надѣясь въ нихъ обрѣсть искомый отдыхъ, и не догадываясь, что порываемся къ вѣчному.... За часъ предъ тѣмъ — я видѣлъ отдыхающихъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

4

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Авторъ избралъ эпиграфъ изъ сочиненія Г-на Муравьева, желая принесть ему хотя слабую дань признательности за пользу и удовольствіе, которыя находилъ, читая его творенія. «Радуюсь — сказалъ онъ еще въ 1830-мъ году, прочитавъ его *Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ* (Палестины), — Русскіе пишутъ не одни романы. Глубокое чувство, всегда производящее богатство идей и разительную новизну выраженій, краситъ слогъ этой книги. Торжество сочинителя состоитъ въ томъ, что и послѣ Шатобріана умѣлъ онъ сдѣлать ее заманчивою, сказавъ многое, чего не сказалъ Французскій путешественникъ, или сказавъ иначе и всегда удачно. Къ тому же, внушаемый нашимъ восточнымъ Православіемъ, онъ еще болѣе мѣтитъ на сердце читателей, и еще смѣлѣе предъ кощунами вѣка. Чувство — вотъ вся тайна таланта. Бюффонъ полагалъ весьма справедливо, что для красоты слога необходимы общность и расширеніе идей; но это расширеніе, эта общность ихъ происходятъ отъ частаго обращенія къ отвлеченному, отъ навыка примѣнять къ нему все излагаемое, даже и самые простые предметы; а это условіе не имѣетъ ли источникомъ чувство? Мнѣ случилось читать путешествіе одного ученаго Англичанина въ Палестину:

*

тамъ все описано, все вымѣрено съ совершенною точностію, но книга суха, незаманчива, ибо *сердца*, какъ сказалъ Дмитріевъ, *ни чуть не шевелитъ*. «Пишите» — говорилъ Карамзинъ Батюшкову, — «стихами ли, прозою ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно *».

«Если бы нужно было *оправдывать* автора предъ тѣми, которые назовутъ эту книгу *слишкомъ богословскою*, то мы отвѣчали бы имъ словами знаменитаго Шатобріана: «Чтобъ найти какую либо страну въ на«стоящемъ, собственномъ ея видѣ, должно посѣтить ее «съ запасомъ всѣхъ ея преданій, со всѣмъ что хранит«ся о ней въ памяти народовъ. Не иначе, какъ съ Биб«ліей и Евангеліемъ въ рукахъ, должно посѣщать землю «Іерусалима; а для тѣхъ, которые спѣшатъ туда съ ду«хомъ спорныхъ прицѣпокъ или холодныхъ пересудовъ, «Іудея не стоитъ и труда пускаться въ такой дальній «путь. Что скажемъ о человѣкѣ, который, путешествуя «по Греціи и Италіи, на каждомъ шагу будетъ проти«ворѣчить Гомеру и Виргилію? Но такъ путешеству«ютъ многіе нынѣ, и служатъ доказательствомъ, что «самолюбіе, стараясь выказать наше ученое первен«ство, выказываетъ лишь желаніе осмѣивать и уни«жать». [Itinevaire 4 partie].

Заключимъ свое замѣчаніе еще однимъ мѣстомъ того же писателя:

«Нынѣ можетъ показаться страннымъ, что еще гово«рятъ о богомольяхъ по обѣщанію; но въ этомъ отно«шеніи я безстыжъ и давно причислилъ себя къ клас«су людей суевѣрныхъ и слабыхъ. Можетъ быть, я

* Письмо къ Батюшкову, напечатанное въ одномъ изъ Моск. альманаховъ.

«послѣдній изъ Французовъ, оставлявшихъ отечество «для странствованія къ Святымъ мѣстамъ съ чувства-«ми и мыслями богомольцовъ прежнихъ временъ *». [Stin. 1 partie.]

Что, если Русскій путешественникъ - богомолецъ когда нибудь тоже скажетъ Русскимъ о Русскихъ! — Между тѣмъ желательно, чтобы книги такого рода были приняты и читаемы въ Россіи съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ во Франціи и въ большой части Европы читаются Шатобріановы, и чтобы Русскіе, въ полномъ смыслѣ слова, и поняли и полюбили книгу Муравьева **». [*Мысли и замѣчанія* еще не изданныя].

2) Таковыми были еще недавно главы Симонова.

3) «Но—скажутъ нѣкоторые—авторъ не ушолъ отъ *романизма*». Вотъ нѣсколько словъ Исторіографа на ихъ долю: «А тѣ холодные люди, которые смѣются [какъ они говорятъ] надъ *романическимъ патріотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Русское еще любезнѣе и дороже». Нашлись и новѣйшіе писатели, даже въ самой Франціи, остуженной сперва дыханіемъ вредной философіи, потомъ ея проявленіемъ въ ужасахъ революціи, нашлись писатели съ дарованіемъ, которые, по слѣдамъ Шатобріана, отогрѣваютъ все высокое въ воспоминаніяхъ человѣка

* Г. Ламартинъ оправдалъ и вѣкъ и согражданъ; по крайней мѣрѣ онъ былъ достоинъ казаться представителемъ набожнаго Запада, пока встрѣча съ г-жею Сенгопъ не помутила его головы и не произвела поэмы: La chutte d'un ange, и другихъ бредней.

** Г. Муравьевъ, въ новѣйшемъ сочиненіи своемъ: *Путешествіе по Святымъ мѣстамъ Русскимъ*, оказалъ еще болѣе того святаго *безстыжества*, которымъ хвалился Шатобріанъ,—и тѣмъ ободривъ новыхъ писателей въ этомъ родѣ, оправдалъ и читателей своихъ, то есть большую часть Россіи.

и гражданина, и продолжають говорить съ энтузіазмомъ, надъ коимъ хотѣли было смѣяться ихъ современники. Многіе писатели-моралисты твердо стали тамъ противу буйнаго безвкусія и уродливости, которыя вкрались въ новую литературу. Скажутъ: но кто противустанетъ вѣку? — Вотъ отвѣтъ: если слово *вѣкъ* не совсѣмъ пустосмысленно, и означаетъ *людей* нашего времени, то не намъ ли, потребителямъ бумаги, замѣтивъ ихъ совращеніе къ охлаждающему или уродливому, снова направить ихъ къ возвышенному, трогательному, прямопоэтическому въ идеяхъ богочествованія, нравственности, патріотизма? Великіе примѣры предъ нами: то̀ чѣмъ прославился новый исполинъ Французской словесности; въ чемъ Карамзинъ искалъ вдохновенія; что воспѣли вѣкамъ обреченныя лиры, то не престанетъ восхищать и трогать, и о томъ во всякомъ вѣкѣ не стыдно говорить съ нѣкоторымъ поэтическимъ жаромъ.

4). Едва ли нужно напоминать читателю, что это относится *къ письмамъ Русскаго Путешественника* и къ повѣстямъ: *Лиза, Наталья, Юлія* и *Марфа Посадница*. Скажутъ—и уже говорили—«стоютъ ли эти *безделки* прославленія»? — Въ этомъ, признаюсь, я фанатикъ, равно какъ и въ произведеніяхъ художествъ: дорого оцѣнилъ бы я первоначальныя черты [перомъ или карандашемъ] Рафаэля, хотя черта не есть *преображеніе;* то же самое и съ сказочками Карамзина, въ которыхъ видѣнъ талантъ много обѣщающій, хотя тамъ и нѣтъ безсмертныхъ строкъ, увѣковѣчившихъ его *Исторію*. Найдутся люди, которые скажутъ: Карамзинъ, посѣщавшій Симоновъ, достойно ли изобразилъ въ своей повѣсти бытъ столь назидательный для міранъ, который отвергаетъ все тлѣнное, все превратное для

уединенной бесѣды съ Богомъ?—Но эти люди забудутъ, что Карамзинъ былъ тогда еще мечтателемъ, каковыми всѣ бываютъ въ молодости; что философія XVIII вѣка царствовала тогда надъ всѣми умами, и что довольно было тогда обратиться на одну нравственность, и устращить молодежь картиною того, что въ суетномъ свѣтѣ привыкли называть ее *проказами*. За то истинный геній и сердце полное добра умѣли, прежде многихъ, сбросить иго, порабощавшее тотъ вѣкъ,—и онъ первый достойно заговорилъ у насъ языкомъ новымъ и очищеннымъ о святыняхъ Религіи и отечества. Повѣсть о Лизѣ издана въ 1792 году; а въ 1803 онъ изумилъ тогдашнія общества краснорѣчивымъ сказаніемъ о началѣ Троицкой Лавры, не только живописнымъ, но полнымъ и высокихъ идей и глубокаго чувства; первый изъ свѣтскихъ писателей онъ умилилъ сердца святымъ характеромъ ея основателя и изображеніемъ его пустынническои жизни.

5) Покойный И. И. Дмитріевъ часто разсказывалъ мнѣ, какъ онъ съ Карамзинымъ проводилъ тамъ цѣлые дни; какъ, переплывъ на лодкѣ Москву-рѣку, всходилъ за нимъ на крутый Симоновскій берегъ, держась за полу его кафтана, и въ надеждѣ на добраго вождя, посѣтившаго Альпійскія крутизны. Онъ и послѣ любилъ посѣщать Симоновъ, и кромѣ частыхъ прогулокъ, ежегодно 1-го Августа бывалъ тамъ у обѣдни и дожидался народнаго гулянья.

6) Изъ стиховъ, полученныхъ И. И. Дмитріевымъ отъ В. А. Жуковскаго, въ отвѣтъ на стихи старца, въ которыхъ онъ еще разъ воспѣлъ взятіе Варшавы [1831] и въ которыхъ онъ говоритъ, что прошла пора его пѣснопѣнію. Вотъ эти отвѣтные, свидѣтельствующіе о

безсмертія трехъ мужей Дмитріева, Карамзина и воспѣвшаго ихъ:

Нѣтъ, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ!
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣжъ.

Нѣтъ! никогда ничтожный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо ихъ геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.

Державина струнамъ родныя, пѣли
Они дѣла тѣхъ чудныхъ прошлыхъ лѣтъ,
Когда вездѣ мы битвами гремѣли
И битвамъ тѣмъ дивился свѣтъ.

Ты намъ воспѣлъ, какъ буйные Титаны,
Смутившіе Астреи нашей дни,
Ея орломъ низринуты, попраны;
Въ прахъ! въ прахъ?—рекла…и гдѣ они?

И нынѣ тожъ: пѣвецъ двухъ поколѣній,
Подъ сѣдиной ты третьему поешь,
И намъ, твоихъ питомцамъ вдохновеній,
Въ часъ славы руку подаешь.

Я помню дни: магически мечтою
Былъ для меня тогда расписанъ свѣтъ;
Тогда сорвалъ, явясь передо мною,
Покровъ съ поэзіи Поэтъ.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ
Твой гласъ я подслушивалъ тогда:
И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ
«Наступитъ ли и мнѣ чреда»?

О! въ эти дни, какъ райское явленье,
Былъ съ нами *онъ*, теперь ужъ неземной;
Онъ для меня живое провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой!

О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ...

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

А ты цвѣти, Пѣвецъ, нашъ вдохновитель,
Младый душей подъ снѣгомъ старыхъ дней!
И долго будь намъ въ старости учитель,
Какъ былъ во младости своей.

Получивъ эти стихи, тронутый Дмитріевъ въ тотъ же день переписалъ всѣ одиннадцать строфъ своею рукою, и прислалъ ко мнѣ въ деревню.

7) Это было въ Іюнѣ 1826. И. И. Дмитріевъ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ къ Симонову. Замѣтивъ его мрачную горесть, я хотѣлъ отклонить его отъ этой прогулки, и, сбираясь въ деревню, желалъ проститься съ нимъ въ его саду; но онъ сказалъ: «Нѣтъ, поѣдемъ: не поплачу ли; мнѣ будетъ легче». На дорогѣ и тамъ, онъ уговаривалъ меня писать рѣчь въ память Карамзину, предложенную мнѣ Попечителемъ Университета и предсѣдателемъ Историческаго Общества. Я далъ ему слово [какъ и почтенному предлагателю] робѣя, и съ уговоромъ, не допускать меня оскорбить прахъ великаго друга, если написанное слишкомъ будетъ недостойно его памяти. Онъ, съ своей стороны, далъ слово просмотрѣть ее, — и такъ мы разстались: онъ поѣхалъ навѣстить П. П. Бекетова; а я, возвратясь домой, уѣхалъ въ деревню. Извѣстясь отъ меня, что рѣчь написана, онъ посѣтилъ меня въ деревнѣ, въ самый день своихъ имянинъ [26 Сентября], заставилъ меня читать

ее, и дѣлалъ замѣчанія лишь на словахъ, признаваясь, что мало занимался прозою, а еще менѣе съ тѣхъ поръ, какъ самъ Карамзинъ, испытавъ его неспособноть изобрѣтать въ этомъ родѣ письмянъ, и благозвучіемъ украшать излагаемое, отсовѣтовалъ ему заниматься ею *. Прощаясь со мною, онъ, въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ, которыя текли изъ глубины сердца, благодарилъ меня за своего друга. [Многіе помнятъ, съ какимъ чувствомъ онъ обнялъ меня, заливаясь слезами, когда я кончилъ чтеніе этой рѣчи уже въ торжественномъ собраніи Историческаго Общества; — я же до конца жизни своей не забуду этой минуты].

Въ деревенскомъ садикѣ моемъ, на мѣстѣ, гдѣ я читалъ ему черновую рукопись, поставленъ простый памятникъ, съ надписью:

Страна, внимавшая моей смиренной лирѣ,
Мой тихій уголокъ, наслѣдіе отцовъ,
Красуйся, скромная!—ты не забыта въ мірѣ:
Ты взоры привлекла наставника пѣвцовъ!
Онъ веселъ былъ среди твоихъ дубравъ тѣнистыхъ,
Среди твоихъ холмовъ, долинъ и кроткихъ водъ;
Свидѣтель радостей простыхъ, сердечныхъ, чистыхъ,
Съ улыбкой посѣтилъ твой звонкій хороводъ;

* Замѣтимъ, однако же, что самъ Карамзинъ, превосходя его и всѣхъ современныхъ Русскихъ писателей красотою, силою и богатствомъ идей, цвѣтистостію слога и благозвучіемъ, не превышалъ его въ ясности простаго изложенія; могу доказать это сотнею писемъ его ко мнѣ. Что же принадлежитъ до вкуса и совершеннаго знанія приличій въ письменахъ всякаго рода, то едва ли кто могъ съ нимъ равняться. Если онъ поставлялъ черту карандашемъ надъ строкою вашего сочиненія, то какъ бы вы ни старались оправдывать себя предъ этою чертою, — рано или поздно, вы исправите строку.

Поэтъ—здѣсь онъ святилъ помины вдохновенья;
Мудрецъ—здѣсь мирныхъ селъ пріютъ благословлялъ;
Здѣсь Незабвеннаго хвалѣ сововлескалъ,
И дружбѣ жертвовалъ слезою умиленья!

8) Я предположилъ 1378-й годъ, то есть, время счастливаго сраженія на берегахъ Вожи и кончины Св. Алексѣя Митрополита; за годъ до основанія перваго Симоновскаго храма Успенія на новоблагословенномъ мѣстѣ, и за два года до славной Задонской побѣды. Я не ошибся, тѣмъ болѣе, что упомянутый первый Симоновскій храмъ заложенъ въ 1379 году. [см. примѣчаніе 31].

9) Монашествующая братія Даніиловской обители сперва переведена была Іоан. Калитою къ *Спасу на Бору*, къ самымъ чертогамъ Великокняжескимъ, а оттуда, при В. К. Іоаннѣ Васильевичѣ, къ *Спасу на Новомъ;* первое же мѣсто было совсѣмъ забыто. Въ послѣдствіи, по случаю многихъ чудесъ отъ гроба св. К. Даніила, монастырь его получилъ вновь существованіе на старомъ мѣстѣ.

10) Изъ всѣхъ Московскихъ и окрестныхъ храмовъ, Крутицкій, освященный Греческимъ Епископомъ Варламомъ въ присутствіи Князя Даніила, одинъ остался неперестроеннымъ, и сохранилъ свой первобытный видъ. Замѣтимъ, что Крутицкая обитель была весьма важною, ибо храмъ ея былъ каменный, когда на мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кремль, ни одного каменнаго не было; и даже во времена Калиты, храмъ св. Архангела Михаила, что нынѣ Соборъ Архангельскій, гдѣ онъ похоронилъ брата своего, былъ деревянный. *см. И. Г. Р. томъ IV, стр.* 124 *и* 187 *примѣчаній.* Спасъ на Бору былъ деревянный до Калиты. Въ дополненіе замѣтимъ, что Крутицы были Епи-

скопіею, когда Москва не имѣла еще ни какого Іерархшаго престола.

Кстати, напомнимъ читателю объ учрежденіи этой Епископіи, а вмѣстѣ и о виновникахъ ея начала: въ плачевнѣйшую изъ эпохъ Могольскаго ига, при владычествѣ Хана Берку, св. Александръ Невскій и Митрополитъ Кириллъ сдѣлались благодѣтелями Россійскаго Христіанства, лишеннаго святыхъ утѣшеній Вѣры въ Улусахъ и столицѣ Ханской: ихъ предстательствомъ не только водворилась въ Сараѣ свобода нашего Вѣроисповѣданія, но даже учредилась, въ 1261 году, Епископія, которая въ послѣдствіи перенеслась на это урочище Москвы, сохранивъ имя *Сарской* или *Сарайской*; къ нему послѣ прибавилось: и *Подонской*. Оттуда, по волѣ Кирилла, ѣздилъ въ Грецію Епископъ [Сарайскій] Ѳеогностъ, чтобы удержать ее въ православіи восточномъ, когда Папа и братъ Короля Французскаго, Карлъ д'Анжу, страшили Императора и Патріарха. Исторія справедливо называетъ Кирилла *знаменитымъ миротворцемъ Князей и другомъ отечества:* онъ былъ умирителемъ и Новгорода при Ярославлѣ; благословилъ тайный походъ сына его Александра Невскаго на Лифляндію, и, погребая святаго героя, воскликнулъ народу: «Чада моя милая, разумѣйте, яко заиде солнце земли Руськой»!

Мнѣ остается оправдать себя предъ тѣми изъ читателей, которые скажутъ: нужно ли было св. Сергію разсказывать о мѣстахъ и храмахъ, уже существовавшихъ, и о нѣкоторыхъ минувшихъ событіяхъ племяннику своему, Игумену Стараго Симонова и духовнику Великаго Князя? — Оправдаюсь характеристическимъ свойствомъ старцевъ, которыхъ назидательныя повторенія, излишнія для гордой молодежи, бываютъ не из-

лишними для сердца и ума: первое всегда почерпнетъ въ нихъ умилительныя наставленія; послѣдній снова предастъ памяти, не всегда твердой, что можетъ въ ней изгладиться. Скажу еще разъ: мнимо-излишнія повторенія старца всегда пригодны,—изъ устъ же праведнаго истекшія клеймятъ память какою-то печатію святости. Если бы кто нибудь изъ праведныхъ повторилъ мнѣ о мѣстѣ или событіи мнѣ извѣстныхъ, онѣ сдѣлались бы для меня священными, — и память этого разсказа утвердилась бы во мнѣ болѣе, чѣмъ всѣ прежнія извѣстія, до меня доходившія. Мы любимъ сердцемъ, вѣруемъ сердцемъ; не худо имъ и помнить: его преданія живущѣе въ человѣкѣ и въ народахъ.

11) См. *И. Г. Р. томъ V, стр.* 100 *втораго изданія.* Извѣстно, что отъ Высоцкаго монастыря изошли Пафнутій Боровскій и Іосифъ Волоколамскіи; по крайней мѣрѣ, такъ замѣчаетъ Г. Муравьевъ, хотя въ Житіи св. Пафнутія, кажется, означенъ другій, Высокій монастырь, у самаго Боровска. Если тутъ произошла сбивчивость, то это, думаю, отъ сходства именъ: ученикъ св. Сергія, *Никита,* перешелъ на *Высокое* въ Боровскъ, гдѣ онъ и сдѣлался учителемъ св. Пафнутія; а св. *Никонъ,* въ послѣдствіи преемникъ Сергія въ Лаврѣ, былъ имъ отпускаемъ на *Высокое* въ Серпуховъ подъ руководство Аѳонасія.

12) Когда служебная риза св. Сергія, видимая въ ризницѣ Лавры, была крашенинная, и являетъ признаки смиренномудренной скудости, то носильное одѣяніе святаго, безъ сомнѣнія, было таковымъ же.

13) Слова отрока Димитрія [Донскаго].

14) При Святомъ Фотіи, и съ его молебствіемъ, открыты мощи св. Алексія въ 1439 году.

15) См. въ житіи св. Сергія предсказаніе объ этомъ честолюбивомъ пресвитерѣ села Коломенскаго, въ иночествѣ названномъ Михаиломъ. См. также *И. Г. Р. томъ V, примѣчанія* 54, 55, 56, 57 и 58.—Касательно же бѣжанія святаго на Киржачь въ слѣдствіе присылки отъ Патріарха, смотри *Книги Житій святыхъ, Сентябрская четверть, листы* 107 *на оборотѣ и* 108, *изд.* 1805 *года.* О многоцѣнномъ крестѣ *листъ* 108 *на оборотѣ.*

16) Въ Зачатейскомъ [прежде Алексіевскомъ] монастырѣ похоронены двѣ сестры св. Алексія: Іюлія, игуменья, и Евпраксія, казначея. Отъ него Князь Пожарскій повелъ атаку, и взялъ Польскія укрѣпленія близь Арбатскихъ воротъ: эта битва рѣшила избавленіе Москвы.

17) «Игуменъ Симонова монастыря, Θеодоръ, пле-«мянникъ Сергіевъ и духовникъ Великаго Князя, нѣ-«сколько разъ ѣздилъ въ Константинополь. Поставлен-«ный тамъ въ Архимандриты, онъ исходатайствовалъ «у Патріарха Нила, чтобы его обитель называлась Па-«тріаршею.» [И. Г. Р.] Въ лѣтопис. «Ему же Патріархъ «даде Архимандритію и лишшую честь паче иныхъ Ар-«химандритовъ.» — И какая во всей Россіи могла тогда равняться съ Симоновскою? — ни Петровская, откуда началось въ Москвѣ общежитіе монаховъ, ни Коломенская, ни Ростовская Богоявленская, ни Переяславская, ни Юрьевская Новгородская, ни самая великая Владимірская, ни даже Спасская [на Бору]; ибо онѣ зависѣли отъ Всероссійскаго Митрополита, а нѣкоторыя и отъ Епископій. Замѣтимъ еще, что одинъ изъ настоятелей Спасской обители, Савва, именованъ Игуменомъ въ духовной Кн. Владимира Андреевича, и послѣ Троицкаго, Никона. «По малѣ же времени Великій Князь и Святитель умо-

«лиша Θеодора, дабы былъ Епископъ граду Ростову....
«и бывшу въ Царѣ-Градѣ даде ему Антоній Патріархъ
«честь велію называться *Архіепископомъ* Ростовскимъ».
Ник. Лѣт.—Вотъ его тогдашній титулъ: *Архіепископъ града Ростова и Ярославля, Бѣлоозера и Устюга, Углича-Поля и Мологи.*

18) Святый Кириллъ, будучи 60 лѣтъ, оставилъ Симоновъ, и основалъ Бѣлоозерскую обитель; пребывъ тамъ тридцать лѣтъ, скончался въ 1427 году. Святый Савватій, бывъ уже инокомъ-старцемъ, оставилъ эту обитель для острова Валаама; потомъ вскорѣ отплылъ на дикій Соловецкій, и, поставивъ тамъ крестъ, приготовилъ Святому Зосимѣ основаніе знаменитой обители: это было въ 1429. И такъ св. Савватій былъ во все тридцатилѣтнее игуменство св. Кирилла, и до самой его кончины, его послушникомъ. Исторіографъ, коснувшись повѣствованія объ этихъ святыхъ странствователяхъ, говоритъ: «Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ Христіанская любовь къ тихой, безмолвной жизни расширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дотолѣ пустыни, неприступныя для страстей человѣческихъ». *И. Г. Р. томъ V, стр.* 359, 2-го *изданія.* «Святый Савватій, говоритъ путешественникъ къ Св. Мѣстамъ Русскимъ, пришелъ подвизаться отъ Бѣлаозера въ Валаамъ; но увлекаемый далѣе на Сѣверъ жаждою одиночества, сей великій труженикъ обрѣлъ себѣ мысленный рай на льдахъ Бѣлаго Моря, и поборая вьюги его, какъ побаралъ свои страсти, нашелъ святыхъ послѣдователей на Соловецкихъ островахъ.»

Я воображаю 90-лѣтняго Кирилла, разсказывающаго старцу Савватію объ отшельническихъ подвигахъ Сергія: какъ населялъ онъ себѣ лѣса и дебри единымъ при-

сутствіемъ Всеисполняющаго; какъ бѣжалъ въ пустыни отъ преслѣдовавшей его и какъ бесѣдовалъ съ нимъ о жизни временной и вѣчной; воображаю Кирилла, повѣствующаго и о своемъ бѣжаніи изъ Симонова въ пустыню Бѣлозерскую,—и Савватія, внимающаго ему, то покоя взоры на святолѣпномъ челѣ игумена, то блуждая ими по влажной дали озера, и мыслію измѣряя свои силы къ пути новому, къ морямъ Сѣвера, въ страну незнаемую.

19) См. житіе Кирилла Бѣлоозерскаго.

20) Изъ Симонова вышли: 2 Патріарха, 6 Митрополитовъ, 7 Архіепископовъ, 8 Епископовъ и 4 духовныхъ писателя. Святый Пафнутій Боровскій, взглянувъ на одного молодаго монаха, предсказалъ, что онъ будетъ Архимандритомъ Симонова. [См. его житіе, сочиненное славнымъ Вассіаномъ, творцемъ посланія къ Іоанну III].

21) «Блаженный Фотій, посѣтивъ Симоновскую обитель, и видя тамъ юнаго инока, мирно спящаго, съ удивленіемъ смотрѣлъ на его кроткое, величественное лице, и сказалъ Архимандриту, что сей юноша будетъ первымъ Святителемъ въ землѣ Русской: то былъ Іона» *И. Г. Р.* Св. Митрополитъ Іона былъ преемникомъ Исидора, измѣнившаго Православію на Флорентійскомъ соборѣ, и первый избраный на Россійскую Митрополію одними Русскими, безъ Патріаршаго назначенія.

22) Такъ Исторія передаетъ намъ имя Симоновскаго старца, Вассіана, пострадавшаго за смѣлое сопротивленіе разводу В. К. Василія Іоанновича, вмѣстѣ съ знаменитымъ ученостію Максимомъ-Грекомъ. Онъ былъ прежде знатнѣйшій бояринъ, сынъ Кн. Ю. И. Патрикеева, и въ пятомъ колѣнѣ потомокъ Гедимина. Вмѣстѣ

съ отцемъ, онъ усердствовалъ къ несчастному младенцу Димитрію, котораго Іоаннъ III сперва назначилъ наслѣдникомъ и короновалъ, а вскорѣ заключилъ вмѣстѣ съ матерью. Оба вельможи были пострижены: отецъ у Троицы, а сынъ на Бѣлѣозерѣ. По смерти отца, его приближили къ столицѣ, переведя въ Симоновъ, равный строгостію правилъ обители Кирилловской. Кто прямо хотѣлъ поститься, или кого постригали неволею, тотъ поступалъ въ обитель Симоновскую: такъ превосходила она строгостію житія всѣ другія близкія къ столицѣ. Вассіанъ, постническою жизнію и правотою сравнявшись съ св. Антоніемъ, укорялъ монашествующихъ въ нѣгѣ, и доказывалъ необходимость отнять у нихъ вотчины, чѣмъ озлобилъ многихъ, — и одинъ Троицкій чернецъ рѣшился написать клевету, будто бы Вассіанъ такъ витійствуетъ и пишетъ, а живетъ въ Симоновѣ не по-Симоновски: пьетъ и ѣстъ хорошо. Вассіанъ доказалъ, что онъ привыкъ изнурять тѣло для душевнаго спасенія, и, призванный на совѣтъ о разводѣ Василія, изъ чертоговъ перешелъ въ Чудовъ подъ стражу свѣтскихъ чиновниковъ, то есть, въ тюрьму, а оттуда въ такую же, въ Іосифовъ монастырь, въ руки тогдашнихъ міроугодниковъ, и такъ враговъ своихъ. [см. *И. Г. Р. Томъ VII, стр.* 137 *и прим.* 277]. Въ одну изъ эпохъ кровожадныхъ своихъ безчинствъ, Царь Іоаннъ, въ письмѣ къ игумену, разбранивъ братію Кирилловской Бѣлоозерской обители, за то, что хорошо содержатъ Шереметева, а тутъ же разбранивъ и другіе монастыри, въ томъ числѣ и Симоновъ, не нашелъ кого послать на Архіепископію новозавоеваннаго Полоцка, кромѣ старца Трифона Ступишина, постника и мужа добродѣтельнаго, нѣкогда Архимандрита Симоновскаго. Старинная Московская пословица противъ самохваловъ:

есть черницы и на Симоновѣ, да не хвалятся, доказывала нѣкоторое обычное тамъ смиренномудріе, соединенное съ правилами строгой жизни. Мы находимъ въ Исторіи, что обвиненные святители посылались туда какъ бы на постническое смиреніе: такъ, по требованію Витовта, Кипріянъ, лишивъ Туровскаго Епископа, Антонія, святительскаго сана, послалъ его въ Симоновъ. Іоаннъ III удалилъ туда Митрополита Зосиму, обвиненнаго въ ереси. Въ дѣлѣ Максима Грека видно, что и онъ, испытавъ опалу, былъ сначала удаленъ въ Симоновъ *. Въ XVIII столѣтіи сведенъ былъ туда судимый Митрополитъ Ростовскій, Арсеній. Туда спѣшили и жертвы государственныхъ переворотовъ: многіе изъ стрѣлецкихъ Головъ добровольно тамъ постриглись и посвятили остатокъ дней своихъ покаянному смиренію. Бывшій въ Симоновѣ домъ для Князей и Бояръ-иноковъ не доказываетъ ничего противнаго: въ немъ свободнѣе было уединяться, изнуряя не менѣе плоть свою. Множество примѣровъ и изученіе человѣческаго сердца удостовѣряютъ, что чѣмъ болѣе кто наслаждался благами міра, его блескомъ и славою, тѣмъ полнѣе отверженіе его отъ оныхъ: въ немъ нравственныя силы своимъ полнымъ напряженіемъ замѣняютъ тѣлесныя къ трудамъ и лишеніямъ, которыя удивляютъ простолюдина.

23) Извѣстно, что Новоспасская обитель учреждена для переведенія туда Дворцовой, что Спасъ на Бору; а этотъ храмъ названъ соборомъ. Объ этомъ уже упомянуто въ Примѣчаніи 9-мъ.

24) Новодѣвичій монастырь. Онъ основанъ В. К. Василіемъ Іоанновичемъ въ память провожанія въ Смо-

* «А Ѳедько Жареной приходилъ ко мнѣ на Симоново» и пр.

ленскъ иконы Одигитріи, которое было еще въ 1496, а вмѣстѣ и въ память взятія Смоленска въ 1514.

25) Подвижный полотняный храмъ въ станѣ нашихъ войскъ, при нашествіи Казы-Гирея, былъ во имя св. Сергія. Въ него принесена была икона Богоматери Донскія; а стоялъ онъ во время битвы подъ Москвою, тамъ, гдѣ теперь Донскій монастырь.

26) Стефанъ, старшій братъ св. Сергія и отецъ Θеодора, постригъ св. Алексія въ Богоявленскомъ монастырѣ, коего онъ былъ игуменомъ.

27) Это относится къ враждѣ Олега Рязанскаго противъ В. К. Димитрія, въ прекращеніи которой св. Сергій бралъ большое участіе. Князья примирились уже послѣ нашествія Тохтамыша.

28) Св. Сергій родился въ 1314; въ этомъ же году Швецы сожгли Ладогу; въ 1318 замученъ К. Михаилъ въ Ордѣ; къ тому же времени относятъ и Гедиминовы завоеванія. Вскорѣ св. Петръ перенесъ въ Москву престолъ Россійской Митрополіи.

29) «Въ 1379 году св. Сергій учредилъ еще монастырь на рѣкѣ Дубенкѣ по волѣ Великаго Князя, назвавшаго оный своимъ *приснымъ* монастыремъ. Въ житіи св. Сергія сказано, что Димитрій передъ битвою съ Мамаемъ обѣщался посвятить сію новую обитель Богоматери. Первымъ игуменомъ въ ней былъ Люнтій [а не Савва], Іерей Троицкаго монастыря». ***И. Г. Р. Примѣчанія*** *. Кромѣ этой обители, мы видимъ въ самой Москвѣ, за Варварскими воротами, на урочищѣ, названномъ ***Кулишки*** [малыя луговины среди болотистыхъ мѣстъ Васильева луга], храмъ во имя ***Всѣхъ Святыхъ,*** созданный, при благословеніи святаго Сергія, тѣмъ же Великимъ Государемъ въ ***поминовеніе во-***

* Въ рукописной Макаріевской Великой Минеи названъ Григорій.

иновъ, убіенныхъ на Куликовомъ полѣ. Счастливая мысль! Посвященіе этого храма всѣмъ Святымъ доставило каждому изъ столькихъ тысячь убіенныхъ молитвенника, имя котораго носилъ онъ на землѣ. Этотъ памятникъ перестроенъ въ 1687 году; но любитель отечественныхъ древностей найдетъ нѣкоторыя орнаментныя изваянія въ его преддверіи, совершенно современныя его началу. Храмъ Рождества Богородицы на Старомъ Симоновѣ есть также памятникъ этого великаго событія. См. *Примѣчаніе* 31.

30) Когда на Куликовомъ полѣ сошлись оба противныя войска, «выѣде изъ полку Татарскаго Печенѣгъ, богатырь великъ зѣло, и никто не смѣяше противу его. Тогда Пересвѣтъ чернецъ, Любчанинъ [по *Ростов. Лѣтоп.* Брянчинъ], родомъ, иже бѣ въ полку у Владиміра и Всеволожа, двигся изъ полку вонъ и рече: азъ хощу съ нимъ видѣтися. И бѣ на немъ шеломъ Архангельскаго образа, вооруженъ бѣ схимою; и рече: отци и братія! простите мя грѣшнаго, и братъ мой Ослябя моли Бога за меня.... И напусти на Печенѣга, и рече: Игуменъ Сергій, помози молитвою своею. Крестьяне же вси воскликнуша: Господи помози рабу своему! и ударишась крѣпко; мало что земля подъ ними не проторжесь; и спадоша съ коней оба и умроша.» *Никон. Лѣт.*—Когда Димитрій пришелъ къ св. Сергію благодарить за молитвы и помощь, тогда «вопроси его Преподобный о своихъ изволникахъ [волонтерахъ или произвольныхъ витязяхъ]; и рече ему Великій Князь: тѣми святый отче, при святыхъ твоихъ молитвахъ, побѣдихъ своя враги; твой бо изрядный вооружитель, рекомый Пересвѣтъ, побѣдилъ подобна себѣ богатыря. Аще бы, отче святый, не твой крѣпкій вооружитель Пересвѣтъ, было бы многимъ Христіаномъ отъ того

Татарина горькую пити чашу». *Синопсисъ.* Ѳбъ Ослябѣ, также вооруженномъ схимою и убитомъ, упомянуто и въ Архангельскомъ Лѣтописцѣ.

Въ бѣдственныя времена Россіи, храбрость, побѣждаемая неодолимымъ гнѣвомъ Божіимъ [какъ думали о Татарахъ], не находила достойнѣйшаго себѣ пріюта, кромѣ алтарей Господнихъ. Смуты и усобія Князей, опалы или утомленіе въ трудахъ ратныхъ также приводили къ нимъ вельможей и богатырей. При томъ же духъ рыцарства, соединявшій въ себѣ склонность къ удальству съ набожностію, былъ общимъ въ Европѣ. У насъ было много своихъ Жонвилей, Куси, Шатильоновъ, Монморанси, Байардовъ, и не по однѣмъ народнытъ повѣстямъ: вотъ одинъ примѣръ изъ *Степенной книги:* «Въ 1393 году, февраля 13, скончался Даніилъ Ѳеофановичь, въ монашествѣ Давидъ. Постриженъ бысть отъ самаго руки Кипріана Митрополита. Сей убо бысть единъ отъ Вельможъ, старѣйшихъ Бояръ, лѣпшій и вящшій иже первый доброхотъ Князя Великаго, вѣрою и правдою служивый ему и въ Ордѣ и на Руси, яко же инъ никто же. Храборъ, и голову свою складая по чужимъ странамъ, по незнаемымъ мѣстомъ, по невѣдомымъ землямъ. Толику же любовь имѣ къ нему Князь Великій, яко прослезити ему по немъ и плакати на многъ часъ. Положенъ бысть въ монастыри св. Михаила Честнаго Чуда, близъ гроба Алексія Митрополита, дяди его». — Видно, что этотъ рыцарь-странствователь не странствовалъ въ битву Куликовскую, но видѣлся съ Челубеями не хуже Пересвѣта; а какъ важный притомъ сановникъ, могъ и начальствовать надъ знатною дружиною.—Кто знаетъ? можетъ быть, онъ ужаснулся и воскорбѣлъ увидѣвъ успѣхи Тохтамыша, столь гибельныя для Москвы при усобицѣ съ коварнымъ Оле-

гомъ, увидѣвъ новыя тучи Татаръ, эту гидру, которую Задонская битва не обезглавила; а можетъ быть, и гнѣтомый лѣтами, трудами и ранами, онъ вглядѣлся въ суету міра сего, и вшелъ въ тихую келлію. Этому способствовало тогда и воспитаніе древнихъ Россіянъ, имѣвшее свою хорошую сторону: оно было религіозное, и свыкало съ душеспасительными идеями. Посѣщеніе монастырей и пустыней съ младенчества было полезнымъ повѣрьемъ. Оно пригодилось бы и нынѣ по многимъ отношеніямъ; ибо, мало того, что тамъ пища для ума и памяти въ изученіи своей Исторіи,—для сердца къ образованію патріота прилѣпленіемъ его къ памятникамъ отечества, — для таланта писателя, который придастъ слогу своему болѣе силы, осанистой важности, и сблизитъ его съ сердцами согражданъ, — для вдохновеній поэта, который отклонитъ отъ лиры своей все легкое, игривое, и, напитавъ ее то величіемъ пустыней, то зрѣлищемъ вѣковыхъ, міромъ забытыхъ памятниковъ, устремитъ пѣсни своя къ безпредѣльному; — этого еще мало: тамъ много и для успокоеній послѣднихъ дней нашей мятежной жизни. Какъ часто, въ этомъ свѣтѣ, бываетъ нужна недовѣрчивость къ его суетнымъ обольщеніямъ! Какъ нужно имѣть что нибудь въ запасѣ, когда любовь, родство, дружба, или виды честолюбія измѣнятъ сердцу! А для этого что можетъ быть лучше, какъ свыкнуться мыслію и взоромъ съ мѣстами, гдѣ столько умныхъ мужей свергли съ себя златотканный тлѣнъ, и подстлали его подъ стопы Іисуса, идущаго на Голгоѳу? — Счастливъ, кто съ дѣтства заронилъ въ душу этотъ запасъ для времени и вѣчности! — Не умерли на розахъ удовлетвореннаго честолюбія Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ *: но Даніилъ

* Первый изъ нихъ просилъ Екатерину отпустить его въ моленное

Θеофановичъ умѣлъ опочить на сладостныхъ терніяхъ Спасителя, — и тихій, однозвучный припѣвъ Чудовской братіи: *Помилуй раба Твоего,* ублажилъ его прахъ лучше многихъ залповъ и печальныхъ маршей.

Говоря о духѣ рыцарства, замѣтимъ кстати, что характеръ нашего имѣлъ на себѣ отпечатокъ бо́льшей важности, нежели въ другихъ странахъ. Стремясь въ бой и скликая дружину: *за домъ Пречистыя, за отечество,* нашъ витязь не прибавлялъ: *и за красавицу.* Одинъ знатный юноша, сынъ Великокняжескаго пестуна, былъ смертельно раненъ на Коломенскомъ турнирѣ, — и Лѣтописцы наши сказали *на игрушкѣ,* то есть употребили слово унизительное; между тѣмъ какъ слово *joute* заключало въ себѣ нѣчто болѣе значительное. Наши предки любили доблесть, но лишь полезную отечеству или человѣчеству: преставъ имъ служить, они свершали путь остальной жизни въ подвигахъ молитвы и поста, служа единому Богу. Такъ, въ 1555, храбрый воевода Сидоровъ, сподвижникъ Шереметева въ отчаянной битвѣ семи тысячь Россіянъ противъ шестидесяти тысячь Моголовъ, скинулъ съ себя, говоритъ Исто-

уединеніе, когда новые военачальники обрѣли довѣренность и облеклись въ почести; вторый, среди блеска славы и возможной роскоши, воздыхалъ часто о монашеской жизни; чувствовалъ тѣсноту и въ станѣ воинскомъ и въ чертогахъ царскихъ, — и умеръ среди степей Молдавіи; третій, вкусивъ всю славу героя, часто говорилъ: «отдыхъ души у престола Всемогущаго!» — Но всѣ трое оставили землю среди думъ о бо́льшемъ величіи, въ борьбѣ съ завистниками и съ собою. Замѣтимъ, что они умерли еще честимыми: что же скажемъ о тѣхъ, сѣдинами покрытыхъ вельможахъ, отъ которыхъ Фортуна, прежде ихъ смерти, явно отвращала лице свое? Что оставалось имъ дѣлать? — Въ вѣкѣ, такъ называемомъ *философическомъ*, они уклонялись въ какомъ-нибудь городѣ, отдаленномъ отъ столицы, чтобы роптать на просторѣ, и все настоящее порицать въ слухъ новому поколѣнію. Въ вѣкахъ

рія, обагренный кровію доспѣхъ и скончался въ мантіи схимника, пребывъ въ ней пять недѣль. Исторія наша полна таковыхъ примѣровъ; и кто любитъ посѣщать усыпальницы древнихъ Русскихъ обителей, часто встрѣчаетъ, подъ словами: « Бояринъ, Намѣстникъ и Воевода », сильно поражающее «*во иноцѣхъ Н. Н.*» Часто и въ Лѣтописяхъ встрѣчаемъ мы такую же непридуманную лаконическую силу выраженій и оборотовъ рѣчи; на примѣръ: «Поставленъ бысть Ростуву Архіепископъ Іосафъ, *бывалъ* Князь Оболенскій; а приведоша его [простымъ монахомъ] съ Бѣлоозера изъ Ферапонтова монастыря».

31) Этотъ храмъ Сошествія Святаго Духа [нынѣ уже не существующій], означаетъ *Старый Симоновъ*, гдѣ послѣ Куликовской битвы построенъ былъ еще деревянный во имя Рождества Богородицы [а въ 1505 каменный на томъ же мѣстѣ]. Въ этотъ старый Симоновъ уходилъ изъ новаго св. Кириллъ, оставивъ Архимандритство, и, прежде удаленія своего на Бѣлоозеро, въ немъ скрывался *. О новомъ же монастырѣ, основанномъ Өеодоромъ, при новомъ благословеніи св. Сергія, сказано въ Исторіи, согласно съ Никоновскою Лѣтописью, такъ: «Сергій, вмѣстѣ съ Өеодоромъ, избралъ мѣсто для новой обители, называемое *Симоновомъ*, гдѣ Өеодоръ построилъ каменную церковь во имя Успенія

благочестивой старины, они покрывали свою опалу клобукомъ, схимою; мирились съ судьбою; молились за правыхъ и неправыхъ предъ ними, уча юношей покорствовать, смиряться, и, по Богѣ, любить болѣе всего Царя и отечество; любить ихъ безкорыстно, не прилѣпляясь къ суетному блеску, уловляющему высокомѣріе. Вызывались ли, по временамъ, изъ своихъ келій на совѣтъ Царскій: сдружившіеся съ вѣчностію, говорили строгую правду.

* См. Житіе св. Кирилла Бѣлоозерскаго.

Богоматери». Итакъ новое мѣсто, благословенное св. Сергіемъ Ѳеодору, есть то самое, гдѣ въ 1379 заложенъ Успенскій храмъ и понынѣ главный въономъ монастырѣ. Тѣла же Пересвѣта и Ослябя привезены къ мѣсту ихъ погребенія, когда храмъ новаго монастыря не былъ совершенъ; ибо строеніе его, продолжавшееся 26 лѣтъ, довершилось послѣ кончинъ и Сергія и Ѳеодора [съ 1390 года Архіепископа Ростовскаго]: кончина св. Сергія воспослѣдовала въ 1392, а Ѳеодорова, въ Ростовѣ, въ 1394 годахъ; храмъ же Успенія, заложенный въ 1379, совершенъ въ 1405 *. Этотъ выводъ не безполезенъ для тѣхъ, которые слышали въ народѣ ложное заключеніе, будто новое мѣсто для монастыря было избрано Ѳеодоромъ послѣ кончины св. Сергія: онъ жилъ 13 лѣтъ послѣ основанія новаго Симонова.

Приведу здѣсь любопытное извѣстіе, полученное мною отъ одного любителя отечественной древности, когда уже дописывалъ я свой *Вечеръ въ Симоновѣ:*

«При Митрополитѣ Ѳеогностѣ, около 1350, на лѣсистый, высокій и крутый берегъ рѣки Москвы удалялись Крутицкіе иноки, чтобы въ тишинѣ возносить молитвы; къ нимъ прихаживали ученики св. Сергія. Когда же племянникъ его, Ѳеодоръ, посвятилъ себя иночеству, то Сергій послалъ его на Симоново **, и въ 1370 на *Старомъ* Симоновѣ были срублены храмы Св. Духа, Богоматери и другіе ***. Св. Сергій посѣщалъ отшельни-

* Въ Лѣтописяхъ сказано: «Октября 1 1405 въ монастырѣ, иже на Симоновѣ, священа бысть церьковь Успенія, юже замысли и основа Ѳеодоръ игуменъ, а сверши ю К. В. (Василій Димитріевичь) при Иларіонѣ Архимандритѣ, иже 26 лѣтъ здана бысть.»

** Урочище, бывшее нѣкогда одно изъ селъ Боярина Степана Кучки.

*** И въ новомъ Симоновѣ есть также храмъ во имя сошествія Святаго Духа; онъ сооруженъ Архимандритомъ Амвросіемъ, въ 1774 году. (*Примѣчанія автора*).

ковъ возникавшей обители, училъ ихъ иноческимъ трудамъ, бесѣдовалъ съ ними, и они, посвятивъ себя строгой, постнической жизни, богомыслію и моленію, не думали о неудобствѣ мѣстности, для общежитія умножавшейся братіи; ибо крутый и высокій, почти отвѣсный берегъ, затруднялъ ношеніе воды съ рѣки, особенно зимою. Чтобы отвратить недостатокъ воды, необходимой для иноковъ, св. Ѳеодоръ, уже посвященный св. Алексіемъ Митрополитомъ въ игумена обители, какъ старѣйшина, по слову: *больший да будетъ всѣмъ слуга*, началъ рыть прудъ и, трудясь каждодневно одинъ, употреблялъ въ пищу по одной только просфорѣ *.

«Примѣрное благочестіе и святость жизни отшельниковъ, и особенное попеченіе св. Сергія привлекли въ обитель Ѳеодора многихъ богомольцевъ и вкладчиковъ. Игуменъ съ братіею рѣшились основать новый храмъ на ближнемъ, болѣе удобномъ мѣстѣ. Св. Сергій, посѣтивъ братію, одобрилъ и благословилъ *новое мѣсто*. Усердный къ Вѣрѣ и благолѣпію храмовъ, Григорій Ховринъ [родомъ изъ знатныхъ и богатыхъ Грековъ] съ готовностію назначилъ свое достояніе на сооруженіе храма Успенія Богородицы, каменнаго, который и былъ заложенъ въ 1379 году.

«Послѣ Куликовской побѣды надъ Мамаемъ [1380], по совѣту св. Сергія, Великій Князь Димитрій Донскій

* Этотъ прудъ назывался *Лисій* отъ множества лисицъ, въ окрестности водившихся (еще при Донскомъ упоминается: *перевѣсище* близь Симонова для охоты). Карамзинъ, въ молодости лѣтъ, и когда еще занимался мечтами воображенія, а притомъ и не знавъ еще о святоуважительномъ началѣ этого пруда, перенесъ къ нему плачевную развязку своей первой повѣсти, и пріучилъ Московитянъ-современниковъ своихъ называть его *Лизинымъ*: Honny soit qui mal y pense. (*Примѣчаніе автора*).

повелѣлъ похоронить на старомъ Симоновѣ блаженныхъ иноковъ Александра Пересвѣта и Родіона Ослябю, и еще нѣсколькихъ подвижниковъ битвы, Княжескаго и Боярскаго рода; ибо тогда, во время строенія храма при новомъ монастырѣ, на старомъ Симоновѣ продолжалась Божія служба и поминовеніе о убіенныхъ. Тамъ же, въ возблагодареніе за побѣду, бывшую 8 Сентября, сооружена близь прежнихъ храмовъ церковь Рождества Богородицы, деревянная. Въ XVI вѣкѣ построена каменная *.

« Въ 1794 году, при разобраніи ветхой колокольни, найдены, по подписи, гробы блаженныхъ иноковъ Пересвѣта и Осляби, и перенесены въ трапезу церкви, въ сѣверозападный уголъ. Не такъ давно еще, на мѣстѣ стараго Симонова, около Рождественской церкви на погостѣ, были три невысокіе кирпичные столба съ главами и крестами, означавшіе мѣста бывшихъ престоловъ церквей **».

Къ этому извѣстію, кстати, прибавляю, что двое, съ покойнымъ Калайдовичемъ, мы отрыли камень, бывшій надъ гробомъ Пересвѣта или его сподвижника. Сначала, не имѣя подъ руками ничего, кромѣ тросточекъ, мы работали ими около часа; наконецъ отрыли часть готически и грубо изваяннаго камня, заложеннаго въ фундаментный уголъ.

32) Вѣчная память Великому Князю Димитрію, воздвигшему вѣчный, живый памятникъ умершимъ за отечество: этотъ памятникъ есть *его суббота*. Я всегда бываю

* Хотя служба и совершалась на старомъ Симоновѣ, но келліи были выстроены въ Новомъ и заняты братіей; была какая нибудь и ограда прежде видимой нынѣ стѣны; ибо сказано ясно, что св. Кириллъ, оставивъ Архимандритію, уходилъ въ старый Симоновъ (*Примѣчаніе автора*).

** И теперь еще видны два. (*Примѣчаніе автора*).

тронутъ до глубины сердца, видя крестьянъ своихъ, добродушнаго ихъ пастыря и его сослужебниковъ, незнающихъ ничего объ историческомъ значеніи этой субботы, но однихъ поющихъ, другихъ плачущихъ надъ гробами. Ничего не было придумано умнѣе; ничто не могло болѣе упрочить для вѣковъ память стольких тысячь страдальцевъ за отечество, какъ установленіе поминать ихъ вмѣстѣ съ отцами и братьями Россіянъ всѣхъ поколѣній. Столь же мудрымъ нахожу установленіе и церковныхъ ходовъ, ежегодно освящающихъ память отечественныхъ событій, этихъ живыхъ, то есть дѣйствіемъ и звуками возобновляемыхъ монументовъ. Прибавимъ, что ничего нѣтъ постояннѣе, долговѣчнѣе того, что передано Церкви, которую не только вѣка, но и врата адова не одолѣютъ. Вообразимъ, что какое нибудь новое важное событіе должно произойти въ городѣ въ день установленнаго хода, на примѣръ, восшествіе на престолъ, или коронованіе Монарха: годичный ходъ совершится, хотя бы то было и до дневнаго разсвѣта; между тѣмъ какъ всякое свѣтское торжество отсрочилось бы даже и для въѣзда какого нибудь посланника, а въ послѣдствіи могло бъ и отмѣниться.

33) Германскіе современные Историки, извѣщенные Ганзейскими городами, упоминали о побѣдѣ Куликовской, какъ о произшествіи весьма важномъ въ Европѣ.

34) Димитрій первый ударилъ на Татаръ, читая громко: *Богъ мой прибѣжище и сила;* бился долго, и уже изнемогшій и оглушенный ударами, отъѣхалъ и упалъ замертво.

35) Тохтамышъ.

36) Это примиреніе Князей ознаменовано основаніемъ Голутвинскаго монастыря: въ храмѣ его показываютъ посохъ св. Сергія.

37) Великокняжескіе дары Симонову были весьма значительны: они описаны въ *Кормовой книгѣ*, нѣкогда хранившейся въ этомъ монастырѣ; многіе упомянуты въ *V Томѣ И. Р. Г., въ Примѣчаніяхъ.*

38) Димитрію Донскому родился сынъ, Андрей, и крещенъ Ѳеодоромъ, игуменомъ Симоновскимъ въ 1382 году, въ самое нашествіе Тохтамыша, и за годъ до полученія имъ Архимандричья сана отъ Патріарха. Послѣдній же сынъ Донскаго, Константинъ, въ инокахъ Касіанъ, родился за 4 дня до кончины Великаго Князя. Онъ былъ монахомъ Симонова монастыря, и по душѣ его долго продолжались Великокняжескіе и Царскіе вклады. Отъ Царя Іоанна Васильевича присланы были дары также для его поминовенія, и покровъ для его надгробія.

39) *И. Г. Р. Томъ V.* Тамъ выписанъ изъ Лѣтописи плачь Евдокіи, конечно не весь сочиненный современнымъ писателемъ: большая часть выраженій принадлежитъ ей. Евдокія [во инокиняхъ Евфросинья] основала Вознесенскій монастырь, въ Кремлѣ, близъ Спасскихъ воротъ, прежде называвшихся Флоровскими.

40) Тамерланъ отступилъ въ томъ часу, когда народъ Московскій встрѣтилъ древнюю икону Вышгородскую, принесенную изъ Владиміра. На мѣстѣ, гдѣ была ей встрѣча и молебенъ, построенъ Срѣтенскій монастырь. Это мѣсто съ самаго основанія Москвы называлось *Кучковымъ полемъ.* Касательно же предыдущаго, то есть, основанія Савво-Сторожевскаго монастыря съ храмами, первымъ деревяннымъ и вторымъ каменнымъ, во имя Рождества Богородицы, замѣтимъ, что послѣ Куликовской битвы часто начались строиться храмы въ это имя: и такъ, сколько монументовъ!—[Не справедливо сказано въ нѣкоторыхъ историческихъ извѣстіяхъ,

будто св. Савва перешелъ туда въ 1377 году; но достовѣрно, что онъ умоленъ былъ Княземъ Юріемъ [Георгіемъ], сыномъ Донскаго, а его духовнымъ сыномъ, поставить храмъ и обитель на удѣльной Звенигородской землѣ, и Князь много помогалъ святому къ ея сооруженію; но въ 1377 году, не только Князь Юрій не имѣлъ Звенигорода, но не могъ быть и духовнымъ сыномъ, имѣвъ не болѣе трехъ лѣтъ отъ рожденія. Старшій братъ его, Василій Димитріевичъ, былъ тогда пяти лѣтъ].

41) Эдигей. — Во время его нашествія на Троицкую обитель, св. Никонъ, преемникъ Чудотворца, удалялся изъ нее съ двумя, тремя иконами, Өилофеевымъ крестомъ, деревянными сосудами, крашенинною ризою, посохомъ и сандаліями Сергія, какъ бы угадывая, что они будутъ первою драгоцѣнностію обители среди груды алмазовъ, яхонтовъ, лалловъ и смарагдовъ, драгоцѣнностію и святынею Россіянъ.

42) Стефанъ Пермскій похороненъ у Спаса на Бору. Житіе его сочинялъ ученикъ св. Сергія, Епифаній. Исторіографъ извлекалъ многое изъ онаго касательно церковныхъ дѣлъ того времени.

43) Соборъ Флорентійскій и его послѣдствія. Тамъ спорилъ Марко Эфесскій въ пользу Восточнаго православія, но не имѣлъ успѣха: рѣшилъ все Василій Темный, у себя дома. О поѣздкѣ Епископа Сарайскаго, Өеогноста, въ Грецію, *смотри Прим.* 10.

44) Св. Іона. См. *И. Г. Р. Т. V*, *стр.* 383, *втораго изданія.*

45) Знаменитый Архіепископъ Ростовскій, Вассіянъ, бывшій прежде Архимандритомъ Троицкой обители, рѣдкій витія того времени и мудрый совѣтникъ Іоанна III, былъ ученикомъ святаго Пафнутія Боровскаго, который учился у Никиты, ученика св. Сергія. Пре-

ложеніе его посланія къ Іоанну, «посланія достойнаго «великой души безсмертнаго мужа», есть одно изъ лучшихъ мѣстъ Россійской Исторіи Карамзина. [Его не должно смѣшивать съ другимъ Архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ, который избранъ въ 1506 изъ Архимандритовъ Симонова *, и послѣ кончины котораго, въ 1520, принялъ Архіепископію Ростовскую также Симоновскій Архимандритъ, Іоаннъ].

46) Храмъ Спаса Преображенія, на Болвановкѣ.

47) Порохъ начали употреблять въ Россіи съ 1389 года. О чудесномъ зачатіи Софіей сына, Василія, см. *И. Р. Г. Томъ VI*, и *Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ*.

48) Труды Митрополита Макарія извѣстны и духовнымъ и свѣтскимъ. Но лишь въ умѣ Іоанна родились и созрѣли Судебникъ, Стоглавъ, Уставныя грамоты и Книгопечатаніе, сонмъ духовныхъ, Бояръ и *Соборъ слугъ Божіихъ*, и самъ знаменитый Іерархъ, содѣйствователь въ Стоглавѣ, болѣе внимали ему для исполненія. См. *И. Г. Р.* Макарію обязанъ былъ Іоаннъ временнымъ исправленіемъ своей нравственности и выборомъ совѣтниковъ, каковы были Сильверстъ и Адашевъ.

49) Крестъ, бывшій на Дону съ Димитріемъ, былъ тогда водруженъ на главномъ знамени или хоругви;

* Этотъ Архіепископъ былъ тотъ самый молодой монахъ, которому св. Пафнутій Боровскій предсказалъ быть Симоновскимъ Архимандритомъ: онъ былъ братъ св. Іосифа Волоколамскаго. Я замѣчаю это для того, что и авторъ *Исторіи Россійской Іерархіи* сбивается, назвавъ его ученикомъ св. Пафнутія: хотя и братъ Іосифу, онъ былъ просто молодымъ монахомъ, въ числѣ послушествующей братіи, когда святый предрекъ ему Архимандритство: ученикомъ же былъ сказанный знаменитый Вассіанъ *Рыло*, сочинитель посланія къ Іоанну и житія св. Пафнутія.

[ни о какомъ другомъ, кромѣ врученнаго ему св. Сергіемъ, Исторія Донскаго похода не упоминаетъ];— а первый храмъ въ городѣ Свіяжскѣ былъ знакомъ благодарнаго чествованія сему святому, и, какъ столица Казанскаго Царства взята болѣе дѣйствіемъ огнестрѣльнаго снаряда, то всѣ храмы пушечныхъ дворовъ съ тѣхъ поръ созидались во имя св. Сергія: и нынѣ еще существуетъ въ Москвѣ таковый подъ именемъ *Сергія въ Пушкаряхъ.* Крещеніе Царей Едигера и Утемишъ-Гирея, одного въ Москвѣ-рѣкѣ, другаго ея водою. Храмъ, болѣе извѣстный подъ именемъ *Василія Блаженнаго*, есть монументъ взятія Казани.

50.) Послѣдній, именовавшійся Царемъ то Казанскимъ, то Касимовскимъ, былъ Симеонъ Бектулатовичь, похороненный въ Симоновѣ; онъ былъ преемникъ [въ *именованіи* Царемъ] Едигера, похороненнаго въ Чудовѣ, и Утемишъ-Гирея, похороненнаго въ Арханг. Соборѣ. *См. Прим.* 99. Касательно другихъ подробностей Казанскаго похода, относящихся къ тексту этого сочиненія, *смот. описаніе его въ VIII Томѣ И. Г. Р. и Примѣчаніяхъ къ оному.* — Царство Казанское возникло въ XV столѣтіи, а потому и не именовано въ этомъ мѣстѣ текста. Симоновскій звонъ названъ предвѣстникомъ взятія Казани потому, что послышался Іоанну въ часъ приступа. [*См. Примѣчаніе* 79].

51) Въ селѣ Коломенскомъ были приведены къ Іоанну и пять Царицъ Астраханскихъ, женъ Амгурчея, изъ коихъ младшую, вмѣстѣ съ младенцемъ, сыномъ ея, велѣлъ онъ окрестить, и выдалъ ее за любимаго своего Боярина. Сказано: *достояніе*, потому что съ ними были и сокровища; да и самыя жены у Магометанъ почитаются достояніемъ. Не льзя почти сомнѣваться, что-

бы и корона Астраханская не была привезена въ Коломенское.

52) Царь Іоаннъ не слушался Максима Грека; поѣхалъ въ дальній путь, гдѣ встрѣтился съ злымъ совѣтникомъ. Полагаютъ эпохи тиранства съ этого времени.

53) Сапѣга и Лисовскій назвали Троицкую Лавру *каменнымъ гробомъ*.

54) См. сказаніе о приступахъ къ Симонову еще въ 1606 *. См. также описаніе первыхъ боевъ Московскихъ, гдѣ палъ израненный Князь Пожарскій.

55) Поляки, въ 1612, обратили башни Симонова въ свои бойницы, и тамъ устроили свою канцелярію.

56) Козма Миничь или Мининъ, незабвенный ополчитель городовъ и дѣйствователь въ Московской битвѣ.

57) Іоасафъ и Діонисій, Троицкіе Архимандриты, знаменитые славнымъ 16-мѣсячнымъ осаднымъ сидѣніемъ, во время котораго они противустояли многочисленной Польской арміи.

58) Безсмертный Авраамій Палицынъ, превышающій, можетъ быть, всѣ характеры въ Исторіи патріотизма.

59) Авторъ видѣлъ собственную подпись Ермогена, еще Архимандрита Симонова монастыря. Снимокъ оной напечатанъ въ *Обозрѣніи достопамятныхъ предметовъ*, надъ снимкомъ подписи Авраамія Палицына; годъ 1836, стр. 100 и 395. Смотри также 5 страницу *Историческаго Альбома* г. Погодина. Въ этой книгѣ находятся два снимка Ермогеновой подписи: одна Архи-

* «Начаша къ Симонову монастырю приходити и лестію имъ говориша, чтобы они монастырь отворили. Тогда монахи и Московскіе служилые люди крѣпко противъ ихъ сташа и многихъ приступающихъ къ нимъ побиша». *Лат. Ст. Кн.* [Приведено здѣсь изъ *Примѣч. къ XII тому И. Р. Г.*]

мадричья, а другая Патріаршая. Въ обѣихъ много буквъ сходныхъ между собою, не смотря на тридцатилѣтіе, ихъ раздѣляющее. Главное различіе состоитъ въ томъ, что Патріаршая крупнѣе и тщательнѣе написана. Это разгадано *Древнею Росс. Вивліоѳикою*, гдѣ, на грамотѣ о избраніи на Царство Бориса Годунова, къ подписи одного лишь Патріарха Іова прибавлено: «*писано крупно уставомъ*». И такъ Патріархи подписывали важныя Государственныя хартіи не совсѣмъ обыкновеннымъ своимъ почеркомъ, но съ большимъ тщаніемъ и крупнѣе. Къ сожалѣнію, Симоновъ не имѣетъ уже подробныхъ описаній важнѣйшихъ историческихъ обстоятельствъ, къ нему относящихся, а также и о безсмертномъ Ермогенѣ. Очевидцы сказываютъ, что, во время нашествія Французовъ, большая часть площадки передъ ризницею была усѣяна столбцами и хартіями, а древняя утварь и многія достопамятныя вещи, при упраздненіи монастыря въ 1788 году, поступили въ другія обители. Въ послѣдствіи утратилась тамъ и книга, называвшаяся *Кормовою*, гдѣ были означены вклады отъ временъ Донскаго до 1681 года. Тамъ сохранилась лишь называемая *Копейною*, гдѣ по спискамъ двухъ грамотъ видно, что во время междуцарствія Симоновъ былъ въ осадѣ. — Въ Патріархи избранъ былъ Ермогенъ уже изъ Митрополитовъ Казанскихъ. Жизнь его была свята, смерть — не найдетъ на землѣ выраженій для хвалы своей.

60) Авраамій Палицынъ вышелъ изъ Троицкаго подворья, гдѣ было собраніе Земской Думы, и провозгласилъ народу Михаила.

61) Дары Шаха-Аббаса Царю Михаилу Ѳеодоровичу состояли въ ризѣ Господней. Ее встрѣтили Царь и отецъ его, Патріархъ Филаретъ, страдалецъ за Россію,

и потомъ, въ качествѣ отца Государева, мудрый установитель въ ней порядка.

62) Патріархъ Іосифъ, много содѣйствовавшій въ укрощеніи Московскаго бунта, благословилъ *Уложеніе*. Памятуя тихое, моленное житіе свое въ Симоновѣ, сей глава Россійской Церкви скрѣпилъ тамъ книгу, называвшуюся *Кормовою*, и къ Патріаршему титлу своему прибавилъ: «бывшій Симоновскій Архимандритъ».

Вотъ извѣстіе о избраніи его въ Патріархи прямо изъ Архимандритовъ: «1642, по кончинѣ Патріарха Іосафа, Царь Михаилъ Ѳеодоровичь собралъ въ Москву священный соборъ. Изъ священно-иноковъ, по благочестію и примѣрной жизни, избраны шесть особъ. Самимъ Царемъ сдѣланы шесть жеребьевъ съ именемъ каждаго, и всѣ шесть свертковъ, залитые чистымъ воскомъ, посланы въ Успенскій соборъ къ Новг. Митр. Аѳонію, который, во время литургіи, положилъ ихъ на престолъ. По окончаніи службы, во время молебна, положены жребіи на пелену иконы Владимірскія Богородицы. Изъ шести избраны сперва *три*, и, наконецъ, изъ трехъ вынутъ одинъ жребій, который Митрополитъ вручилъ боярину Львову, а онъ принесъ его къ Царю, — и когда Царь распечаталъ воскъ, то увидѣлъ опредѣленіе Божіе на Симоновскомъ Архимандритѣ, Іосифѣ, который и былъ возведенъ въ Патріарха всея Россіи». — Іосифъ правилъ Церковію десять лѣтъ, скончался въ 1652 году, и Царь Алексій Михайловичь, въ чрезвычайно подробномъ и трогательномъ посланіи, увѣдомилъ Никона о его болѣзни и кончинѣ. [См. *Акты Археографической экспедиціи, томъ IV, стр.* 75 — 86].

63) Цари: Теймуразъ Грузинскій и Александръ Имеретинскій.

64) Патріархъ Никонъ.

65) Извѣстно, что Софія хитрила ко вреду Петра, бывъ уже черницею Новодѣвичьяго монастыря.

66) Образъ св. Сергія, написанный на дскѣ отъ гроба его и бывшій во всѣхъ походахъ съ Петромъ Великимъ, можно видѣть въ Лаврѣ, близъ самыхъ мощей святаго. При всѣхъ неимовѣрныхъ, творческихъ трудахъ, Великій отдавалъ всю славу успѣховъ единому Богу. По совершеніи подвига, коего всегда былъ душею, всегда дѣйствовавшимъ указателемъ, никогда не возносился, и не любилъ, чтобы его превозносили. Однажды только вырвалось изъ устъ его слово, которымъ онъ оцѣнилъ себя. Ему предложили дозволить, по его кончинѣ, сдѣлать съ него статую, «дабы потомство, взирая на нее, и по смерти ему удивлялось.» Но тутъ же предложили: «чтобы статуя имѣла движеніе и могла подниматься.» — «Подниматься!» — возгласилъ удивленный Петръ; — *«для кого?»*... За симъ сказалъ онъ съ видомъ кроткимъ: «не лучше ли, друзья мои, оставить ее въ покоѣ, понеже подлинникъ во всю жизнь безпокоился.»

67) Слова Петра Великаго предъ Полтавской баталіей.

68) Уже замѣчено, что ни одинъ Государь не писалъ собственноручно болѣе Петра Великаго: и въ этихъ-то писаніяхъ еще болѣе увѣковѣчена память всежизненнаго борца - творителя; онѣ, пока стоитъ Россія, не престанутъ возбуждать въ ней слезы благодарности вмѣстѣ съ изумленіемъ. Я имѣлъ случай видѣть его собственноручныя строки, начертанныя въ минуты сильныхъ душевныхъ тревогъ о цѣлости и благѣ Царства: такова инструкція Шафирову, въ лаге-

рѣ, на берегахъ Прута. Чье сердце не замретъ при этихъ помаранныхъ строкахъ, при этихъ знакахъ, выпадавшаго изъ рукъ пера, при этихъ дописахъ рукою министра, въ то время, какъ Петръ терялъ силы или, смятенный, ходилъ по шатру! Едва можно прочитать мѣста, въ которыхъ упоминалось объ уступкахъ Карлу, подстрекавшему Султана. Черты исправлялись, когда возбужденный твердостію своего духа и негодованіемъ, онъ снова бралъ перо и, продолжая приписывать къ строкамъ Шафирова, воспрещалъ уступать слишкомъ многое. Тутъ снова являлся тотъ Петръ, который, получа вѣсти о вступленіи Карла XII въ наши предѣлы, объ измѣнѣ Мазепы, о бунтахъ на Дону и въ Астрахани, продолжалъ *ковать якорь* для Воронежской верфи. Богъ, пославшій ему, какъ бы для сего единаго дѣла, Екатерину I, которой сердце еще умѣло *придумывать*, когда терялись и умъ и самый геній, — Богъ, умудрившій и вельможу его въ минуты трудныхъ переговоровъ, избавилъ Россію отъ уступокъ, намекнутыхъ въ этой меморіи. Но строки Отца отечества остались, дабы слезы Русскихъ падали на нихъ, какъ и на безсмертное письмо его въ Сенатъ *. — Касательно же неутомимости въ попеченіяхъ о внутреннемъ народномъ благѣ, цѣлыя кипы бумагъ, имъ исписанныя, свидѣтельствуютъ о ней: голова кружится при обозрѣніи сихъ вѣрныхъ доказателей его всеобъемлемости! — Я имѣю счастіе хранить у себя, какъ неоцѣненность, одно изъ таковыхъ собственноручныхъ его писаній [не извѣстно къ кому], найденное мною въ моихъ фамильныхъ бумагахъ. Во время труднаго Персидскаго похода онъ

* Подлинникъ хранится въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ.

успѣлъ обратить вниманіе на производство шелкодѣлія и писалъ изъ Москвы:

«Понеже шелкъ въ Гиляни покупаютъ все на чистыя «деньги, и такъ зѣло дорого; того для надлежитъ ос«мотрѣть, сколько людей въ Гиляни и Мизендронѣ хо«дятъ за шелкомъ, и ежели не зѣло великое число, тобъ «помалу своихъ обучать и приставлять, дабы по време«ни свои то дѣлали, и такъ бы дешевлѣ можно оное «доставлять; а какое число людей на полную часть на«добно, и сколько по вся годы присылать, о томъ пи«сать, дабы мнѣ заблаговременно могли оныхъ семьями «туды проводить.»

Петръ.

«Въ Москвѣ въ 15 Іюня 1724.»

Какое вниманіе къ подробностямъ въ дѣлѣ просто мануфактурномъ, въ дѣлѣ, которое обдумать слѣдовало бы частнымъ лицамъ для своихъ собственныхъ выгодъ! Но онъ, провидя въ частномъ общее, государственное, обо всемъ печется, обо всемъ приказываетъ, всѣхъ и всему учитъ. Укротивъ брани внутреннія и внѣшнія, онъ продолжаетъ творить Царство, утверждаетъ его силу, блюдетъ его выгоды, его зажиточность — и всегда для вѣковъ. И когда писалъ онъ это! — Уже съ разстроеннымъ здоровьемъ, уже болѣзненный, съ трудомъ надѣвавшій свой парадный объяринный кафтанъ для празднествъ коронованія супруги.

69) Святый Димитрій Ростовскій.

70) Чума, бунтъ Московскій и Пугачевъ. Ни одно изъ этихъ бѣдствій, и даже чума, опустошавшая всю губернію, не коснулись Троицкой Лавры. Въ Симоновѣ монастырѣ былъ гошпиталь для зараженныхъ.

71) Недалеко отъ мѣста, гдѣ былъ древній Херсонисъ, близъ развалинъ Діанина храма, видны развалины храма св. Василія, сооруженнаго св. Владиміромъ по принятіи имъ Христіанской вѣры и Крещенія. Недалеко оттуда стоитъ монастырь св. Георгія. Весь этотъ край пріобрѣтенъ побѣдами Екатерины.

72) Мы не ошибемся, думая, что Анна, смирившая Оттомановъ на Востокѣ, и Елисавета, устрашившая Сѣверо-Западъ, ратуя противъ величайшаго изъ Царей-Полководцевъ, проложили Екатеринѣ путь къ завоеваніямъ на Востокѣ и Западѣ. Касательно же внутренняго управленія Царствомъ, Великая была вдохновляема лишь геніемъ Петра, собственнымъ умомъ и сердцемъ, полнымъ любви къ своему народу.

73) Слова Священнаго Писанія, повторенныя Генераломъ Иловайскимъ по занятіи имъ Москвы. Вотъ объявленіе, тогда же имъ обнародованное:

«Непріятель, тѣснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, принужденъ былъ очистить Москву 11-го Октября; но убѣгая, умышлялъ онъ поразить новою скорбію Христолюбивый народъ Русскій, взорваніемъ Кремля и Божіихъ храмовъ, гдѣ опочиваютъ тѣлеса Угодниковъ. *Дивенъ Богъ во святыхъ его!* — Часть стѣнъ и почти всѣ зданія взлетѣли на воздухъ, или истреблены пожаромъ, а соборы и храмы, вмѣщающіе въ себѣ мощи святыхъ, остались цѣлы и невредимы, въ знаменіе милосердія Господня къ Царю и Царству Русскому.»

74) Нѣкіе таинственные старцы, Святительски облаченные, пугали, какъ сказываютъ, Наполеона въ Кремлевскомъ дворцѣ. Король Вестфальскій однажды бѣжалъ отъ нихъ. Все это было упомянуто въ разныхъ брошюрахъ, тогда изданныхъ. — Митрополитъ

Платонъ, какъ преемникъ св. Сергія по Архимандритству въ Лаврѣ, послалъ его образъ къ покойному Императору Александру I. Государь препроводилъ его въ армію.

75) Лѣта Кутузова и прежнія раны его извѣстны многимъ: одна получена имъ, въ 1774 году, изъ виска въ високъ пулею; другая, въ 1788, о которой Принцъ де-Линь писалъ къ Императору Іосифу изъ лагеря подъ Очаковымъ такъ: «Принцъ Ангальтъ смѣнилъ Генерала Кутузова, того самаго, у котораго въ прошлую войну голова была насквозь прострѣлена пулею позади глазъ, и который, по безпримѣрному счастію, не лишился зрѣнія. Вчера этотъ Генералъ получилъ другую, подобную той, рану въ голову же пониже глазъ, и умретъ сего дня или завтра.» — Это было писано о героѣ Бородина, Тарутина, Вязьмы, Краснаго, и всѣхъ битвъ 1812 года отъ Москвы до границы.

76) Малоярославецъ названъ именемъ меньшаго сына Владиміра Храбраго. Отецъ отдалъ ему этотъ городъ по духовной, утвержденной игуменомъ Троицкимъ, св. Никономъ, первымъ преемникомъ св. Сергія. Слѣдствіемъ битвы подъ этимъ городомъ, въ 1812 году, было губительное для Французскихъ армій обращеніе ихъ на Смоленскую дорогу: De puis Maloiaroslavetz, Napoléon, ce maaître de l'Europe, n'avait plus été que le général d'une armée mourante et désorganisée. *Histoire de la grande armée.*

77) *Разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ*, пѣто было при торжественномъ молебнѣ въ Парижѣ, на площади Лудовика XV: это введено и въ годичный 25-го Декабря.

78) Въ примѣчаніи 16 уже сказано, что Алексіевскій монастырь былъ самый тотъ, который нынѣ име-

нуется Зачатейскимъ. Чертольемъ называлось мѣсто отъ Пречистенскихъ воротъ до Моховой. Храмъ Предтечи есть крайній Кремля къ Боровицкимъ воротамъ; подлѣ него былъ домъ св. Петра Митрополита.

79) Царь Іоаннъ, подъ стѣною Казани, готовясь къ рѣшительному приступу, и надѣвая на себя воинскіе доспѣхи, вдругъ сказалъ своимъ ближнимъ: *«Звоны! звонъ-де слышу, какъ бы Симонова монастыря звонъ,»* — «и внятъ, яко быти благодати Божіей.» *См. И. Г. Р. томъ VIII, примѣчаніе* 326, *и текстъ главы IV.* Можно думать, что Іоаннъ, чрезъ 9 лѣтъ по взятіи Казани, получивъ изъ Англіи колоколъ въ 33 пуда, въ память этого событія повѣсилъ его на Симоновской колокольнѣ. Хотя и сказано было, что этотъ даръ принесенъ былъ по инокѣ Касіанѣ, сынѣ Донскаго, но вѣроятнѣе, въ память этого случая. Въ знаменіе онаго же, думаютъ, построена была имъ и самая колокольня, тогда славившаяся. Главные колокола, въ которые благовѣстятъ нынѣ въ праздники, вылиты позднѣе; но средніе кажутся быть древними. Какъ въ XVI вѣкѣ охота переписывать Греческія иконы своими дурными, но смѣлыми художниками [отъ чего почти всѣ переписанныя, или, какъ тогда говорили, поновленныя потемнѣли, другія являютъ младенчество искусства *] — такъ въ

* У насъ немного было Діонисіевъ, Рублевыхъ, Едикеевыхъ; прочіе лишь портили иконы Греческія и Алипіевы, не имѣя ни знанія, ни дара живописать, и даже составлять краски для всегдашней свѣжести колорита. Вотъ одинъ изъ примѣровъ историческихъ: Въ 1555, Симоновъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ великое торжество: встрѣчу древней Греческой иконы Святителя Николая Великорѣцкаго, которую доставляли изъ Вятки Волгою и Окою. Братъ Государевъ встрѣтилъ ее на Угрешскомъ берегу Москвы-рѣки, самъ Іоаннъ въ Симоновѣ, Владыки у Яузскаго моста, а Митро-

XVII и даже XVIII перелитіе древнихъ колоколовъ было нѣкоторою господствующею страстію. Ни въ Троицкой Лаврѣ, ни на Иванѣ Великомъ не найдете уже древнихъ: и Корсунскіе и Вѣчевые — всѣ безъ жалости перелиты. Изъ главныхъ Симоновскихъ, два слиты Царемъ Михаиломъ и Патріархомъ Филаретомъ [въ память возвращенія послѣдняго изъ плѣна] при Архимандритѣ Левкіѣ, который послѣ хиротонисанъ въ Архіепископа Ростовскаго; одинъ отъ Царя Алексія, отлитый тѣмъ же мастеромъ, который отливалъ Савинскій съ мудреною надписью, отгаданною А. И. Ермолаевымъ, — да одинъ отъ Өеодора Алексіевича. Но думаю, что они лишь перелиты, и мѣдь того благовѣстника, къ которому прислушался Царь Іоаннъ, должна находиться въ одномъ изъ нихъ. Почти навѣрное можно угадать причину таковыхъ посяганій на вѣковые памятники: услужливые совѣтчики переливать, передѣлывать, измѣнять употреблялись и для надзора за работами. Нынѣшній Симоновскій благовѣстникъ, современ-

полить у Флоровскихъ [Спаскихъ] воротъ. Для чего же подвиглись и эта святыня и эти Власти и Монархъ? — Приходили священники съ Вятки бить челомъ Государю, что образъ чудеса творитъ, *за отъ многихъ лѣтъ не подѣлыванъ*. И такъ встрѣтивъ икону, принялись за кисти, — и кто же? — самъ Макарій, а съ нимъ Протопопъ Благовѣщенскій. Легко можно вообразить, много ли оставили слѣдовъ Греческой кисти Іерархъ-изографъ и его сотрудникъ, ибо навѣрное не умѣли подвесть новыя краски подъ тонъ древнихъ и легкимъ пунктиромъ наполнить лишь однѣ слупившіяся мѣста [древніе писали не на оливковомъ грунтѣ, а на левкасѣ]; однимъ словомъ, записали весь ликъ, надѣясь на свое искусство [бѣ бо Макарій иконному писанію наученъ], но не зная, что живописать и поновлять суть два искусства различныя. Со всѣмъ тѣмъ съ большою радостію и праздествомъ проводили икону на Устюгъ.

ный распрѣ Царя съ Никономъ, былъ, кажется, даромъ, означавшимъ нѣкоторое чествованіе памяти Іосифа, которому Никонъ былъ предпочтенъ особенною довѣренностію Царя.

80) См. *И. Г. Р., томъ V, стр.* 383 *и* 384, *втор. изд.*

81) Въ *Лѣтописи* [1477 года]: «Сдѣланъ бысть верхъ церкви на Симоновѣ, иже громъ сразилъ, а дѣлалъ мастеръ Венецейскій другій, а не той, иже большую церковь Пречистыя ставитъ *». Эта *большая церковь Пречистыя* означаетъ Московскую соборную Успенія. И такъ, когда главный архитекторъ, самъ Аристотель Фіоравенти ставилъ соборъ Кремлевскій, въ это время громъ разрушилъ верхъ Симоновскаго, и на строеніе онаго употребленъ былъ одинъ изъ его учениковъ или помощниковъ, — вѣроятно Марко Фрязинъ; ибо Петръ Антоній пріѣхалъ изъ Италіи съ братомъ Великой Княгини Софіи уже въ 1490; третій же зодчій, Алевизъ, въ 1494. По нѣкоторымъ извѣстіямъ надлежало бы думать, что не только верхъ, но и наружныя вторыя стѣны, образующія обходы, придѣланы при Іоаннѣ III, ибо отзываются Византійскимъ видомъ, который вмѣшивали Италіанскіе архитекторы сего Государя; но мнѣ кажется, что эти стѣны сообразнѣе стѣнамъ Троицкаго малаго собора, построеннаго при В. К. Василіѣ Димитріевичѣ. Если кто замѣтитъ, что Троицкій храмъ гораздо менѣе Симоновскаго, а тогда казался великолѣпнымъ и былъ построенъ помощію самаго Великаго

* Фіоравенти Аристотеля, родомъ изъ Болоньи, называли у насъ Венеціанцемъ, потому, что посолъ Іоанна III, Толбузинъ, привезъ его изъ Венеціи, и что у него былъ домъ въ этомъ городѣ.

Князя и брата его Георгія, а потому Симоновскій, безъ распространенія стѣнъ чрезъ столѣтіе, и не долженъ бы казаться столь обширнымъ, какъ мы видимъ его нынѣ. На это можемъ отвѣчать, что Симоновскій строился и Великимъ Княземъ и богачемъ Ховринымъ, который, удѣливъ для сего важную часть своего богатства, могъ перевѣсить и пособія Великокняжескія, ибо послѣ Тохтамыша и Эдигея казна была истощена, а дарованныя селы, будучи опустошены Татарами, едва ли приносили какой доходъ обителямъ. Въ доказательство этого замѣтимъ, что до нашествія Эдигея, храмъ Троицкой Лавры, не смотря на вклады Симеона Гордаго и Донскаго, и еще какого-то Смоленскаго Архимандрита, оставался деревяннымъ, тогда какъ Симоновскій, каменный и росписанный вѣроятно славнымъ Рублевымъ, за три года до Эдигея уже дивилъ своимъ велелѣпіемъ *.

82) Кромѣ Кремлевскихъ соборныхъ, Новоспасскаго [послѣ перестроеннаго] и многихъ другихъ храмовъ, славный готико-пирамидальный Вознесенія, въ селѣ

* Андрей Рублевъ и другъ его, постникъ Даніилъ, росписали стѣны дворцовой церкви Рождества Богородицы, *что на сѣняхъ*, супругою Донскаго сооруженной, при входѣ въ которую, до нашествія Французовъ, находились родильныя кресла для Великихъ Княгинь и Царицъ. [Можетъ быть, на нихъ родился и Петръ Великій]. Въ нѣкоторыхъ Духовныхъ завѣщаніяхъ Государей означаются иконы *дѣла* или *письма Рублева*. Росписаніе храма Троицкой Лавры было уже послѣднимъ художественнымъ произведеніемъ Андрея и друга его, Даніила; вскорѣ одинъ за другимъ отошли къ источнику Изящнаго. *Софійскій Временникъ* и другія Лѣтописи разсказываютъ, какъ одинъ изъ нихъ, умершій прежде, явился другому предъ его кончиною, какъ будто пришедъ за нимъ. Исторія художествъ должна сохранить это преданіе. — Замѣтимъ, наконецъ, что Іоаннъ IV указомъ повелѣлъ отнюдь не отклоняться отъ стиля Рублева въ писаніи иконъ.

Коломенскомъ, застроенъ также, если не при жизни этого великаго Государя, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ его зодчихъ. Онъ виднѣется путнику отъ предѣловъ южныхъ; и странствователь отъ Святыхъ мѣстъ Іерусалима, горы Аѳонской, Царя-Града или нашихъ пещеръ Кіевскихъ, извѣщенный о близости богоспасаемой Москвы, кланяется ему съ умиленіемъ. [Этотъ храмъ совершенъ въ 1532, и освященъ съ великимъ торжествомъ и пирами В. К. Василія; но почитается дѣломъ Іоанна III: онъ строился Алевизомъ, или, какъ думаютъ нѣкоторые, первымъ ученикомъ его, ибо при Василіи былъ Алевизъ *Новый*].

83) «Фіоравенти ѣздилъ въ Владиміръ, видѣлъ тамъ древнюю Соборную церковь, и дивился въ ней произведенію великаго искусства.» *И. Г. Р. томъ VI, стр.* 75.

Для знатоковъ-архитекторовъ, можетъ быть, Фіоравенти и его товарищи сдѣлали бъ лучше, держась одного чистаго Византійскаго вкуса, который удостоенъ уже имени ордена Византическаго, нежели смѣшать его съ прежнимъ Русскимъ посредствомъ чего-то своего, идеальнаго. Но намъ пріятно соединять удовольствіе, которое доставляетъ превосходный образецъ художества, съ чувствомъ воспоминаній о своей старинѣ: и мы благодарны славному зодчему за поѣздку его въ Владиміръ, а можетъ быть, и самому Іоанну или Геронтію за мысль, ему изложенную. Скажутъ: это голосъ фанатическаго пристрастія къ своему. Виноватъ; но для однихъ ли еудей-космополитовъ, любителей общаго изящнаго безъ изключенія, должны сооружаться памятники народные? — Скажутъ: да былъ ли когда собственный Руский стиль въ строеніи? — Думаемъ; и даже навѣрное полагаемъ. Первые

храмы Кіева и Чернигова были конечно строены вмѣстѣ съ Греческими художниками, и по ихъ начертанію; но Владимірскіе, Ростовскіе и Суздальскіе имѣли нѣчто особенное въ своемъ внутреннемъ и наружномъ видѣ (*). Найдемъ ли въ прежней Византіи хотя одинъ остатокъ [изъ сохранившихся отъ разрушенія], во всемъ сходный съ Владимірскимъ или Ростовскимъ храмами? Найдемъ ли и въ Италіи, въ образцахъ зодчества довременнаго и современнаго Фіоравенти-Аристотелю, что нибудь сходное съ Московскимъ Успенскимъ? — Стало быть у насъ было нѣчто свое. Возмемъ, для примѣра во первыхъ замѣчаніе Митрополита Платона, что въ храмахъ южной Россіи, какъ и въ Константинопольскомъ Софійскомъ, нѣтъ столбовъ на срединѣ, а въ Великороссійскихъ по четыре столба занимаютъ внутренность; во вторыхъ, замѣтимъ главы съ шейками или перехватами, которыхъ, впрочемъ, нельзя назвать красивыми: онѣ, кажется, видимы лишь въ Россіи, гдѣ

(*) Вотъ что сообщаетъ намъ Исторія: «Отъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами; но въ 1194 году Влад. Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздальскаго храма Богоматери, нашелъ между собственными церковниками искусныхъ мастеровъ и литейщиковъ, которые весьма красиво отдѣлали сію церковь снаружи....» *И. Г. Р. томъ III.* Думаемъ навѣрное, что также и для Ростовскаго храма ни Константинъ Всеволодовичъ, ни предшественники и преемники его не употребляли иноземцевъ. Но владычество Моголовъ такъ подавило у насъ художества и охоту созидать для вѣковъ, что Іоаннъ III не могъ найти ни одного хорошаго Русскаго зодчаго. Мы даже забыли растворять известь, дѣлать кирпичи и бутить прочно. Бѣдственное княженіе *Темнаго* довершило это усыпленіе: однимъ словомъ, отъ нашествія Эдигея до Іоанна не воздвиглось, кромѣ Троицкаго храма въ Лаврѣ, ни одного значительнаго зданія.

имѣли названіе *маковицъ* (*); Византійскія же подходятъ болѣе къ куполамъ, которые мы видимъ на малыхъ храмахъ Воскресенскаго монастыря, подражаніи Іерусалимскимъ; большой же храмъ, надъ которымъ въ Іерусалимѣ нѣтъ вовсе верха, увѣнчанъ у насъ главою въ Русскомъ вкусѣ. Откуда пришелъ онъ къ намъ?... Но тутъ является лабиринтъ, который часто отъ одной башенки вымышленной формы заводилъ инаго къ Маврамъ, другаго въ Индію, а иныхъ къ древнѣйшимъ народамъ Греціи временъ Пеласговъ. Предоставляю это археологамъ, изучающимъ Исторію Архитектоническаго искусства, его первое проявленія въ народахъ и переходъ отъ одного къ другому, постепенно или случайно.

84) Извѣстно, что праздникъ 1-го Августа и повсемѣстное хожденіе со кресты и иконы на воду учреждены въ Россіи въ воспоминаніе чудесъ отъ Животворящаго Креста и иконы Вышегородской, въ послѣдствіи Владимірской, во время царствованія въ Греціи Императора Мануила, а въ Россіи Княженія Андрея Боголюбскаго, и за дарованныя побѣды, первому надъ Срацынами, а второму надъ Болгарами. Но здѣсь, въ Симоновѣ, сверхъ обычнаго празднества и хода, созданъ храмъ уже въ память разбитія Девлетъ-Гирея, которое случилось 1-го Августа. Иноческая братія чествуетъ его какъ важный праздникъ обители; а народъ Московскій, утвердивъ его особенно Симоновскимъ, торжествуетъ веселіемъ подъ стѣнами монастыря на живописныхъ берегахъ Москворѣцкихъ.

85) См. *И. Г. Р. томъ IX, стр.* 202, 203 *и* 204, *втор. изданія.*

* «Зажже громъ (въ 1493) верхъ маковицы у соборныя церкви Успенія (въ Москвѣ).»

86) Строеніе прочихъ храмовъ и придѣловъ относится къ временамъ позднѣйшимъ. Одинъ изъ нихъ воздвигнутъ надъ гробомъ Графа Валентина Мусина-Пушкина его супругою; другой купцемъ Долговымъ; третій [во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія] попеченіемъ нынѣшняго Архимандрита Мельхиседека. Храмъ Знаменію Пресвятыя Богородицы сооруженъ дочерью Царя Алексія Михайловича, Маріею. Приготовитель Россіи къ дѣламъ своего Великаго сына, былъ неутомимъ въ усердіи украшать храмы. Кромѣ вкладовъ Гробу Господню, въ Палестинѣ, свидѣтельствуютъ о томъ Сергіевская Лавра и монастыри Воскресенскій и Савинскій: тамъ все говоритъ о его благочестіи, какъ въ Версали все говорило о пышности Лудовика XIV, хотя, впрочемъ, великолѣпіе и двора Царя Алексія ослѣпляло пословъ иноземныхъ, для чего довольно свидѣтельства и одного Великобританскаго [Графа Кирлиля]. Въ дѣлахъ боголюбивыхъ ему подражали Царевны дочери, которыя также слѣдовали примѣру и сестры его, Царевны Татіаны Михайловны. Если Марія, въ послѣдствіи, увлеклась духомъ раскола, то эта дань времени и пронырству умовъ, злобно воспользовавшихся Никоновскимъ нововведеніемъ, не можетъ укорять память отца, который жилъ благочестиво, вѣровалъ очищенно, а также и Царя Өеодора Алексіевича, который возвратилъ Никона единственно для того, чтобы не дать торжествовать расколу. Ни слова о Софіи: дѣйствія этой были коварно-политическія. Прямымъ благочестіемъ отличались Царевны Өеодосія и Екатерина, соорудительница великолѣпнаго храма и стѣнъ Донскаго монастыря. Имя этой Царевны напоминаетъ мнѣ одно преданіе, много занимавшее меня въ младенчествѣ. Родители часто брали меня съ собою въ Екатерининскую пустынь

[въ 25 верстахъ отъ Москвы], гдѣ былъ настоятелемъ
естный отецъ мой *; и помню, съ какою жадностію
алъ я отъ него, не сводя глазъ съ большаго пор-
Алексія Михайловича, стоявшаго въ его келліи,
важды, выѣхавъ на охоту и отдалясь отъ Бо-
ничихъ, Царь сбился съ Московскаго пути,
ь въ глуши темнаго лѣса, и увидѣлъ во
ину, которая, предвѣстивъ ему о рожде-
. велѣла назвать ее своимъ именемъ; какъ
съ Москвы, приспѣвъ прямо къ Царю чрезъ
. я непроходимыя, привезъ извѣстіе о рожденіи Царевны, и какъ Царь, сказавъ: «да будетъ ей имя Екатерина» — поставилъ тамъ крестъ, положившій первое основаніе пустыни. [Все это означено и подъ самымъ портретомъ]. Слушая повѣсть и ласкаясь къ величественной кротости лица Царева, разсматривая шапку его, бармы и державу, я уже любилъ его, еще не зная въ немъ законоположника и собрателя земли Русскія. Есть предметы, есть существа, которыя мы любимъ

* Этотъ почтенный инокъ, по имени Мельхиседекъ, житія прямо благочестиваго, былъ сперва Іеромонахомъ при иконѣ Богоматери Иверской; потомъ строителемъ Екатерининской пустыни, которая возникла отъ забвенія и процвѣла имъ; былъ долго подъ надзоромъ Митрополита Платона, оклеветанный въ немонашескомъ житіи, такъ, что однажды, въ полночь, самъ Митрополитъ пріѣхалъ къ нему тайно, и нашелъ его стоящимъ колѣнами на иглистыхъ терніяхъ, и молящагося. Это заставило старца Іерарха, прослезясь, поклониться ему до земли. Потомъ онъ былъ Архимандритомъ Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, — и вездѣ добрымъ пастыремъ по слову Евангельскому. Родители мои просили его удостоить воспріятія отъ купели ихъ дѣтей, и онъ оставлялъ уединеніе. Вся столица знала его. Многіе и до сихъ поръ съ умиленіемъ посѣщаютъ его прахъ, который, по его желанію, покоится въ построенномъ имъ храмѣ Екатерининской пустыни.

по давнишнимъ впечатлѣніямъ независимо отъ разумной причины любить, впечатлѣніямъ, съ которыми обживается сердце. Родитель! если желаешь видѣть въ сынѣ своемъ патріота — вмѣсто обыкновенныхъ ребяческихъ сказокъ, занимай его былями отечества, посѣщай съ нимъ мѣста, ознаменованныя то бѣдствіями, то славою этого отечества, и дѣлай ихъ, такъ сказать, первыми оселками его чувствительности. Занимай его любопытство даже и простыми событіями, утвержденными преданіемъ, лишь бы онѣ дружили его съ родиной, съ ея державными благодѣтелями разныхъ вѣковъ, съ именами великихъ сподвижниковъ ея славы и страдальцевъ за нее: младенецъ сроднится съ нею такъ, что возмужавшій посвятитъ ей и труды всей жизни своей и послѣдній вздохъ своего сердца. Это чувство единосвойственно чувству благочестія и набожности, всегда сильному также отъ первоначальнаго воспитанія.

87) Въ лѣтописи подъ 1476-мъ годомъ сказано: «бысть громъ ужасенъ, и въ монастырѣ на Симоновѣ съ церкви верхъ сшибло стрѣлкою, и по церкви ходя, много мосту рвало, и стѣну преднихъ дверей прорази, и иконы побило, а икона Одигитрія на поклонѣ на лѣвой сторонѣ ничѣмъ не повреди.» *И. Г. Р. томъ VI, стр.* 152 *примѣчаній, изд. втор.* Эту древнюю икону я нашелъ въ алтарѣ, и уже покрытую новыми красками. О построеніи на другой годъ верха Симоновскаго храма упомянуто въ примѣчаніи 81-мъ.

88) Эта вышка, или какъ называли ее, *альтанъ*, по нѣкоторымъ преданіямъ, выстроена при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ; но мы думаемъ, что она древнѣе, и была только перестроена съ прибавочными украшеніями.

89) Хотя Крымъ присоединенъ къ Россіи еще въ 1783-мъ, но это покореніе упрочено войною 1788, 89,

90 и 91 годовъ. И когда стекла дворцевъ Петербургскихъ дрожали отъ выстрѣловъ Шведскаго флота, Густавъ, пользуясь краткимъ успѣхомъ при удаленіи нашихъ войскъ къ Турецкимъ границамъ, прислалъ къ Екатеринѣ предложеніе: «отказаться отъ Крыма.»—Скажите ему, отвѣчала она, что если бы онъ явился и предъ стѣнами Москвы, онъ и тогда бы узналъ, что можетъ жена, подобная мнѣ, на развалинахъ великаго Царства.» Въ ту же минуту поскакалъ гонецъ въ Южную армію съ повелѣніемъ: « Взять Очаковъ, Измаилъ, и итти далѣе.» — Замѣтимъ, что при Царѣ Ѳеодорѣ Крымскій Ханъ требовалъ отъ насъ прекращенія войны съ Швеціей, а при Екатеринѣ Король Шведскій требовалъ возвращенія Хану Крыма.

90) Въ Юго-западномъ углу монастыря былъ *Княжескій дворецъ*, выстроенный для иноковъ, бывшихъ Князей и Бояръ; Цари же Михаилъ, Алексій и Ѳеодоръ живали во время своего говѣнія въ комнатахъ одной связи съ трапезою; для послѣдняго были тамъ и келліи *. Извѣстно по находившійся нѣкогда въ Симоновѣ *Кормовой книгѣ* монастыря, гдѣ первые строители означены Ховрины, и гдѣ Великокняжескіе, Царскіе и Боярскіе даянія продолжались писаться до 1681 года, что значительнѣйшіе вклады были отъ Димитрія Донскаго, дателя дома для подворья, который былъ въ Кремлѣ **, водъ на Волгѣ съ озерами, соляныхъ колодезей и варницъ, и нѣсколькихъ селъ, такъ что въ XIV вѣкѣ Симо-

* Во время говѣнія Царя Алексія Михайловича, проводимое имъ въ Симоновѣ, выставлялся тамъ знакъ въ родѣ телеграфа, который извѣщалъ Царицу о состояніи его здоровья. (Это сообщено мнѣ почтеннымъ старѣйшиною нашей Археографіи).

** Въ 1458 застроена церковь каменная на Симоновомъ дворѣ, у Никольскихъ воротъ, Введенія Богородицы; совершена въ 1491.

новъ имѣлъ уже болѣе 10,000 четвертей земли, что составляло болѣе 15,000 десятинъ. Также много было даянія отъ Василія Димитріевича и Іоанна III, который, кромѣ соборнаго верха, построилъ тамъ, въ 1485-мъ, каменную трапезу. [Она была перестроена при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. Нынѣ и перестроенная измѣнилась. Въ старой были утверждены въ плафонѣ два изваянные Ангела съ трубами: они во время яствъ и питія иноковъ напоминали гласъ трубы въ послѣдній день Суда]. Ко времени Іоанна III же должно отнести и построеніе Симоновскихъ башенъ; ибо, какъ уже и сказано въ текстѣ, ни прежде, ни послѣ его зодчихъ, никто не соединилъ бы такой правильности и согласія съ такою величественною простотою. Эти башни не только не разрушаютъ той пріятной кумметріи, которой дивятся всѣ любители изящнаго, смотря на Симоновъ, но еще умножаютъ ея красоту. [Желательно, чтобъ ихъ не бѣлили и не раскрашивали: никакой колоритъ не замѣнитъ сѣро-туманнаго цвѣта, вѣками на нихъ положеннаго]. — Видно по всему, что эта обитель издревлѣ была украшена зданіями болѣе другихъ, ибо когда гордый Митрополитъ Геронтій, при распрѣ съ Великимъ Княземъ о служебномъ хожденіи по солнцу или противъ солнца, оставилъ Кремль и свой престолъ, то удалился въ Симоновъ. Въ нѣкоторыхъ историческихъ замѣчаніяхъ сказано, что Іоаннъ IV въ приношеніяхъ своихъ Симонову былъ щедрѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ: кромѣ храма во имя Происхожденія Честныхъ Древъ [нынѣ перестроеннаго въ неизвѣстномъ вкусѣ], тамъ была сооружена колокольня, сходная съ Ростовскою, одинъ изъ памятниковъ взятія Казани. Были тамъ и деревянные хоры въ родѣ балконовъ; ихъ также нѣтъ. Жаль: они свидѣтельствовали о пребываніи

тамъ Царей боголюбивыхъ: оттуда они могли покоить взоръ свой на самомъ отдаленномъ горизонтѣ Московскихъ окрестностей, и во дни благодатнаго мира любоваться веселыми пажитями и тучною жатвою полей. Нельзя также не пожалѣть, читая въ *Исторіи Россійской Іерархіи*, что палатка, въ которой Цари слушали Божественную Литургію, сломана при построеніи храма св. Валентина. Сооружая новые святые памятники, надлежало бы стараться не истреблять историческихъ. Въ этой обители видны слѣды усердія къ благолѣпію святыни и частныхъ людей; здѣсь замѣтно, что Русскіе всѣхъ сословій и во всѣ времена въ этомъ равно соревновали. Тамъ строится превысокая колокольня, при неусыпномъ стараніи настоятеля. Имена Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Боборыкиныхъ, Игнатьевыхъ достойны стоять въ новыхъ лѣтописяхъ Симонова. Ихъ благочестивое усердіе было похвально, принося матеріальную существенную пользу обители; желательно бы было видѣть это въ соединеніи съ изящнымъ вкусомъ и знаніемъ художественныхъ приличій: не водимое ими, можетъ ли оно удовлетворить требованіямъ знатока, всегда любителя единства въ изображательныхъ искусствахъ? Починивать, исправлять и даже пристроивать можно, а иногда и должно, держась, однако же, единовидности наружной. Вотъ что писалъ ко мнѣ одинъ изъ сочувственниковъ моихъ: «Въ концѣ XVIII столѣтія въ Симоновѣ много «чинили, обсѣкали, расписывали внутри и внѣ; а нынѣ «пристроили много по бокамъ, такъ что будущіе Архео«логи еще болѣе затруднятся въ опредѣленіи истинной «древности.» Такъ говорили многіе любители искусства и его исторіи, смотря на базиликонъ Парижскаго соборнаго храма, гдѣ едва разберешь столѣтія. Непріятно разновкусіе между нѣсколькихъ зданій, сближенныхъ

въ одномъ обнесеніи *; но еще хуже налѣпливать его слои на самое зданіе древней формы. Такъ недавно «въ 1820», къ ужасу любителей отечественной древности, *мраморныя* колонны Черниговскаго собора, — современныя если не началу Россіи **, то безъ сомнѣнія храмоздателю, Мстиславу, сыну Владиміра, — покрылись штукатуркою *подъ мраморъ!* Этого мало: съ ними закрылись и древнія буквы, на нихъ изсѣченныя! Къ счастію, въ Симоновѣ, при всей вышесказанной несоотвѣтственности, можно еще отдѣлить слѣды нѣкоторыхъ столѣтій.

91) Дубъ, подъ которымъ учился Петръ Великій во время пребыванія въ селѣ Коломенскомъ, еще зеленѣетъ среди садовъ его. Не нужно указывать его Московскимъ жителямъ: они его знаютъ.

92) Частое посѣщеніе Симонова Софіею и Маріею могли удалять отъ него ихъ державнаго брата; но при немъ Симоновскій Архимандритъ, Рафаилъ, посвященъ въ Архіепископа Архангелогородскаго; Дороѳей въ Митрополита Смоленскаго; при немъ же, въ 1721, избранъ былъ Симоновскій Архимандритъ Петръ, въ совѣтники новоучрежденнаго Святѣйшаго Сунода, что означало великое вниманіе и довѣренность, ибо всего было четыре таковыхъ членовъ-совѣтниковъ. Въ послѣдствіи онъ хиротонисанъ въ Архіепископа Бѣлгородскаго. Все

* Напримѣръ, съ какимъ чувствомъ зодчій, одаренный вкусомъ и знаніемъ, смотритъ, въ Троицкой Лаврѣ, на сближеніе соборнаго храма съ колокольнею Китайской или Японской формы, которую, въ добавокъ, вѣнчаетъ *рококо?*

** Нѣкоторые думаютъ, и можетъ быть основательно, что эти колонны подпирали на томъ же мѣстѣ стоявшее капище кумира, изъ котораго Гетманъ Мазепа вылилъ серебряныя царскія двери для Борисо-Глѣбской церкви.

это доказываетъ, что Петръ Великій предварительно видался, бесѣдовалъ съ настоятелями Симонова, и хорошо ихъ зналъ.

93) Елисавета I родилась въ селѣ Коломенскомъ во время Московскихъ празднованій Полтавской побѣды и торжественнаго въѣзда Петра Великаго въ столицу:

Петръ шествовалъ во градъ, Елисавета въ міръ.

Ломоносовъ.

Я много наслышался объ этой Государынѣ отъ своего покойнаго дяди, ея крестника. Отецъ и мать его очень были любимы ею. Первый началъ службу въ *Потѣшныхъ*, или въ новообразованномъ Преображенскомъ полку, капраломъ; при ней же былъ маіоромъ гвардіи, и часто занималъ ее разсказами объ ея Великомъ Родителѣ, всегда оканчивая слезами. Однажды Государыня спросила, получилъ ли онъ что нибудь на память изъ ѐго рукъ. Отвѣтомъ было, что онъ не имѣлъ этого счастія: и Елисавета, призвавъ его на другой день, вручила ему родъ нѣкотораго оружія, называвшагося *кортикомъ*, сказавъ, что онъ былъ съ Петромъ Великимъ во многихъ сраженіяхъ. Неоцѣненный даръ перешелъ отъ старца къ его сыну, а отъ этого старца ко мнѣ. Дядя мой засталъ уже послѣдніе годы царствованія Елисаветы [онъ былъ 16 лѣтъ при ея кончинѣ]; помнилъ ее, и всегда съ восторгомъ говорилъ о величественномъ ея видѣ; о слѣдахъ необыкновенной красоты; объ ея ласковой привѣтливости, коей онъ и самъ былъ удостоенъ въ младенчествѣ; объ ея особенной благосклонности къ его матери, и всегда сожалѣя о двухъ утраченныхъ вещахъ, похищенныхъ однажды вмѣстѣ съ ларчикомъ: о часахъ, ему пожалованныхъ вмѣсто игрушки, да о табакеркѣ,

пожалованной его матери съ портретомъ Екатерины I въ простомъ утреннемъ платьѣ и съ голубкомъ на рукѣ, писанномъ, когда она не была еще объявлена Императрицею;—говорилъ много о вельможахъ того времени, болѣе о Шуваловѣ, котораго видалъ во дворцѣ, иногда вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, и о веселой пышности двора, не мѣшавшей Монархинѣ исполнять самыя строгія правила набожности. Посты и слушаніе святой Литургіи соблюдались при Дворѣ съ величайшею точностію. Елисавета дважды пѣшеходствовала изъ Москвы въ Троицкую Лавру: въ Московской Оружейной Палатѣ показываютъ тросточку, на которую она опиралась на этомъ пути.

94) Въ *Историческихъ воспоминаніяхъ о Троицкой Лаврѣ* Карамзинъ весьма счастливо уподобляетъ ея судьбу — судьбѣ самой Христіанской Религіи.

95) Въ 1795 году, Симоновская обитель, по Высочайшему повелѣнію, возстановлена первокласнымъ монастыремъ. Вотъ какъ это случилось: Митрополитъ Гавріилъ писалъ къ Оберъ - Прокурору Сvнода, Графу А. И. Мусину-Пушкину, напоминая ему о благословеніи сего мѣста святыми Сергіемъ и Алексіемъ, о знаменитости обители, объ Угодникахъ Божіихъ оттуда изшедшихъ, и пр. (это письмо находится въ VI томѣ *Исторіи Россійской Іерархіи*). Вскорѣ нашелся случай, и Графъ имъ воспользовался: Екатерина II, говѣвши въ Великій постъ, исповѣдывалась, и послѣ исповѣди, пришедъ въ свой кабинетъ, сказала: «Я желала бы сдѣлать теперь что нибудь богоугодное».—Вельможа, тогда для чего-то пришедшій, ей отвѣчалъ: «Государыня! возобнови въ Москвѣ Симоновъ монастырь.» — Вскорѣ было написано повелѣніе. Между тѣмъ носились по Москвѣ

слухи о чудесномъ зажженіи свѣчей въ Соборной церкви Симоновской. Повелѣніе получено; Московскіе купцы приняли обдѣлку и устройство обители на свой счетъ; образовалась общественная братія, и обитель могла возносить благодарныя молитвы за Царицу — слишкомъ годъ.» (Извѣстіе сообщенное автору).

96) Св. Гурій, до своего иночества, неправедно гонимый, ввергнутъ былъ въ темницу подземельную (въ ровъ глубокій), гдѣ два года былъ томимъ жаждою и гладомъ, получая самую малую пищу и ту нечеловѣческую: на три дня по снопу овса и немного воды. Одинъ изъ друзей его вызвался тайно доставлять ему пищу; но Гурій отказался, и выпросилъ у него запасъ бумаги и чернилъ. Онъ заглушалъ свои страданія, сочиняя учебныя *книжицы* для дѣтей; чрезъ друга своего продавалъ ихъ, деньги же поручалъ раздавать нищимъ. Въ 1588-мъ, при перестройкѣ храма, найдены его мощи и прославлены Казанскимъ Митрополитомъ (въ послѣдствіи Патріархомъ) Ермогеномъ.

97) При этомъ нашествіи Россія трепетала, взирая на своего юнаго Іоанна, который, со слезами молясь въ соборахъ, посылалъ во всѣ концы своего Царства собирать и размѣщать вождей и ратныхъ. Тогда прекратились всѣ вражды Бояръ и самое мѣстничество, — и Исторія приняла на свои скрижали черты безсмертныя [*см. И. Г. Р. томъ VIII, страницы* 61, 62, 63, 64, *втор. изд.*]. — Казанцы, за два года до того, нападали на Россію, грабили Муромъ, Владиміръ, тревожили все Царство и юнаго Царя его [*см. тамъ же стр.* 53] *.

* Вотъ Іоаннова грамота, наскоро писанная, въ родѣ контръ-ордера, на имя одного изъ моихъ предковъ и доказывающая тогдашнюю тревогу Россіи: «Отъ Великаго Князя Іоанна Васильевича всея «Русіи. На Коломну Лев. Ив. И.-П. Писалъ есми къ тебѣ напе-

98) Благородные, прямодушные характеры Симеона и Князя Ѳ. Мстиславскаго были весьма далеки отъ властолюбія: послѣдній, бывъ главою правительствующей Думы и дважды имѣвъ случай воспользоваться между-царствіемъ, не только отказался отъ вѣнца, но объявилъ, что пострижется, если изберутъ его на Царство. Въ послѣдствіи опредѣленный судьбою быть рѣшителемъ участи Россіи, въ такое время, когда мутились и терялись всѣ умы, и въ синклитѣ и въ народѣ, когда и знаменитый Ляпуновъ клонился къ избранію Царя иноплеменнаго, Мстиславскій *думалъ спасти Россію Владиславомъ*, за что Ермогенъ (единый адамантъ Церкви и Государства) предсказалъ ему злую кончину и пресѣченіе рода его. Не смотря на зыбкость этого характера въ минуты рѣшительныя, Годуновъ, при всей своей прозорливости и знаніи людей, опасался его

«редъ сего, чтобъ ты еси пошолъ на нашу службу въ Муромъ «и тыбъ нынѣ въ Муромъ не ходилъ, а пошелъ бы еси на нашу «службу во Володимеръ къ Боярину и къ Намѣстнику нашему и «Воеводѣ нашему ко Князю Дмитрію Феодоровичу Бѣльскому; а «былъ бы еси на нашей службѣ во Володимерѣ отнолично часа «того, а не будешъ часа того на нашей службѣ въ Вододимерѣ, «и тебѣ быть отъ меня въ великой опалѣ и казнѣ. Писано на «Москвѣ 7047, Ноября 21».

Іоанну было тогда 10 лѣтъ, и такъ должно думать, что эта грамота была въ присутствіи его писана Верховною Боярскою Думою. Она безъ подписи, между тѣмъ какъ другія грамоты, отъ В. Князей, отца и дѣда его, подписаны, и его къ Окольничему Скорнякову-Писареву также подписана. Причина сему можетъ быть и та, что тѣ даны на пожалованіе вотчинъ, а эта въ родѣ указа отъ имени В. Князя; а можетъ быть, это былъ и рескриптъ, которые тогда не подписывались Великими Князьями: печать замѣняла подпись. Даже подъ письмами В. К. Василія къ супругѣ своей, Еленѣ, подписей нѣтъ. Письма Царя Алексѣя Михайловича, кажется, также безъ подписей.

и Симеона, котораго Исторія называетъ *страшнымъ пугалищемъ воображенія Борисова.* Такъ величайшій геній XIX вѣка, уже твердо правившій кормиломъ Франціи, былъ увлеченъ избытіемъ Герцога Энгіенскаго къ извѣстному поступку съ Королями Испаніи крови Бурбоновъ, хотя и весьма удаленными отъ всякихъ притязаній на соперничество: но онъ былъ осужденъ глядѣть на всякаго законнаго Государя какъ на совмѣстника-притязателя. Несчастный Симеонъ разсказывалъ Маржерету о злодѣйствѣ, надъ нимъ совершенномъ. Какъ истый Французъ, Маржеретъ могъ имѣть пороки болѣе въ головѣ, нежели въ сердцѣ; могъ перекинуться отъ Бориса къ Отрепьеву, а потомъ сторговаться съ Жолкѣвскимъ, но не унизился бы до клеветы на умершаго Царя, который нѣкогда взыскалъ и призрѣлъ его, и котораго весь родъ погибъ такъ жалостно.—Слова, помѣщенныя въ народной присягѣ Борису: «Симеона Бекбулатова мнѣ на Московское Государство не хотѣти» — служатъ извѣтомъ, и оправдываютъ сказаніе. Касательно же Мстиславскаго, то еще при жизни Царя Θеодора, Годуновъ хотѣлъ озлобить противъ него народъ, не довольствуясь насильственнымъ постриженіемъ отца и сестры его. Въ указахъ о прощенныхъ и пожалованныхъ писалось: «по приговору Боярина, слуги и пріятеля Бориса Θеодоровича;» о приговоренныхъ же къ казни: «по приговору Боярина Князя Θ. И. Мстиславскаго съ товарищи.»

99) Вотъ что видно въ лѣтописяхъ объ этомъ Царѣ Симеонѣ, рожденномъ отъ Царевича Бекбулата Казанскаго: Въ 1570-мъ Царь Іоаннъ велѣлъ послу своему сказать вельможамъ Султанскимъ: «Царь Саинъ-Булатъ господствуетъ въ Касимовѣ».—Въ 1571-мъ Царь Іоаннъ послалъ Касимовскаго Царя Саинъ-Булатъ, съ передо-

вою дружиною, противъ Шведовъ. — Въ 1573-мъ Царь Касимовскій, Саинъ-Булатъ, былъ воеводою большаго полку, и ходилъ съ Іоанномъ воевать Эстонію.—Въ разрядахъ 1573-го года онъ именованъ еще *Саиномъ*; 15 Іюля того же года уже *Симеономъ*; и такъ онъ крещенъ въ 1573-мъ году. — Въ 1576-мъ Бекбулатовичь посланъ подъ Перновъ, и взялъ его вмѣстѣ съ другими крѣпостями. — Въ 1577-мъ названъ Великимъ Княземъ Тверскимъ, и, въ походѣ на Ливонію, предводительствовалъ подъ Іоанномъ главнымъ войскомъ. — Въ 1579-мъ выступилъ противъ Литвы. — Въ 1580 Іоаннъ, ослабшій духомъ при успѣхахъ Баторія, бросилъ войско и писалъ къ Симеону, чтобъ промышлялъ дѣломъ какъ Богъ вразумитъ, и что онъ положился во всемъ на Бога и на В. К. Симеона, да на Боярина К. И. Мстиславскаго [его тестя]. — Въ 1581-мъ, во время осады Пскова, Симеонъ и Мстиславскіе [тесть и зять его, Θеодоръ] съ главною ратію стояли, охраняя Москву и Государя. — Въ 1585-мъ Царь Θеодоръ велѣлъ сказать Султану: «Саинъ-Булатъ, нынѣ Симеонъ, Великій Князь Тверскій принялъ Христіанство добровольно, а на мѣсто его сдѣланъ Царемъ Касимовскимъ Мустафилей». [Но, послѣ не бывъ уже Касимовскимъ, онъ опять названъ былъ Царемъ Казанскимъ; ибо, будучи сыномъ ближайшаго преемника Утемиша и Едигера, послѣ ихъ смерти, и до самаго постриженія своего, сохранялъ титло Царя, впрочемъ не существенное, какъ и титло В. К. Тверскаго]. Въ 1595-мъ ослѣпленъ и изгнанъ. — Въ 1605-мъ былъ принятъ Лжедимитріемъ съ великою честію и встрѣчами, и снова названъ Царемъ. — Въ 1606-мъ за смѣлое обличеніе Лжецаря въ дѣлахъ беззаконныхъ [см. прекрасное о немъ мѣсто въ И. Г. Р. томъ XI,

стр. 257] былъ пострижень въ Соловецкомъ монастырѣ. — Въ 1612 «бывшаго Царя Симеона, названнаго въ инокахъ Стефаномъ, перевели въ монастырь Кирилловъ Бѣлозерскій». [См. тамъ же примѣч. 461]. Умеръ Симоновскимъ схимонахомъ въ 1616 году. Его прахъ прилегъ въ Симоновѣ къ праху жены его, Царицы Анастасіи (Мстиславской), въ иноцѣхъ схимонахини Александры. — Прибавимъ къ титламъ этого необыкновеннаго лица еще одно, болѣе всѣхъ долженствующее удивлять потомство: это Великій Князь *всея Россіи!* — И вотъ какъ привелось ему принять это имя: когда Царь Іоаннъ, осердясь на Москву и Россію, раздѣлилъ ихъ на Опричину и Земщину, тогда онъ назвался Государемъ первой, а Симеону повелѣлъ называться властителемъ послѣдней, и какъ Земщина составляла большую часть опальнаго Государства, то Симеону и предоставлено было это полное титло. Онъ носилъ его не долго. Одна изъ его грамотъ, гдѣ онъ такъ именованъ, помѣщена въ дополнительной Древней Вивліоѳикѣ, изданной г-мъ Полевымъ. Въ Археографическихъ актахъ находится ихъ двѣ. Г. Бутурлинъ также упоминаетъ объ этомъ въ своей превосходной *Исторіи смутнаго времени.*

100) Ховриныхъ родъ былъ похороненъ въ Симоновѣ. Потомокъ ихъ, Бояринъ и Воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, шуринъ Князя Михаила Скопина-Шуйскаго, и важный содѣйствователь ему въ ратныхъ подвигахъ, похороненъ тамъ же и съ супругою своею, родною сестрою героя. Другой столѣтіемъ позднѣйшій потомокъ ихъ, Графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, Генералъ-Адмиралъ, Канцлеръ и первый Кавалеръ ордена св. Андрея, скончавшійся въ Глуховѣ, завѣщалъ похоронить его въ этой же обители. [Тогда изъ самыхъ

дальныхъ странъ привозили тѣла знатныхъ людей къ родовому погребалищу, дабы, какъ древлѣ говорилось, *лечь въ Святѣй Богородицѣ, въ головахъ у дѣдъ*]. Скажемъ, кстати, что Петръ и Россія умѣли воздать честь его праху: пять Митрополитовъ сопровождали его сюда къ вѣчному покою *. Въ Симоновѣ похоронены

* Въ любопытной книгѣ: *Дѣянія Полководцевъ и Министровъ Петра Великаго*, изданной Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, находится слѣдующая выноска: «Въ Княженіе В. К. Василія Димитріевича, въ концѣ XIV вѣка, выѣхалъ въ Москву Князь Стефанъ Васильевичь *Ховра* изъ отечества своего Кафы и Маккубы. Отъ сына его, Стефана жъ, бывшаго Бояриномъ, родился Иванъ, названный *Голова*, родоначальникъ и основатель фамиліи Головиныхъ».—Вотъ что можно вывесть изъ этого касательно построенія Симонова:

1. Что начальными строителями Успенскаго храма были Димитрій Донской и родственники Князей и Бояръ убитыхъ на Куликовскомъ сраженіи; а Ховрины могли довершать его съ 1389-го, ибо выѣхали въ Россію послѣ кончины Донскаго. Но какъ всякое зданіе въ чернѣ стоитъ менѣе, чѣмъ довершеніе и отдѣлка, то Ховрины имѣли полное право называться главными храмоздателями, и, можетъ быть, заставъ одно основаніе, построили и стѣны въ теченіи 15 лѣтъ (послѣ ихъ выѣзда): причиною же всей долговременности (26 лѣтней) были прежній недостатокъ въ средствахъ и слѣдствія Тохтамышева нашествія: такъ строеніе Ростовскаго соборнаго храма продолжалось 49 лѣтъ (съ 1213 по 1262), останавливаемое то Батыемъ, то наѣздами Баскаковъ.

2-е. Ховра, старецъ, выѣхалъ съ двумя совершеннолѣтними сыновьями, Стефаномъ и Григоріемъ, строителемъ; ибо въ хроникѣ монастыря означенъ Григорій.

Лѣтописи вѣрнѣе родословныхъ книгъ; это неоднократно было доказано Исторіографомъ. Основываясь на нихъ, мы съ полною, кажется, достовѣрностію можемъ отыскать *Григорія* Ховрина по слѣдующему сказанію: Митрополитъ Филиппъ I-й, испуганный и огорченный пожаромъ, истребившимъ его домъ, и чувствуя близость своей кончины, заклиналъ Іоанна III пещись о довершеніи

также роды Бутурлиныхъ, Черкасскихъ, Сулешевыхъ, Татищевыхъ, и другіе извѣстные. Но гробъ безкорыстнаго, правдиваго слуги Петра и Россіи, И. И. Бутурлина таится въ монастырѣ города Александрова [въ Владимірской губерніи].

Успенскаго соборнаго храма въ Кремлѣ (онъ на другой же годъ упалъ). «И нача о томъ же приказывати Володимеру *Григорьевичу* и сыну его Ивану *Головѣ*». Явно, что этотъ Голова (въ 1473-мъ) былъ внукомъ *Григорія*, выѣхавшаго съ отцемъ своимъ въ послѣдніе годы XIV столѣтія; — и такъ приведенная въ началѣ родословная выпись можетъ быть исправлена слѣдующимъ образомъ: выѣхалъ Стефанъ съ сыновьями Стефаномъ и Григорьемъ; отъ Григорья Владиміръ; отъ Владимира Иванъ, прозванный Голова, да Дмитрій, оставшійся Ховринымъ (въ послѣдствіи авторъ получилъ родословную Ховриныхъ, которая оказалась вѣрна съ этимъ означеніемъ). — Замѣтимъ, что завѣтъ умирающаго Святителя послѣ Государя однимъ Ховринымъ, доказываетъ и вѣсъ, который они тогда имѣли при Дворѣ, и наслѣдственное усердіе къ благолѣпію храмовъ, и богатство ихъ. Во всемъ Кремлѣ, кромѣ Митрополита, у однихъ Ховриныхъ, да у Василія Образца, были тогда каменные домы: Великій Князь имѣлъ деревянный (Грановитая палата и Теремный дворецъ построены послѣ). Владиміръ Григорьевичъ былъ также основателемъ и строителемъ Кресто-Воздвиженскаго монастыря въ Москвѣ. Онъ былъ строителемъ и своей домовой каменной церкви въ Кремлѣ. «Въ 1450, Владимеръ Григорьевичъ Ховринъ, Казначей, поставилъ церковь камену на Москвѣ на своемъ дворѣ Воздвиженіе, на мѣстѣ первыя *каменныя же*, что распалася въ пожаръ по Суздальщинѣ». Это было тогда, когда важный Кремлевскій храмъ Предтечевскій, что на бору, былъ еще деревянный. Уже въ 1461 «Кн. Вел. поставилъ на Москвѣ церковь камену Рождества Іоанна Предтечи у вратъ Боровицкихъ, а прежде бѣ деревянная; глаголютъ, яко та первая церковь на Москвѣ: на томъ де мѣстѣ боръ былъ, и та церковь въ томъ лѣсу срублена; таже де тогда и соборная церковь была при Петрѣ Митрополитѣ, и дворъ Митрополичь туто же былъ, гдѣ нынѣ дворъ Княже Ивановъ Юрьевича (Патрикеева).» Богатство Ховриныхъ доказывается еще и тѣмъ, что родный братъ Государя,

101) Если бы оставалось желать чего нибудь болѣе слушая пѣніе Симоновскаго клира, то это мужественной густоты звуковъ, и той заунывной суровости, которую древняя Византія передала намъ въ напѣвѣ, такъ называемомъ Грегоріанскомъ [пусть смягчила бы его нѣсколько мелодія голосовъ, которою Симоновскіе удивляютъ слушателей]. Первое относится единственно къ пѣнію; второе къ самымъ мотивамъ служебной музыки. Объ этомъ говорено мною въ книгѣ: *Взглядъ на ста-*

Князь Юрій Васильевичь, занималъ у вышесказаннаго Владиміра Григорьевича деньги подъ залогъ девяти фунтовъ золота и одиннадцати серебра (*см. И. Г. Р. томъ VI, стр.* 28 *примѣч*). Ихъ богатство исчезло въ одну изъ эпохъ Іоанна IV, съ жизнію вельможнѣйшаго изъ этого рода, Петра, казненнаго вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ, Княземъ Горбатымъ - Шуйскимъ. Ни издатель Древней Рос. Вивліоѳики, Новиковъ, ни я, не нашли памятниковъ Ховриныхъ. Мнѣ разсказывали очевидцы, что при заложеніи храма во имя Богоматери Казанскія отрыты были два гроба, изсѣченные изъ камня, что доказывало важныхъ усопшихъ. Можетъ быть, въ нихъ былъ прахъ Князя Ховры и сына его Григорія, строителя Симонова, или сановитаго Владиміра Григорьевича. Надпись надъ ихъ потомкомъ, знаменитымъ Графомъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, не была извѣстна Новикову: я прочиталъ ее, когда отломана была пристройка между собора и старой колокольни. Надъ прахомъ сына его была замѣчательнѣйшая философическая надпись: ее нѣтъ уже, вмѣстѣ съ памятникомъ.

Князья Ховры, кажется, должны были утратить свое титло при самомъ выѣздѣ въ Россію. Думаю, что до Іоанна III и его преемниковъ (обратившихъ Русскихъ Князей въ подданныхъ), надлежало всѣмъ выѣзжимъ изъ иныхъ земель слагать съ себя Княжеское достоинство, чтобы не мѣшаться съ природными и владѣтельными. Патрикеевымъ и другимъ Гедиминовой крови дозволено было оставаться Князьями, изъ уваженія, можетъ быть, къ Ольгердовичамъ и въ особенности къ Витовту. Я сказалъ: «до Іоанна III», ибо Бѣльскіе, Глинскіе, Трубчевскіе и многіе Могольскіе поддались уже ему и его преемникамъ.

ринную Русскую Поэзію, страницы 70 *и* 71. — Сохраняясь цѣльными въ литургіальномъ пѣніи Римскихъ Каѳоликовъ, эти звуки измѣнились новыми Греками, а у насъ замѣнились напѣвомъ, сперва *демественнымъ*, потомъ *партеснымъ*, въ послѣдствіи агрементами клиросныхъ пѣвцовъ; а композитеры даже заимствовали изъ Гайдена, Керубини, Генделя и другихъ. Это послѣднее замѣчаніе, впрочемъ, не можетъ относиться къ пѣнію Симоновскихъ иноковъ. Скажу только, что слушая густой, ровный голосъ, достойный алтарей, всегда говорю про себя: что, если бы этотъ голосъ, отзываясь подъ сводами какого нибудь древняго храма, выливалъ безпримѣсные звуки Грегоріанскаго напѣва! Однажды извѣстный многимъ Гр. Р... пѣлъ своимъ дивнымъ басомъ покаянный Псаломъ и другіе духовные канты Марчелла, которые много напоминаютъ древніе *. Никогда не забуду дѣйствія, произведеннаго на меня этимъ продленіемъ простыхъ нотъ, съ какимъ-то трепетомъ износившихся, то будто изъ могилы, то изъ сердца, сокрушеннаго памятію своихъ прегрѣшеній. Эти звуки нѣсколько дней преслѣдовали меня всюду, и на большихъ обѣдахъ и среди шумныхъ баловъ. Я забывалъ молодаго пѣвца: мнѣ видѣлся мужественный, атлетическій старецъ, біющій въ перси и громко воздыхающій у подножія Креста **.

* Ни одинъ композитеръ не могъ сравняться съ стариннымъ Марчелло въ подражаніи величественной простотѣ и важности древнихъ пѣсней.

** Предоставляю знатокамъ рѣшить, можно ли удачно приспособить Грегоріанскій напѣвъ къ хору, ибо я слышалъ Гр. Р... пѣвшаго одного; также и въ Римско-Католической церкви, когда замолкалъ органъ, пѣли одинъ или два голоса. Но какъ древлѣ вѣроятно пѣвали также и во множествѣ, то нѣтъ, кажется, и причинъ сомнѣваться въ неудобствѣ. Этотъ напѣвъ есть наша собственность:

102) Стихотвореніе Ламартина переведено было мною по возвращеніи моемъ однажды изъ этого монастыря, гдѣ провелъ я также весь вечеръ.

103) «Князи и Бояре и простіи людіе со тщаніемъ притекаху къ блаженному тому отцу: вси бо его имѣяху въ велицей чести, яко единаго отъ древнихъ святыхъ отецъ, или единаго отъ Пророкъ». *Житіе св. Сергія.* Онъ крестилъ дѣтей Донскаго, пока былъ въ силахъ [потомъ здалъ право это племяннику своему Өеодору]. Донскій не хотѣлъ умереть безъ его присутствія. Занемогалъ ли Сергій въ своей смиренной Троицкой келліи: вносили это въ лѣтопись (подъ годомъ 1375); умиралъ ли кто изъ учениковъ его: и это вносили въ лѣтопись (1388). До того былъ чтимъ Сергій, что гдѣ ни останавливался помолиться, тамъ поставляли крестъ или часовню. По сказанію иноковъ Бѣлопесоцкаго монастыря (что на берегу Оки) и давнему преданію у жителей города Каширы, святый Сергій, пѣшеходствуя отъ Коломны къ Серпухову берегомъ Оки, остановился отдохнуть и помолиться, и провелъ тамъ нѣсколько времени. Это было недалеко отъ старой Каширы, стоявшей тогда на Серпуховскомъ берегу (нынѣ село). Его молящагося, и мѣсто, которое, какъ говорятъ, онъ благословилъ, подстерегли набожные любопытцы, — и тамъ, на песчаномъ берегу Оки, основалась обитель Бѣлопесоцкая. Она стоитъ противъ новой Каширы *.

онъ возникъ на Востокѣ, въ колыбели Христіанства, въ отчизнѣ Дамаскиныхъ и Іосифовъ Гимнографовъ, возникъ вмѣстѣ съ нашимъ святолѣпнымъ служеніемъ.

* Этотъ малый городъ достоинъ, такъ сказать, глядѣть на то мѣсто, которое освятилъ преподобный Сергій: онъ хранитъ въ себѣ прахъ мужа по сердцу Сергія. Это прахъ соборнаго Протоіерея

104) **Митрополитъ Варлаамъ**, избранный прямо изъ Архимандритовъ Симонова, одиннадцать лѣтъ управлялъ Россійскою церковію; былъ другомъ и покровителемъ знаменитаго Максима Грека; содѣйствовалъ въ отказѣ В. К. Василія Папѣ Льву X-му на предложеніе о соединеніи Вѣры, подозрѣвая въ немъ втораго Евгенія; первый замыслилъ исправить церковныя книги *, и доста-

Алексія, который въ XIX вѣкѣ умѣлъ сравняться съ блаженными нашей древности. Въ молодыхъ лѣтахъ лишась супруги, имъ любимой болѣе, нежели должно быть любимо облеченное въ лѣпоту земную, онъ скорбѣлъ безмѣрно: и за эту любовь, за эту скорбь, *какъ за преступленіе* противъ второй заповѣди, заплатилъ Богу *покаяніемъ* во всѣ остальные дни жизни. Кто, даже изъ самыхъ твердыхъ Христіанъ, постигнетъ эту великую жертву Заповѣдавшему намъ ничего не любить паче Его? — Постигающій ее долженъ святить память этого мужа. И вотъ какъ провелъ онъ послѣднюю минуту своей жизни: почти всегда умирающіе чувствуютъ жажду, — ему подали арбузъ; онъ отвѣдалъ, и сказалъ: «друзья мои! съѣлъ бы весь, — но теперь ли предаваться земнымъ вожделѣніямъ? это не оцетъ съ желчію смѣшанный»; — отвергнулъ, страдалъ жаждою, — и такъ скончался. — У меня хранятся его собственноручныя тетради проповѣдей: онѣ, какъ посланія первобытной церкви, просты и сильны, сильны лишь тѣмъ, что было нѣкогда соблазномъ для Іудеевъ, безуміемъ для Еллиновъ, но еще ни чемъ не замѣнилось и не замѣнится для сердца человѣческаго. Нашлись Іудеи и Еллины XIX вѣка, осыпали своего Алексія пересудами; но по смерти его всѣ замолкли. Добрые горожане думаютъ и, можетъ быть, не ошибаются, что его молитвами избавлены они отъ холерной заразы. Эта мысль есть уже земный памятникъ неземному человѣку. [Я привелъ здѣсь это, вспомнивъ, что въ монастырѣ Бѣлопесоцкомъ, на мѣстѣ, гдѣ долго молился Преподобный Сергій, въ первый разъ увидѣлся съ этимъ новымъ его послушникомъ].

* Извѣстный профессоръ Польскій, Линде, отыскалъ и замѣтилъ [въ своемъ разсужденіи о Россійской Литтературѣ], что, въ 1512-мъ году В. К. Василій Іоанновичъ, *по совѣту Варлаама*,

вилъ отечеству мужа полезнаго ученостію и добродѣтелію, а церкви нашей Святаго; наконецъ, не рѣшаясь ослабить народнаго уваженія къ Монарху сильнымъ возстаніемъ противъ неправаго поступка съ Княземъ Сѣверскимъ, и противъ замысла о разводѣ съ Соломоніею, который, можетъ быть, онъ угадывалъ; съ другой же стороны, не желая потворствовать земнымъ видамъ въ противность божественныхъ законовъ и совѣсти, добровольно оставилъ Митрополію, и снова сошелъ въ Симоновскую келію простымъ инокомъ. [Видно, что онъ не только угадывалъ разводъ, но и бесѣдовалъ о немъ тайно съ Великимъ Княземъ; ибо приступивъ къ оному, Василій призывалъ на совѣтъ Симоновскаго старца Вассіана, обойдя старца Варлаама, бывшаго Митрополита, который, кажется, еще былъ живъ]. Въ нѣкоторыхъ же историческихъ извѣстіяхъ значится, что онъ изъ Симонова былъ сосланъ въ Вологду.

105) Я зналъ нѣсколькихъ Симоновскихъ страдальцевъ 1812 го года, а особливо одного, которому непріятельскіе солдаты отбили ноги такъ, что старецъ по смерть свою лежалъ лишенный ихъ употребленія. Незлобивый и смиренный, онъ любилъ говорить лишь о тѣхъ, которые были добрѣе, умалчивая и отвлекая разговоръ о своихъ мучителяхъ. И послѣ этого, мы, Россіяне, еще живые свидѣтели такихъ ужасовъ, слушаемъ, какъ Французы въ своихъ Историческихъ *Мемуарахъ*, и даже въ романахъ, гдѣ только коснутся упомянутой эпохи, величаютъ насъ варварами; слушаемъ, и говоримъ: «какъ сладко пишетъ Герцогиня Арбантесъ! какъ силенъ слогъ г-на Баржине и его сотрудниковъ!»

писалъ къ монахамъ горы Аѳонскія, требуя у нихъ ученаго мужа, который могъ бы исправить церковныя книги въ Россіи, въ слѣдствіе чего и былъ присланъ къ нему ученый Грекъ Максимъ.

106) *Житіе Св. Сергія.* — Изъ тридцати осьми учениковъ и собесѣдниковъ его, извѣстныхъ по именамъ и подвигамъ, вышло двадцать два Угодника, основателей монастырей; ихъ же учениковъ, также прославившихся святостію и примѣрнымъ для Христіанъ житіемъ, трудно и счесть: прямый разсадникъ! «Кто назоветъ всѣ безчисленные монастыри и пустыни, говоритъ Муравьевъ, пріявшіе начало отъ иноковъ Троицкой Лавры, которая монашескою сѣтію окинула весь Сѣверъ Россіи, сроднившійся духовно во единомъ Аввѣ, подобно какъ на Югѣ Антоній и Өеодосій сдѣлались отцами пустынножителей!»

107) Въ службѣ св. Сергію. — Эти слова очень счастливо замѣчены въ *Путешествіи по Святымъ мѣстамъ Русскимъ.*

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ЗНАМЕНИТЫЕ МУЖИ, ИЗШЕДШІЕ ИЗЪ ОБИТЕЛИ СИМОНОВСКОЙ.

УГОДНИКИ БОЖІИ.

1. Св. Өеодоръ, племянникъ св. Сергія, первый Симоновскій Игуменъ и Архимандритъ [см. Архіепископы].

2. Св. Кириллъ, сперва Архимандритъ Симоновскій, потомъ отшелецъ на Бѣлоозеро, и тамъ основатель и Игуменъ.

3. Св. Ферапонтъ, подругъ и спостникъ св. Кирилла, съ нимъ вмѣстѣ удалившійся на Бѣлоозеро, также основатель тамъ обители; потомъ основатель таковой же въ Можайскѣ, гдѣ и мощи его опочиваютъ.

4. Св. Іона, Митрополитъ [см. Митрополиты].

ПАТРІАРХИ.

1. Іовъ; изъ Архимандритовъ Симонова въ Новоспасскіе въ 1575, а въ 1581 Епископъ Коломенскій; въ 1586 Архіеп. Ростовскій; въ 1587 Митрополитъ; а въ 1589 Патріархъ.

2. Ермогенъ; хиротонисанъ изъ Архимандритовъ Симоновскихъ въ Митрополита Казанскаго; въ Патріархи избранъ въ 1606, † 1612 *. Честь и слава нашей исторіи!

* Знакъ † показываетъ годъ кончины.

3. Іосифъ, прямо изъ Архим. Симон. въ 1641, † 1652.

МИТРОПОЛИТЫ ВСЕРОССІЙСКІЕ.

1. Іона [святый]; хирот. въ 1437 въ Епископа Рязанскаго и Муромскаго; въ 1448 въ Митрополита; † 1461.

2. Зосима Брадатый; хирот. въ Митрополита 1491; а въ 1494 оставилъ Митрополію по волѣ Іоанна III [одни говорятъ за ересь, другіе, вмѣстѣ съ *Софійскимъ Временникомъ*, за невоздержаніе].

3. Варлаамъ; хирот. 1511; въ 1522 оставилъ Митрополію.

МИТРОПОЛИТЫ.

4. Мисаилъ; хирот. 1667 въ Епископа Коломенскаго и Каширскаго; въ 1672 возведенъ въ Митрополита въ Бѣлгородъ; † 1684.

5. Варсонофій II-й Еропкинъ; хирот. 1671 въ Архіепископа Смоленскаго и Дорогобужскаго; въ 1676 переведенъ на Крутицкую Епархію Митрополитомъ.

6. Доронкй Кротковичъ; хирот. 1713 въ Митрополита Смоленскаго и Дорогобужскаго.

АРХІЕПИСКОПЫ.

1. Св. Өеодоръ, съ 1370 Игуменъ сперва Стараго, потомъ Новаго Симонова; Архимандритъ, рукоположенный въ Царь-Градѣ Патріархомъ и независимый отъ Россійскаго Митрополита; духовникъ В. К. Димитрія Донскаго; хирот. 1390 въ Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго; † 1395 [по *Исторіи* Карамзина и *Степенной книги* † 1394].

2. Вассіанъ II-й; хирот. 1506 въ Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго; † 1515. [Родный братъ св.

Іосифу Волоколамскому. Объ Архимандритіи его въ Симоновѣ предсказалъ св. Пафнутій Боровскій].

3. Іоаннъ III-й; хирот. 1520 въ Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго.

4. Левкій; хирот 1635 въ Архіепископа Псковскаго; пробывъ тамъ до 1650, отбылъ въ Москву.

5. Рафаилъ Краснопольскій, Ректоръ Моск. Дух. Академіи; съ 1706 Архимандритъ Симоновскій; въ 1708 хирот. въ Архіепископа Холмогорскаго и Важскаго; † 1711; погребенъ въ Холмогорскомъ соборѣ.

[Съ 1735 Холмогорская Епархія наименована Архангельскою].

6. Амвросій Юскевичь; хирот. 1736 въ Епископа Вологодскаго; въ 1740 переведенъ и возведенъ въ Архіепископа Новгородскаго; † 1745.

7. Павелъ Пономаревъ, Ректоръ Моск. Дух. Академіи; съ 1783 Архимандритъ Симоновскій; послѣ Воскресенскій и Новоспасскій; съ 1794 Епископъ Нижегородскій; съ 1798 Архіепископъ Тверскій; съ 1800 Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, и Член. Св. Сvнода; † 1805.

ЕПИСКОПЫ.

1. Михаилъ III-й; изъ Іеромонаховъ Симоновскихъ; хирот. въ 1380 въ Епископа Смоленскаго и Брянскаго; † 1402.

2. Иларіонъ; изъ Архимандритовъ Симоновскихъ хирот. 1406 въ Епископа Коломенскаго и Каширскаго; † 1409.

3. Сергій І-й Азаковъ; изъ Архим. Симон. хирот. 1423 въ Епископа Рязанскаго и Муромскаго *.

* Изъ Житія св. Кирилла Бѣлозерскаго видно однако же, что этотъ Сергій былъ и гонителемъ его и преемникомъ въ Архимандритіи, и такъ предшествовалъ въ оной Иларіону. Касательно же Епископіи, онъ могъ поступить и поздно, долго бывъ изъ Архиман-

ПОГРѢШНОСТИ.

стр	строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
6	28	вонскаго	Вожскаго
7	2	цѣлую	цѣлу
13	1	Казанскихъ	Каѳинскихъ
18	26	неорушимая	верушимая
24	15	изведеть	изыдеть
27	9	годъ	ходъ
41	22	неизмѣннымъ	низменнымъ

4. Нифонтъ; изъ Архим. Симон. хирот. 1485 въ Епископа Суздальскаго, Калужскаго и Тарузскаго, во преки, можетъ быть, волѣ Митрополита Геронтія. ✝ 1508 *. Онъ, вмѣстѣ съ св. Іосифомъ Волоколамскимъ, свергли Митрополита Зосиму, какъ еретика; къ нему-то Іосифъ писалъ сильное посланіе, преданное намъ исторіей.

5. Гурій Заболоцкій; изъ Архим. Симон. хирот. 1543 въ Епископа Смоленскаго; въ 1555 оставилъ Епархію.

6. Савва II-й; изъ Архим. Симон. хирот. 1544 въ Епископа Сарайскаго.

7. Трифонъ; изъ Архим. Симон. хиротон. 1549 въ Епископа Суздальскаго, Калужскаго и Тарузскаго; 1551 оставилъ Епархію.

8. Лука Конашквичь; изъ Архим. Симон. хирот. 1737 въ Епископа Устюжскаго и Тотемскаго; въ 1738 переведенъ въ Казань; въ 1755 въ Бѣлгородъ Епископомъ же; ✝ 1758.

дритовъ на покой. Онъ былъ другомъ властолюбиваго Митяя, и, въ 1379 сопутствовалъ ему въ Царь-Градъ. *См. И. Г. Р. томъ V.*

* Этому Архимандриту Нифонту, въ 1484, было много труда: ему надлежало удерживать въ Симоновѣ Митрополита Геронтія, ловить его бѣгавшаго изъ обители, и возвращать въ нее. *Софійскій Времянникъ* говоритъ, что властолюбивый Геронтій, оставивъ Митрополію, и съѣхавъ на Симоново за болѣзнію, выздоровѣлъ, и снова захотѣлъ Митрополіи; но Іоаннъ III уже его не хотѣлъ. Геронтій бѣгалъ изъ монастыря, его ловили и снова приводили въ Симоновъ, *и тужи много по митрополіи.* Троицкой Игуменъ, Паисій, былъ посыланъ увѣщевать его, чтобы не думалъ уже о власти, но безуспѣшно, и В. Князь предложилъ Митрополію самому Паисію; но сей отказался, говоря, что онъ не могъ смирить и своихъ Троицкихъ монаховъ и обратить ихъ на Божей путь. [Какъ противуположны бываютъ характеры!]. За симъ вскорѣ призвалъ В. К. опять Геронтія.

ПИСАТЕЛИ.

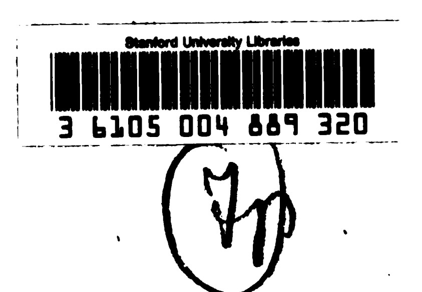
1. Св. Кириллъ Бѣлоозерскій.

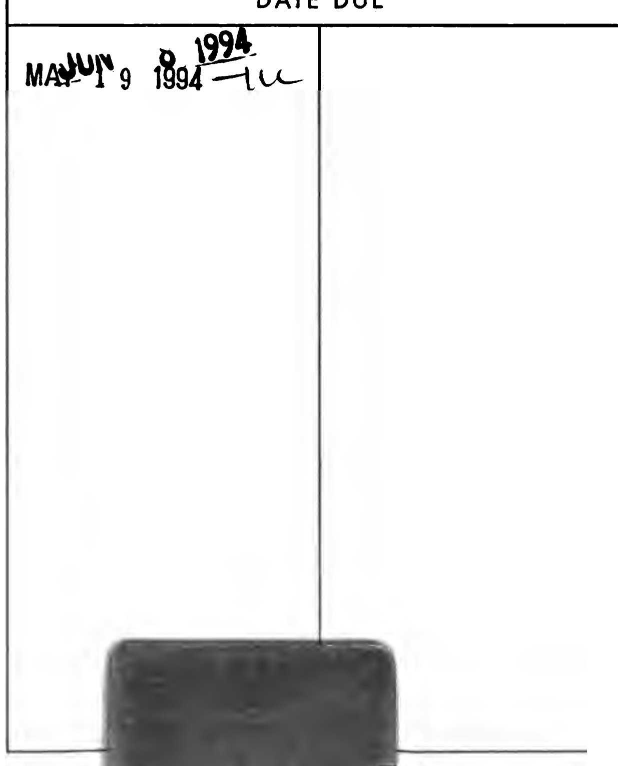
2. Гавріилъ Домецкій, Архимандритъ Симоновскій; 1690.

3. Іосифъ Туровойскій, Архим. Симон. 1708.

4. Павелъ Пономарѣвъ, Архим. Сим. ✝ 1805 [см. Архіепископы].

Евгеній, Митрополитъ Кіевскій, въ своемъ Словарѣ, полагаетъ въ числѣ Духовныхъ писателей: *Св. Іону* Митрополита и Патріарховъ *Ермогена* и *Іосифа*.

Stanford University Libraries
3 6105 004 889 320

MAY 1 9 1994
JUN 8 1994

